

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Священник
Тимофей

ДВЕ КОСМОГОНИИ

Священник Тимофей

ДВЕ КОСМОГОНИИ

**Эволюционная теория
в свете святоотеческого учения
и аргументов креационной науки**

Священник Тимофей
ДВЕ КОСМОГОНИИ

**Эволюционная теория
в свете святоотеческого учения
и аргументов креационной науки**

**Под редакцией
члена Российского физического общества
Евгения Лукьянова**

Книга продолжает серию научно-апологетических пособий, подготовленных священником Тимофеем и выпускаемых издательством «Паломник». Рассматривается один из важнейших мировоззренческих вопросов: мог ли Господь Бог посредством эволюции сотворить Вселенную, жизнь на земле и человека?

В первой части автор убедительно показывает, что ни самопроизвольная (атеистическая), ни направляемая Богом (теистическая) эволюция с христианским мирозерцанием несовместима, ибо смерть вошла в мир только с грехопадением человека и наказанная за него первозданная природа с тех пор отнюдь не совершенствуется, а все более деградирует.

Во второй части отец Тимофей делает всесторонне обоснованный вывод, что допущение эволюционной точки зрения имеет прямую связь с доктринами древних языческих, гностических, каббалистических сообществ, с их учением хилиазма — мечтой о новом рае на земле, и даже с их сатанинскими мистериями.

На обложке:
*Каин убивает Авеля. Мозаика.
Сицилия, 1180–1190*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые апологетические работы опираются на выводы креационной науки. Ученые-креационисты исследуют данные самых разных естественных наук, свидетельствующих о сотворении мира Богом, притом о сотворении, протекавшем в прямом соответствии с первыми главами Библии.

Когда современный человек впервые слышит о том, что Вселенной нашей всего лишь несколько тысяч лет, что всемирный потоп и Ноев ковчег действительно были, что древние люди сосуществовали на земле с динозаврами и даже вступали с ними в единоборство, — у неподготовленного читателя, даже у верующего, иногда начинает кружиться голова: слишком уж много всего, слишком уж непривычно, неужели большинство ученых, исчисляющих возраст Земли миллиардами лет, ошибаются...

Во всей этой книге читатель вновь и вновь услышит призыв к тому, чтобы самостоятельно разобраться с этими научными вопросами, мы же кратко перечисляем лишь основные выводы креационной науки и главные трудности господствующей эволюционной теории. Конечно, можно было бы и в данном издании собственно научные вопросы раскрыть подробно. Мы не идем на это по трем главным причинам.

Во-первых, для этого пришлось бы в несколько раз увеличить объем работы. Краткое изложение, приведенное здесь, недостаточно. Для того, чтобы ощутить степень достоверности научного знания, внушенного нам в школе, нужно самому покопаться в нем поглубже.

Например, вы никогда не поймете, до какой же степени нас с вами дурачили теорией происхождения человека от обезьяны, пока сами не прочтете строгий научный отчет: где, когда и что нашли, прежде чем назвать найденное той или иной разновидностью обезьяно-человека. Лишь тогда увидите подлинную историю грубых и тонких подделок и фальсификаций, которая представит перед вами как настоящий детективный роман.

Во-вторых, мы не знаем уровня заинтересованности и подготовленности в естествознании у нашего читателя. Лицам со средним образованием подойдет что-то одно, с высшим (как у автора) — другое, лицам с научными степенями — что-то третье. Опять же: для биологов нужно что-то свое, для физиков — свое и т. д. При этом достать книги по креационной науке, соответствующие своему уровню, ныне каждому доступно — было бы только желание этим заниматься.

В-третьих, в книге основной упор делается на аспекты мировоззренческие, в которых заключается вся суть наших исследований. В ходе разговоров с разными лицами по вопросам креационной науки автор убедился, что точка зрения собеседника определяется его религиозной верой и желанием ее сохранить. Исключительно ими!

Материалиста легко «припереть к стене» хотя бы проблемой происхождения жизни. Не зная, что возразить на данные экспериментов и расчетов, он упорно утверждает свое: как-то в космосе, не знаю как, — но верю, что жизнь появилась сама собой. Также и в других вопросах последним аргументом является вера.

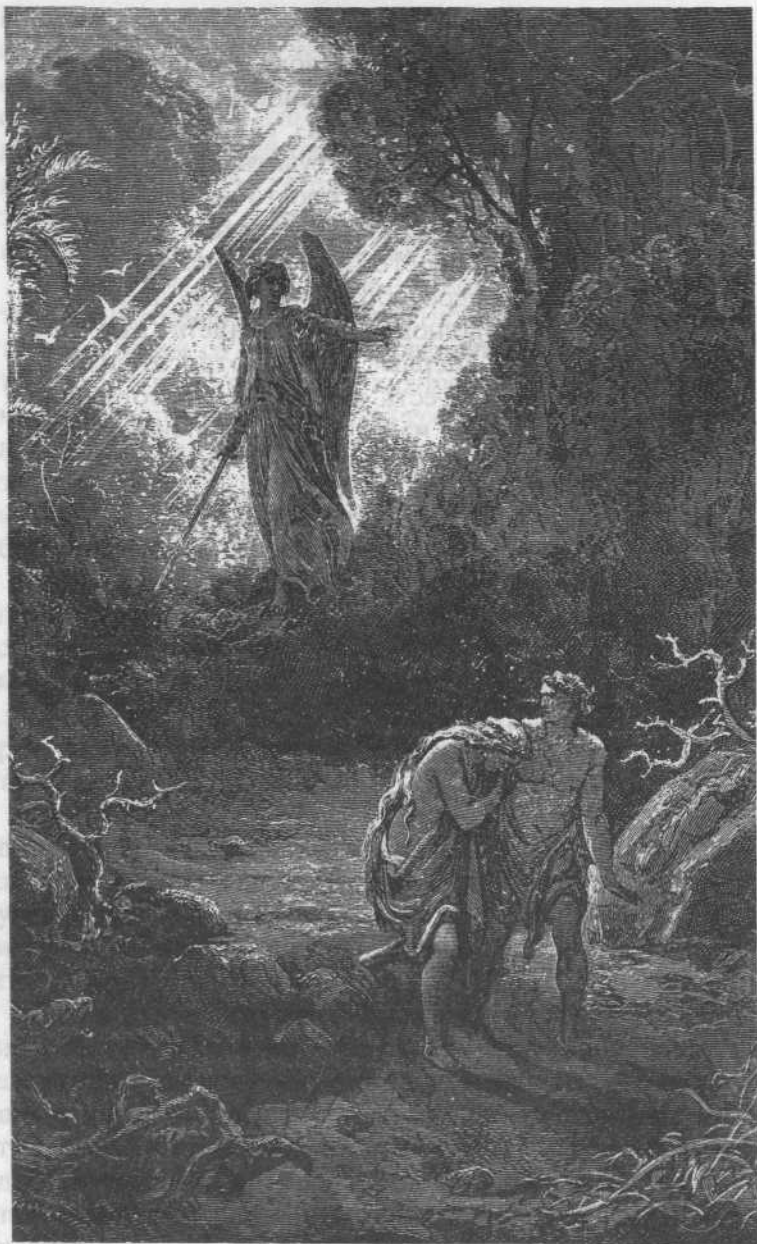
Там, где за разрешением загадок мироздания обращаются к вере, начинается прямое поле деятельности автора. И все же читатель, вспомнив недавнее прошлое, вправе спросить: «А хорошо ли сам автор ориентируется в естественных науках? Ибо нам уже доводилось слышать преподавателей диалектического материализма, обучавших нас философии науки, которые и сами не знали, что такое ДНК или теория “большого

взрыва»». — Не пытаясь выдать себя за специалиста, автору остается сослаться на свою предшествующую книгу этой серии — «Православное мировоззрение и современное естествознание» (М., «Паломник», 1998), по которой читатель сам может судить, взяты ли приводимые здесь научные выводы просто из чьей-то популярной брошюры, или же они проверены и продуманы.

Настоящая книга состоит из двух частей: первая представляет собой переработанное и дополненное издание брошюры «Эволюция или тление?» (М., 1997), вторая публикуется впервые. В этих относительно самостоятельных частях есть некоторые повторяющиеся идеи, поскольку обе части объединяет общая тема. Различаются лишь подходы к ней: то, что в первой части рассмотрено с позиции святоотеческого богословия, во второй — поставлено в общий контекст религиозной мысли человечества.

Креационную наукою заняты серьезные ученые с известными именами и высокими степенями. И это с учетом того, что открыто высказывающим креационистские взгляды научная карьера не слишком улыбается не только в нашей стране, но и на Западе. Это объясняется крайней идеологизацией науки, как и прочих сторон культурной жизни общества. Современному обществу навязывается определенная религия, в том числе через науку.

Выяснить, каким образом это происходит, — вот цель предлагаемой работы. Если читатель увидит, что все корни упорных и злонамеренных научных заблуждений уходят в религиозную сферу, автор вместе с ним возблагодарит Господа.

Изгнание из рая. Гравюра Гюстава Доре

ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ТЛЕНИЕ ?

«Тот, кто полагает, что в науке вера никакой роли не играет, и что наука преисполнена знанием, что мы очень многое, а может быть и всё, или почти всё, знаем, тот переоценивает познавательную способность человека, безгранично расширяет область якобы познаваемого и, сам того не замечая, впадает в грубейшие ошибки. Он начинает страдать как бы манией умственного величия, полагая, что для него уже не существует мировых загадок, что у него готово для них полное решение. На такой-то почве вырос тот печальный плод научного недомыслия, который называется материализмом и который в настоящее время уже кончает свое бесплодное существование».

Орест Данилович Хвольсон,
заслуженный профессор
Петроградского университета
[25, с. 14]

ВВЕДЕНИЕ

Поразительные научные открытия недавнего времени невольно направляют всякий ум человеческий, интересующийся вопросами бытия, к проведению соединительных мостов между наукою и религией. Люди пытаются осознать законы бытия — более глубинные, чем законы видимой природы. Это естественно, и вообще говоря, хорошо. Вопрос только в том, чем мы руководствуемся в этом поиске: умом ли собственным, философской или религиозной системой, и какой? От этого всецело зависит, доберемся ли мы до истины или нет.

Похвальное вводное слово наука нашего времени, несомненно, заслужила. Воздадим же ей должное за два главных ее достижения, которые любители ее постоянно замалчивают, а нелюбители ставят постоянно в упрек.

Первая ее заслуга, раскрывшаяся особо к нашему времени, состоит в том, что наука есть нечто весьма коловратное. Нет ничего более текучего, чем ее теории и гипотезы. Неоспоримые же факты, добытые ею, сами по себе говорят очень мало. Открытые ею законы в огромном большинстве описывают лишь частные ограниченные случаи реальности, помогая человеку играть в свои технические игрушки. Они лишь слегка проливают свет на важные и глубокие вопросы бытия.

Вторую похвалу воздадим науке за ее немощь, тесно связанную с ее изменчивостью. Только в наши времена наука приводит знакомящегося с нею человека к неверию в нее, а соответственно, к поиску истины вне ее. Сто лет назад претензия науки на абсолютное зна-

ние была гораздо больше. Сейчас во многих местах она дошла до границ своего научного метода, во всяком случае доказала, что объяснить бытие мира своими силами она не в состоянии.

Чтобы сказанное не звучало как необоснованное обвинение, приведем лишь краткие общеизвестные примеры, изложив их возможно проще.

Во времена святых Отцов господствовала «физика четырех стихий»: воды, воздуха, земли и огня — непрерывных субстанций, которые, сочетаясь различным образом, образуют все наблюдаемые предметы. Затем эта теория сменилась молекулярной и атомной, рассматривавшей атомы как неделимые шарики, движущиеся строго по законам механики. Для атомов нашлись свои составляющие их «кирпичики» — элементарные частицы. У этих последних обнаружилось свойство превращаться в электромагнитные волны. Есть предположение, что и все элементарные частицы, разновидностей которых довольно много, состоят еще из трех универсальных микро-элементарных частиц. Глядя на всю эту эволюцию взглядов, ничуть не удивись, если в один прекрасный день большинство ученых вновь вернутся к четырехстихийному пониманию материи, только уже на другом уровне.

Еще не так давно все ученые представляли тепло как переход от одного тела к другому некоей невесомой субстанции — теплорода. Теория теплорода могла как-то объяснять некоторые явления. Потом из общепринятой в термодинамике она оказалась несостоятельной и заменена молекулярно-кинетической теорией.

Подобно тому еще около ста лет назад все ученые были убеждены, что свет есть колебание другой невесомой и всепроникающей субстанции — эфира. В эфир, как и в теплород, верили и признающие Бога, и атеисты. Давно уже от веры в эфир пришлось отказаться, как и от теплорода, но у нас не появится ни малейшего удивления, если эти теории вновь когда-нибудь воскреснут на более высоком уровне осмысления.

Удивительно мало знаем мы о действительной сущности вещей. Что такое свет: частица или волна? И то, и другое — такой ответ отчасти верен. Более верен другой ответ: ни то, ни другое. Еще поближе к истине можно сказать так: некое математическое выражение, с использованием так называемых мнимых чисел, лучше всего «знает», чем он будет: частицей или волной в данном опыте. Объяснять сложнее и правильнее пока не будем.

Если же мы коснемся истории земли и жизни на ней, ее возраста и путей развития, то здесь научной смелости, а значит, и разнообразию теорий прямо-таки не будет конца. Единственно до чего наука добралась более или менее твердо — это до невозможности создать искусственную жизнь и искусственный разум. Лучшие умы науки — а таковые могут сочетаться в одном лице только со смиренными сердцами — утверждают, что вообще жизнь несводима только к биохимическим реакциям, а душевная жизнь животных несводима к биологической деятельности клеток.

Мы же здесь приведем слова святителя Василия Великого: «Еллинские мудрецы много рассуждали о природе, — и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым, потому что последующим учением всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему нам нет и нужды обличать их учения, их самих достаточно друг для друга к собственному низложению» [1, с. 7 (Беседа 1)], — и поступим по примеру святого. В его времена разброд научных мнений был много меньше современного, но святитель, в совершенстве зная всю тогдашнюю науку, не полагался на нее и не питал к ней пристрастия.

Об излишнем уповании на науку образно сказал Максимилиан Волошин: «Путь человечества только через науку и прогресс — это творчество навыворот, когда все самое лучшее в человеке принесено в жертву формуле и химере... Трагедия материальной культуры — это выбор Каина, убившего в себе дух — брата Авеля».

Целью же нашею будет несколько яснее, чем ныне принято, выделить один из основных законов бытия, — конечно же, не сегодня открытый, но пронизывающий Откровение и писания Отцов. Осознание сего закона, равно как и причин его забвения, имеет для нас важное духовно-нравственное значение.

Избегая «учений еллинских мудрецов» и подчеркивая их бесполезность для главной цели человеческой жизни, для спасения, святитель Василий и другие Отцы все же занимались темою Шестоднева — раскрывали учение о сотворении мира и человека в их проекции на современную им науку. Особенно много естественно-научных материалов содержит книга преподобного Иоанна Дамаскина [5].

На наш взгляд, когда Отцы излагают Божественную метафизику Священного Писания с использованием физики их времени, они делают уступку немощи своих слушателей. Так уж устроен натуральный человек, что он неспособен сразу принять правду, содержащуюся в Откровении, ему сперва требуется правдоподобие, т. е. перевод правды в плоскость тех чувственных образов и понятий, к которым он привык и которым доверяет.

Имея опыт того, как святые Отцы-Шестодневники давали порою излишнее послабление немощи слушателей и слишком глубоко уходили в ту физику, которая впоследствии оказалась все же неверной, мы стоим в трепете перед сложной задачей: говоря о метафизике, не слишком опираться на физику, т. е. вообще современную науку. Иначе мы рискуем оказаться в положении циркача, вынужденного бежать по катящейся бочке, куда бы она ни катилась. Наука и есть именно такая катящаяся бочка, в которой нет решительно ничего устойчивого и постоянного. Однако и нам, чтобы быть выслушанными до конца, придется начать не с правды, а с правдоподобия. Что поделать? Оказывается, что на камени веры человеку стоять еще труднее, чем балансировать на катящейся бочке.

Ничего не остается, как постараться сразу отделить правдоподобное от правды. Изложим сперва в отдельной главе правдоподобное именно как таковое, не выдавая за истину в последней инстанции. Пусть это научное правдоподобие выполнит главную цель: разрушит слепую и необдуманную веру в ту псевдонаучную фантастику, которая утверждает, что мир развивается по линии усложнения вот уже целые миллиарды лет. Такое крушение общепринятых иллюзий, как мы надеемся, расположит читателя принять истину совсем другого плана — истину Откровенную. Не претендуем и здесь на абсолютно безошибочное ее изложение, но стремимся возбудить к ней интерес и показать путь, где она дается. С этой целью в дальнейшем изложении мы постараемся отделять общеизвестные святоотеческие положения от научных данных и собственных заключений и предположений. Не навязывая никому веру в эти последние, мы надеемся, что нам удалось выразить общий ход православной мысли, — впрочем, с радостью примем возможные поправки. Желание наше — не настоять на своем мнении, а пробудить интерес и сердечное внимание к поднимаемой теме, опровергнув только явные заблуждения.

Кстати, истина потому и является истиною, что она дается, а научное правдоподобие потому и является лишь подобием, что самостоятельно добывается.

О ПРАВДОПОДОБНОМ И ФАНТАСТИЧЕСКОМ

Ограниченный человеческий разум воспринимает представление о вещах не во всей полноте, но лишь модельно. В принципе, и библейский Шестоднев — это краткая космогоническая модель. Ни Моисей, ни его читатели через тысячи лет не способны вместить всей полноты Божиего замысла о мироздании. Бог открыл нам столько, сколько счел необходимым и доступным нашему разумению.

Наука тоже мыслит моделями, каждая из которых описывает сколько-то фактов, а остальные объяснить не может. Эти научные модели постоянно сменяют друг друга, то уточняя, то ниспровергая одна другую, как об этом выше сказал нам святитель Василий. Здесь мы кратко наметим ту модель, которая на сегодняшний день сложилась среди ученых-креационистов, отстаивающих идею сотворения. Их модель сводится к следующим положениям:

— Мир сотворен за некоторый довольно краткий период, о котором наука ныне ничего не может толком сказать, ибо нынешних законов природы тогда вовсе не было, или же они были другими.

— Сотворение произошло в исторические времена, завершившись созданием человека (примерно 7,5 тысяч лет назад).

— Развитие всего облика земли объяснялось катастрофическими явлениями и не было постепенным и непрерывным.

Дальше работа ученых сводится к сбору материалов самых разных наук: астрономии, геофизики, биохимии, генетики, палеонтологии, истории — в подтверждение этих положений и опровержение господствующих в обществе атеистических эволюционных стереотипов.

МИЛЛИАРДЫ ЛЕТ?

Сколько лет существует Земля и жизнь на ней? — Любой школьник ответит ныне почти не задумываясь: четыре с половиной миллиарда. Но кто первый дал такую цифру? Кто измерил эти годы и каким физическим прибором?

Оказывается, единственный метод, который действительно сводится к каким-то измерениям и расчетам и дает подобные цифры, — это радиометрический. Но интересно, что разговоры о миллионах лет пошли задолго до всякой радиометрии и лишь «подтвердились» ею впоследствии. Теория эволюции, принятая буквально «на ура» и без всякой проверки, «задала» геологам и палеонтологам задачу: время считать теперь миллионами лет, чтобы всем тварям хватило времени превращаться в более сложные формы спокойно и неспешно. Не этим ли объясняется, например, такое признание Р. Х. Расталла (Rastall), геолога из Кембриджа: «Нельзя отрицать, что со строго философской точки зрения рассуждения геологов представляют собой порочный круг. Последовательность организмов определяется возрастом пород, в которых обнаружены окаменелые останки, а относительный возраст пород определяется последовательностью найденных в них останков организмов» [11, с. 76].

Русский креационист С. Л. Головин объясняет это противоречие яснее и подробнее: «Вся поверхность земли покрыта многочисленными слоями осадочных пород, и, хотя последовательность этих слоев не совсем одинакова в разных районах планеты, считается, что эти слои соответствуют различным временным периодам эволю-

ционного развития биосферы. Гипотеза о таком соответствии появилась как следствие распространения идей теории эволюции в палеонтологии и основывается на том реальном факте, что для различных слоев характерны различные виды встречающихся в них окаменелых остатков живых организмов. Было высказано предположение, что последовательность характерных для следующих один за другим слоев представляет собой летопись последовательного развития животного мира от одних (якобы — примитивных) форм жизни к другим (соответственно — более развитым). Идея настолько прижилась ко двору, что стало считаться моветоном задумываться о том, что ежели развитие жизни происходило плавно от одних форм к другим, то почему тогда:

— вообще можно наблюдать какие-либо слои с резкими границами вместо плавного убывания представителей одних и прибывания других видов?

— представители каждого из ранее не встречавшихся видов появляются в летописи окаменелостей сразу в огромных количествах и в окончательно сформировавшемся виде без предшествования каких-либо переходных форм?

— многие виды окаменелостей, встречающиеся в более ранних слоях, ничуть не примитивнее многих “более поздних” видов?

Возьмем для примера самый первый из геологических слоев, в котором можно обнаружить окаменелости, — кембрийский. Характерными представителями этого слоя являются трилобиты — “родственники” современных раков и омаров. Никаких полу-трилобитов или недо-трилобитов, да и вообще чего бы то ни было хотя бы отдаленно напоминающего предков трилобитов ни в самом нижележащем слое, ни на границе слоев обнаружить так и не удалось. Трилобиты появляются в геологической колонне в огромных количествах в уже вполне сформировавшемся виде. Их конечности обеспечивают животным необходимую подвижность. Удивительной конструкции жесткий панцирь позволяет при необходимости сворачи-

ваться клубком, защищая уязвимое брюшко. Но самым поразительным является то, что трилобиты имеют вполне сформировавшиеся полноценные органы зрения — глаза. Зрение же по праву считается одной из самых сложных функциональных возможностей живых организмов...

Однако, несмотря на общеизвестность перечисленных фактов, большинство современных геологов продолжают утверждать, что возраст кембрийских пород составляет 500–570 миллионов лет, о чем свидетельствует наличие в этих породах трилобитов. Палеонтологи же, в свою очередь, считают, что трилобиты существовали 500–570 миллионов лет тому назад, потому что эту разновидность окаменелостей находят в кембрийских породах. И ни те, ни другие упорно не замечают ни порочного круга в системе доказательств, ни того факта, что сама эта система основана всего лишь на предположении, причем так и не получившем своего подтверждения» [12, с. 27–30].

Выйти из порочного круга и сохранить веру в миллионы лет ученым помогла радиометрия. Что же реального она показала?

«Люди, далекие от этой сферы, даже не представляют, насколько противоречивы и несогласованны эти данные. Публикуются лишь те даты, которые соответствуют предположениям геологов, остальные же попросту замалчиваются или отменяются. “Человек 1470” Ричарда Лики (предполагаемый предок человека) при использовании одних и тех же образцов, одного и того же оборудования, при участии одних и тех же лаборантов “получил” возраст в пределах от 220 миллионов лет до 2,6 миллиона лет... Опубликованные результаты показали, что по методу “калий-аргон” породы, образовавшиеся вследствие недавних извержений, были датированы 22 миллионами лет, а по методу “углерод-14” живым улиткам оказалось... 27 000 лет! Тем же самым методом “углерод-14” возраст шерстинки мамонта определили как 26 000 лет, а возраст торфа, в котором был найден мамонт, — как 5600 лет» [11, с. 88].

И в незыблемость миллионолетней хронологии даже христианские авторы поверили чуть ли не больше, чем в Библию! Ни одному студенту-троечнику с подобными результатами никогда бы не сдать зачета в лаборатории.

Дело в том, что радиометрия — принципиально порочный метод датирования. В ней изначально заложена систематическая погрешность. Она всегда будет искажать результат в сторону завышения возраста. Метод основан на измерении концентрации двух радиоактивных изотопов или элементов, один из которых превращается в другой в результате распада. При этом делается совершенно некорректное и недопустимое предположение, будто дочерний элемент в первоначальной породе вовсе не существовал, хотя он-то как раз более устойчив, чем распадающийся.

Кроме того, что значит, с точки зрения материалиста, датировать осадочную породу? Чем-то она была до того, как стала осадочной и попала в нужный нам слой, положим тот же кембрийский? Почему в сыплющейся породе пошел распад, а пока она была материнской, распада не было?

С. Л. Головин сравнил радиометоды с точным измерением скорости автомобиля и попыткой рассчитать отсюда время, за которое автомобиль преодолел расстояние от звезды Альфа Центавра до Земли. Но был ли автомобиль на этой звезде?

В то же время существуют серьезные свидетельства относительно молодого возраста Земли и солнечной системы.

Во-первых, рассчитав соотношение концентраций различных солей, выносимых реками в океаны, даже в предположении совершенно пресных вод в первобытном океане, мы получаем тысячи, в крайнем случае миллионы лет (для разных солей), но никак не миллиарды. Если же океан был изначально соленым, то возраст его гораздо моложе.

Во-вторых, скорость уменьшения магнитного поля Земли, измеренного впервые 150 лет назад, такова, что

уже 10 000 лет назад на Земле не могла бы возникнуть жизнь — так велика была бы сила этого поля.

В-третьих, на поверхность Земли осело весьма мало метеоритной пыли. Скорость оседания и состав ее известны и дают нам продолжительность оседания также порядка нескольких тысяч лет. То же самое можно сказать об оседании пыли на Луне.

В-четвертых, и Луна оказалась молодою, потому что она до сих пор остывает, имеет жидкое ядро, приборы фиксировали на ее поверхности лунотрясения, чего не могло бы быть, если бы ее возраст составлял миллиарды лет.

Что касается возраста всей Вселенной, то его было принято определять на основании столь же условного предположения. Считалось, что Вселенная разбегается после «большого взрыва», а скорость разбегания пытались установить по так называемому «красному смещению» — изменению частоты излучения звезд. Однако сложнейшее упорядоченное строение звездных систем никак не походит на разлетающиеся обломки «сверхбомбы». Распределяются эти «обломки» крайне неравномерно. Наконец, фоновое излучение, считавшееся отблеском «большого взрыва», равномерно по всем направлениям, почему и не может больше считаться послевзрывным и называться «реликтовым».

Д-р Уилл Сондерз (Saunders) из Оксфордского университета сказал: «Сейчас мы впервые за последние десять лет остались без какой бы то ни было приемлемой теории, объясняющей космогонию в целом» [11, с. 32].

К этой точке ученые «приехали» в 1991 году.

У нас нет возможности вдаваться в астрофизику слишком глубоко, но одно можно предположить с наибольшей научной вероятностью: вся эта прекрасная, сложнейшая Вселенная должна была возникнуть самым простым и ясным способом — Божиим повелением, и встать в чине своем примерно в том же порядке, что и теперь. Вот и вся космогония. Всякие прочие загадки в ее устройстве будет гораздо проще объяснить, чем такое

величайшее чудо, как она сама. Есть и попытки такого объяснения — например, через уменьшение за последние (и первые!) шесть тысяч лет скорости света. Есть иные объяснения «красного смещения» — не это главное. Важно, что наука пока демонстрирует свое бессилие перед этой проблемой. Почему бы в таком случае не поверить буквальному смыслу Откровения?

ВОЗМОЖНЫ ЛИ ПРЕВРАЩЕНИЯ ВИДОВ?

Итак, если в распоряжении земной истории вовсе не имелось миллионных капиталов времени, то эволюционными превращениями ей заниматься было просто некогда. Этот вывод довольно строго подтверждает палеонтология, так и не нашедшая никаких форм организмов, которые можно было бы однозначно толковать как переходные. Генетики также склонны отрицать эволюцию на том основании, что любой организм является очень хорошо слаженной системой, где все органы удивительно тонко связаны между собой. Изменить только один орган, каким бы то ни было способом, и не тронуть все остальное — значит создать какое-то неполноценное существо, которое умрет быстрее своих братьев.

В. А. Губанов, к примеру, об этом пишет так: «Если в глазу один элемент, одна частица через мутацию изменится (допустим, что в лучшую сторону, вопреки фактам о губительности мутаций), то глаз все равно ослепнет. Нужно, чтобы все элементы глаза, все части изменились мгновенно в лучшем направлении, только такая мутация будет полезной и приживется. Нужно, чтобы весь глаз мгновенно изменился к лучшему — но это чудо возможно только Богу, только Тому, Кто сотворил глаз.

Но допустим невероятное для ученых, что глаз через мутации превратился в другой глаз, лучший, больший. У человека ведь большие глаза считаются признаком добротности. Но тогда, чтобы не было уродства с разными глазами, нужно чтобы и второй глаз

также превратился в лучший, больший, и притом в то же мгновение. А это уже второе чудо.

Далее, ведь нужно, чтобы и другие органы не отставали в развитии. Нужно, чтобы эти вновь появившиеся глаза не вылезали из орбит? Значит, нужно, чтобы изменилось лицо, лоб, голова? А если голова станет немного большей, чем была, то нужно, чтобы изменилась и шея, чтобы носить голову, да и все тело?.. Чудо? Да. Но самое чудесное, что эти признаки не передадутся по наследству, а будут ослабевать с каждым поколением, пока не растворятся полностью. То есть нужно, чтобы этому мутанту была пара, второй такой же мутант, но противоположного пола» [9, с. 259–261].

Добавим: необходимо, чтобы все указанные изменения у обоих мутантов полностью отразились в генетическом коде, а не просто были бы выборкой из информации родительского генного кода. Тем не менее делается вывод: «Теория мутаций и скачков невозможна без Бога» [9, с. 261].

Таким образом, превращение видов не отрицается, но это развитие мыслится только по направлению Творца.

Можно эту мысль выразить равнозначной: для того, чтобы роман «Бесы» при помощи перестановки слов и фраз превратить в роман «Идиот», необходимо участие Ф. М. Достоевского. Согласимся, что автор здесь нужен. Но согласится ли сам автор на такую работу? Может быть, ему проще написать новый роман сразу, вместо того, чтобы уродовать для этого старый?

ПЕРВОБЫТНЫЙ МИР

Креационная модель полагает, что мир сотворен сразу, в шесть дней, и все твари в нем за всю их историю не претерпели восходящих, улучшающих породу изменений. Просто древняя флора и фауна были гораздо богаче современных. Это можно объяснить наличием поверх атмосферы большого слоя пергретого водяного пара, создававшего на земле повышенное атмо-

сферное давление и глобальный парниковый эффект. Над атмосферой земли и сейчас присутствует почти пустой слой — термосфера, температура сильно разреженного газа в котором значительно выше точки кипения пара.

Наличие вод над допотопной атмосферой, согласно прямому пониманию библейского текста (Быт. 1, 7 и 3 Езд. 6, 41), признавали не только богословы, но и естествоиспытатели. Так, например, Иммануил Кант писал, что земля раньше вокруг себя имела атмосферическое кольцо, которое состояло из водных паров, и помимо тех преимуществ, какие могло оно доставлять первым обитателям земли, — оно могло быть в нужную минуту разрушено с целью наказать наводнением мир, ставший недостойным такой красоты.

Эта вторая атмосфера защищала землю от космического излучения, а значит, и от вызываемых им мутаций в организмах. Этим и объясняется долгожительство первых людей: до потопа они жили по 8–9 веков.

В гигантском всепланетном парнике от полюса до полюса был тропический климат и буйная растительность, способная прокормить множество животных — и крупных, и мелких. На земле в результате равномерного прогрева поверхности не было ни ветров, ни смены времен года, ни дождей. Это подтверждается тем, что ископаемые громадные деревья не имеют годичных колец и сильной корневой системы.

Сердце, а следовательно и другие органы, в условиях повышенного давления работают медленнее, ибо кровь более насыщена кислородом и другими веществами, что также может способствовать долголетию. Только в таких условиях могли вырастать гигантские рептилии, растущие всю свою жизнь и не снабженные системой терморегуляции, необходимой на сегодняшний день. Гигантские ископаемые насекомые также свидетельствуют о повышенном атмосферном давлении, поскольку дыхание насекомых осуществляется прямо через капилляры хитинового покрова, и чем больше дав-

ление воздуха, тем на большую глубину в организм насекомого кислород может проникнуть, тем, следовательно, больше оно может вырасти. А ископаемые особи действительно крупнее современных. Например, стрекозы с полуметровым размахом крыльев не такая уж редкость среди них.

Нелетающие на нынешний день птицы и древние летающие ящеры с неуклюжими перепончатыми крыльями в тех условиях могли быть неплохими летунами, поскольку сам воздух был для них плотнее.

Подтверждение повышенному атмосферному давлению мы находим в пузырьках воздуха, «законсервированных» в янтаре, — там парциальное давление основных составляющих атмосферу газов значительно превышает нынешнее.

Есть и множество других подтверждений более высокому атмосферному давлению на земле и тому буквально райскому состоянию природы, которое наблюдалось тогда. Вся эта красота была погублена всемирным потопом. Основную массу потопных вод составили извергнутые из недр земли грязезые потоки, образовавшие впоследствии слои осадочных пород. Кроме того, *вода над твердью небесной* (Быт. 1, 7), вторая водяная атмосфера, пролилась на землю обильным сорокадневным дождем.

Парниковый эффект исчез, и в приполярных районах возникло быстрое оледенение. Только этим можно объяснить находки в вечной мерзлоте животных и растительных останков в совершенно свежем, только что замороженном виде. Никакие миллионы лет осаждения пород не могли бы дать такой картины.

Вообще, все палеонтологические находки — окаменелости или «замороженности» — указывают, что твари погибли внезапно и были тут же погребены грязевыми потоками. Иначе трупы и кости были бы быстро уничтожены тлением.

Смытая с берегов растительность оседала на дно и погребалась потоками осадков, что привело к образова-

нию каменноугольных пластов. В лабораторных условиях получить из свежего дерева каменный уголь можно довольно быстро при подходящих температуре и давлении, для этого вовсе не требуются миллионы лет. Аналогично обстоит дело и с нефтью. Можно, кроме того, предположить, что уголь и нефть были созданы изначально в своем собственном виде, хотя бы частично. Но объяснить образование угля просто тлением изредка умирающих в лесу деревьев — намного сложнее. Невозможно также объяснить неоднократные находки деревьев, окаменевших в вертикальном состоянии поперек сразу нескольких геологических слоев, если не отказаться от традиционного эволюционного подхода. А при потопе такие положения стволов вполне возможны.

В 1980 году в США произошло извержение вулкана Сант-Геленс. Оно наглядно показало, что огромные слои осадочных пород могут образоваться в считанные дни, а их радиометрический возраст, как сказано выше, может дать цифры в миллионы лет. Кроме прочих недостатков радиометрии, это связано с тем, что вулканические продукты имеют совсем иной состав радиоактивных изотопов.

Но как все же объяснить наличие «геологической колонны», т. е. соответствие между слоями пород и находимыми там видами ископаемых организмов? — «По всей вероятности, — пишет С. Л. Головин — вначале образующиеся мутные потоки ила и грязи, а также осадочные материалы — как химического происхождения, так и выносимые из недр земли термальными водами, должны были захватить донных морских обитателей, в первую очередь — беспозвоночных (тех же самых кембрийских трилобитов — *с. Т.*). Далее в ходе развития катаклизма должны оказаться погребенными жители морских глубин, потом мелководных прибрежных полос. Вслед за ними осадки захватывают сухопутных обитателей прибрежных зарослей. Затем вымытые из почвы, сбившиеся вместе и выпавшие в осадок крупные наземные растения должны были образовать пласты ка-

менноугольных залежей. В самых же верхних слоях должны быть представлены те виды живых существ, которые в силу своей организации и характерной среды обитания дольше всего могли сопротивляться разбушевавшейся стихии.

Причем чем позже образуется слой, тем с больших глубин земных недр поступающие геотермальные воды принимают участие в его образовании (не потому ли выносимые осадки имеют разный состав и образуют сами геологические слои с резкими границами, чего не было бы при постепенном накоплении осадков — с. Т.) Следовательно, тем больше радиоактивных элементов в нем содержится и тем гораздо более молодой возраст должны демонстрировать эти породы при радиоактивных способах их датирования, хотя реальная разница в возрасте всех слоев может быть предельно малой.

Но именно такую последовательность чередования окаменелостей мы и наблюдаем в современных геологических слоях. Они демонстрируют нам не хронологическую, а экологическую зависимость — чем к более «глубинной» экосистеме относились ископаемые существа, тем в глубже залегающих слоях находим мы теперь их окаменевшие останки. Это позволяет нам с высокой степенью уверенности считать, что наблюдаемые в наше время геологические слои на самом деле сформировались за довольно короткий промежуток времени в результате всемирного потопа и отчасти — последующих менее масштабных катастроф» [12, с. 30–31].

Таковы основные черты нового научного взгляда на историю земли, который означает возвращение к исходной библейской космогонии. Мы не беремся судить, все ли ясно креационистам. Очень возможно, что и им можно задать каверзные вопросы. В следующих главах мы сравним эту картину с Богооткровенной истиной. А пока рассудим только с точки зрения простоты, разумности, непротиворечивости и правдоподобия — во что проще поверить, если подойти непредвзято: в мил-

лионы лет и взаимное превращение видов или в креационную модель, подтверждающую Библию?

Для разрешения этого вопроса поможет принцип достоверности источника, хорошо сформулированный святителем Василием Великим:

«Итак, составивший сие повествование есть Моисей — тот Моисей, о котором засвидетельствовано, что *бе угоден Богу* (Деян. 7, 20),... который... на совершенной свободе от других занятий, в продолжении целых сорока лет, упражнялся в умозрении о существующем, который, будучи уже осьмидесяти лет, видел Бога, как можно видеть человеку, лучше же сказать, как не видал ни один человек... Сей-то, наравне с Ангелами удостоившийся лицезрения Божия, повествует нам нечто из того, что слышал он от Бога» [1, с. 6 (Беседа 1)].

Это свидетель с одной стороны, и за канву его повествования взялось меньшинство из современных ученых, презираемых за свои взгляды в господствующем безбожном обществе.

С другой стороны — миллионы лет эволюции придуманы богоборцами и с целью богоборства, придуманы они задолго до того, как появились какие-либо, пусть самые недостоверные и смехотворные, научные подтверждения миллионам лет.

На нынешний день вся наука, как целое, честно призналась: знаю, что ничего толком не знаю. Так что наш комплимент ей вовсе не был сомнительным. Важно, что она по крайней мере дает некий простор живой мысли и поискам достоверной истины где-то, кроме науки, не заковывая ум в жесткие кандалы своих ныне уже рухнувших атеистических верований.

Ниже мы посмотрим на попытки синтеза первоначально безбожной идеи эволюции с христианским взглядом — синтеза, явившегося плодом порабощения ума атеизмом и прогрессизмом под видом научного факта.

ЭВОЛЮЦИИ НЕ БЫЛО

Итак, перед нами имеется довольно цельная научная модель сотворения мира в исторические времена. Мы не настаиваем, что она абсолютно точна. Но правдоподобие, а главное — совпадение со Священным Писанием она дает. Большого никакая наука принципиально дать не в состоянии.

С учетом относительно достоверных фактов еще раз посмотрим на вопрос с философской точки зрения: было ли в истории земли превращение одних биологических видов в другие по линии возрастания сложности организмов?

Мы не собираемся здесь возражать чистому материалистическому дарвинизму, утверждающему, что такой процесс шел сам собою. Эта теория слишком уж сумасбродна для всех думающих — и грамотных, и неграмотных. Чтобы верить, будто все многообразие прекрасных творений Божиих в животном и растительном мире, прекрасно приспособленных друг к другу, могло возникнуть само собою, только благодаря ошибкам в генах бактерий и взаимному самоистреблению в борьбе за жизнь, — чтобы серьезно верить в это, надо иметь слишком уж зачумленную пропагандой голову.

Но следует обратить внимание на попытки «уязвления» эволюционной теории и Божественного Откровения. Обычно здесь пытаются дать эволюции в руководители Бога, а Богу вложить в руки инструменты творения живой природы: в десницу мутации, в шуй-

цу — естественный отбор. Такой примерно точки зрения придерживаются авторы, не подвергающие сомнению ни миллионы лет, ни «факт» превращения одних видов в другие.

Вот, например, что пишет видный ученый — профессор геологии протоиерей Стефан Ляшевский (1899–1986):

«Как же произошел переход от пресмыкающихся к птицам?.. Размножались не только количественно, но и в разнообразные виды. У одного вида птиц рождались птенцы со своими особенностями, которые давали начало новому виду птиц, у которых в свою очередь, в свое время, когда это было благословлено Богом, появлялись птенцы, не совсем на них похожие...

Птеродактили — это полуптицы, полурептилии. Это ящер, у которого сильно развились пальцы лап и между ними натянулись пленки, как у летучей мыши, и он полетел над землею. Но уже следующее поколение, сохранившее тот же длинный позвоночный хвост, по обе стороны которого выросли красивые перья, резко отличается от своих предшественников... Таково творчество Божие» [9, с. 47–48].

Можно подумать, что о. Стефан целое лето просидел с биноклем перед гнездом птеродактиля и наблюдал, как из его яиц вылупились и выросли археоптериксы! Ни тени загадочности в описании, все ясно как день, словно описываются домашние цыплята. И вывод:

«Что это — эволюция? Конечно, но только не такая, какая представлялась эволюционной теорией с ее... постепенным развитием видов без признаков чего-либо чудесного, сверхестественного, то есть явно видимого творчества Божия» [9, с. 49].

«Слова *да произведет земля* (Быт. 1, 24) по-современному можно было бы сказать: *да произведет природа по ее законам зверей, животных*» [9, с. 59].

Под такими словами уже двумя руками подпишется и любой дарвинист. Раз уж по законам природы, то где тут место чудесам! Вот так скользка и неустойчива попытка соединить несоединимое: эволюцию и творение.

Даже в одной книге идея качается от теистического к почти атеистическому, хотя, конечно, в глубокой и искренней вере автора сомневаться невозможно.

По той же дороге, но гораздо дальше, пошел такой широко известный автор, как протоиерей Александр Мень. С его описанием Шестоднева просто невозможно даже вести полемику. Нечего процитировать, не на чем «подловить». Все содержание Книги Бытия, повествующее о творении, о рае и падении, понимается исключительно в переносном смысле. Поучительная басня с произвольно толкуемой моралью — вот что остается от Священного Писания, если упорно начать повторять, что Библия не учебник астрономии и геологии.

В. Н. Тростников в своей очень серьезной книге [10] также почему-то не подвергает сомнению миллионлетнюю эволюцию, но делает вывод, что «живой мир развивается не как попало, а согласно определенному плану». План этот включает, в частности, проверку на низших видах неких конструктивных вариантов будущего устройства организмов с дальнейшим выбором лучшего путем естественного отбора. Творец выступает здесь как некий экспериментатор, берущий «низший» вид, проверяющий несколько путей его «доработки» в высший и выбирающий оптимальный вариант, прошедший «проверку на непротиворечивость» с помощью естественного отбора.

Что можно возразить на это уже с точки зрения правды Писания? Моисей, как бы предчувствуя грядущее искушение человечества эволюцией, неоднократно подчеркивает, что всякая тварь создана по роду своему: трава, деревья, гады, птицы, скоты, звери. Каждая тварь по этому признаку оговорена особо: она будет производить потомство только по роду своему. Итак, само Писание прямо опровергает эволюцию, и делает это как бы со смысловым нажимом.

Святые Отцы, занимавшиеся этой темой, шестидневное творение и все прочее содержание первых глав Книги Бытия понимают буквально, иногда проводя еще

и иносказательное толкование. Особо оговаривают они только человекоподобное описание действий Божиих: *взем персть от земли, вдушу дыхание жизни* (Быт. 2, 7), *ходяща в раи пополудни* (Быт. 3, 8), — только такие места понимая богоприлично, без приписывания Богу телесных членов. Все остальное понимают просто и прямо: дни творения, землю, небо, воду и прочее. У преподобного Ефрема Сирина толкование Книги Бытия начинается с предостережения:

«Никто не должен думать, что шестидневное творение есть иносказание; непозволительно также говорить, будто бы, что по описанию сотворено в продолжение шести дней, то сотворено в одно мгновение, а также будто бы в описании сем представлены одни наименования, или ничего не означающие, или означающие нечто иное. Напротив того, должно знать, что как небо и земля, сотворенные вначале, суть действительно небо и земля, а не что-либо иное разумеется под именем неба и земли, так и сказанное о всем прочем, что сотворено и приведено в устройство по сотворении неба и земли, заключает в себе не пустые наименования, но силе сих наименований соответствует самая сущность сотворенных естеств» [3, с. 211 (Глава 1)].

Святитель Василий Великий говорит почти то же самое: «Я слыша о траве, траву и разумею; также растение, рыбу, зверя и скот — все, чем оно названо, за то и принимаю. *Не стыжуся бо благовествованием* (Рим. 1, 16)» [1, с. 138 (Беседа 9)].

В таком буквальном понимании творения, без всяких аллегорий и иносказаний по поводу естества тварей, святитель Василий продолжает: «Природа существ, подвигнутая одним повелением, равномерно проходит и рождающуюся и разрушающуюся тварь, сохраняя последовательность родов посредством уподобления, пока не достигнет самого конца, ибо коня она делает преемником коню, льва — льву, орла — орлу, и каждое животное, сохраняемое в следующих одно за другим преемствах, продолжает до скончания вселенной. Ни-

какое время не повреждает и не истребляет свойств в животных. Напротив того, природа их, как недавно созданная, протекает вместе со временем» [1, с. 139 (Беседа 9)].

Точно так же, рассуждая о болезнях пшеницы, святитель Василий подчеркивает, что и при болезнях пшеница не перестает быть пшеницею, как и прочие растения [1, с. 74 (Беседа 5)]. В коротком выражении на современном языке мысль его звучит так: превращения видов не было, нет и не будет до конца мира, притом прошу понимать это буквально. Точно так же понимает и цитирует эти слова иеромонах Серафим (Роуз) в письме к греческому богослову Александру Каломиросу [7, с. 12–14].

У святых Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста также не встретим мы ни идеи превращения видов, ни идеи переносного толкования Шестоднева. У святого Василия на опровержении эволюционизма — тогда еще по сути не оформленного — сделан особый упор, с явным подчеркиванием нетривиальности вопроса.

Святитель Василий не пытается вступать в спор по поводу формы земли и других маловажных вещей — он прямо отказывается от такого спора, потому что с точки зрения христианского любомудрия такое знание ничего нам не прибавляет. А по поводу превращения видов высказывается определенно и недвусмысленно, считая, что здесь уже нельзя *стыдиться благовествованием*.

Итак, эволюция для святителя Василия не есть вопрос праздный. Не очевидно ли, что для его теистического цельного мировоззрения действительно неважен вопрос: какой формы землю создал Творец, ибо все равно создал ее Он и больше никто, а вот возможность превращения видов после окончания творения таит опасность допущения со-творцов и «помощников» Творцу. Здесь уже не до благодушия в отношении мирского мудрования.

Прежде чем рассмотреть эту опасность для христианского миропонимания подробнее, спросим эволю-

ционистов: как они рассматривают слова Откровения *по роду*, так «назойливо» для них повторенные несколько раз?

Отец Стефан на этот вопрос отвечает так: «Водоросли переходят в наземную траву, гигантские травы переходят в травовидные деревья палеозоя. И пророк точно в таком же порядке описывает все, говоря сначала о зелени, что означает водоросли, а затем указывает на траву и потом уже на деревья, и подчеркивает, что не сразу все это появилось, но сначала Бог сотворил *зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле* (Быт. 1, 12), то есть постепенно, из рода в род, из вида в вид, через семена их развивается растительное царство» [9, с. 36].

Налицо искажение прямого смысла текста. Нигде нет слова «потом» или «затем» при описании творения растений. Идет перечисление: зелень, траву, деревья. Подчеркнуто, что сделаны они в один день. *По роду* не значит из рода в род, из вида в вид. Почему бы Моисею так и не написать: *и сотвори Бог зелень некое мелкое и даде силу ему умножити роды и виды своя на земли, и бысть зелень в дресеса разноплодные, яже прозябоша в тысящех тысяч лет на земли.* — Неужели Моисей не понял бы сей идеи?

Напротив, Писание подчеркивает, что в тот или иной творческий день созданы все твари определенного множества: в третий — все растения, в пятый — все водное многообразие и птицы, в шестой — все наземные животные. Не просто какие-то начальные. Любой эволюционист скажет, что все живые существа эволюционировали одновременно. Если под каждым днем понимать миллионы лет, за которые должна была пройти эволюция данных видов, то получится, что за миллионы лет «третьего дня» проэволюционировали все растения, потом за миллионы лет пятого — гады и рыбы, за миллионы лет «шестого дня» — звери и скоты. Миллионы лет утраиваются. Такая картина, к которой вы-

нужден прибегнуть о. Стефан, не удовлетворит самих эволюционистов. Аппликация явно не склеивается...

Отсутствие ископаемых промежуточных форм между большими группами существ — классами и типами, признаваемое самими эволюционистами, загоняет их в последний угол: вынуждает допустить, что превращение видов шло скачками — птеродактили откладывали яйца, а вылуплялись археоптериксы. Но такое объяснение еще меньше похоже на библейское *по роду*, чем даже дарвиновские «мелкие шаги» эволюции. У Дарвина, в принципе, конь действительно делается наследником коню, только чуть большего роста и с немного менее развитыми копытцами на вспомогательных пальцах. У сторонников же «богонаправленных скачков эволюции» даже этого не происходит. Там лошадь непременно должна родить зебру, никак не менее того.

При этом с точки зрения простой логики наличие любых переходных форм, даже если бы удалось найти таковые, не должно принимать за прямое доказательство эволюции. Бог мог создать похожие твари, вполне законченные в себе, даже если бы они и казались нам переходными от кого-то к кому-то. И они до скончания века были бы такими «переходными», ни во что однако же не переходя и воспроизводясь *по роду своему*. Решительным доказательством эволюции могло бы быть только создание нового вида, а лучше затребовать — нового класса живых существ, наблюдаемое в природе или получаемое искусственно. Но ничего подобного, как говорят, свет не видывал.

Итак, научное знание вовсе не обязывает нас верить в превращение и развитие видов, в миллионы лет и прочее, не обязывает, то есть, заниматься самовольной «гибридизацией» Библии с псевдонаукой.

Церковное же учение не дает нам возможности верить в эволюцию. Но так ли вообще важен этот вопрос? Можно ли хотя бы в порядке предположения допустить, что Бог мог использовать инструмент мутаций и естественного отбора для Своего творчества?

С точки зрения богословия такое допущение порождает целый ряд серьезных проблем.

Первая из них — как увязать эволюцию с благостью и всемогуществом Божиим? Самый распространенный довод креационистов таков: Бог не нуждается в смерти одних организмов, как в средстве творения других. Но эволюция предполагает именно это: как бы ни возникали новые формы, они непременно должны вытеснить старые, «отобрать» у них жизнь естественным отбором. Иначе у отбора отберется его движущая роль и останется только стабилизирующая, сохраняющая каждый вид от любых эволюций. Против такой роли естественного отбора не возражает ныне никто.

Как может всеблагий Творец творить смертью, если Сам свидетельствует о Себе, что сотворив все, Он только смерти не сотворил (Прем. 1, 13)? А эволюция жадно требует смерти не просто отдельных особей, но и целых видов, притом огромного их числа, большего, чем число ныне живущих!

И наконец, убивая столько тварей, Творец свидетельствует, что все, что Он сделал, очень хорошо (Быт. 1, 31)! Совершенно непостижимо.

Вторая и не менее важная проблема, значение которой станет ясно из дальнейшего: продолжается ли эволюция, и если да, то когда она кончается?

В. Н. Тростников, к примеру, допустив эволюцию и не имея достойных уважения оснований положить ей предел, приходит к выводу, что жизнь обладает колоссальной творческой силой и в принципе допускает продолжение эволюционного процесса сколь угодно долго, лишь бы он велся разумно, промышленiem Божиим. Приняв это, и придав естественному отбору роль инструмента, алгоритма для доводки Божественных конструктивных идей, под конец книги он приходит к выводу, что некогда и сам диавол соучаствовал в Божием творении в качестве алгоритма, технического сотрудника, который уверовал в свою самодостаточность и

превысил свои технические полномочия, чем выпал сам и весь мир вывел из общей гармонии [10].

Вот ведь как хочется лукавому пробиться к Богу в соавторы! (Спешим оговориться, что рассматриваем книгу В. Н. Тростникова двадцатилетней давности и опровергаем здесь не самого писателя, а именно это его неверное умопостроение.)

Отец Стефан несколько более осторожен, как известный богослов. Он считает, что эволюция закончилась на 7-й день творения, когда Бог почил от дел Своих. Шесть дней для него — это миллиарды лет. Затем идет создание человека, его 7-тысячелетняя история и вскоре видится уже конец. Но поражает искусственность такого построения. Зачем «гонять» историю Вселенной по этим страшным миллиардам лет, если суть ее заключается в миллионной доле такого срока? Сто лет строить и бесчисленное число раз перестраивать дворец, чтобы царь погостил там всего один день, все испортил и осквернил в этом дворце, а затем судить его сразу и за собственные его безобразия и за все «огрехи» самой столетней стройки?

Вместе с тем нелегко отделаться и от напрашивающегося вывода, который за о. Стефана делает его редактор В. А. Губанов: «природа участвует в развитии по промыслу и действию Бога». И только язычники, оказывается, считают, что «природа не участвует в своем развитии» [9, с. 258]. — Слова не то чтобы вовсе ложные, но очень двусмысленные. Что здесь: два начала все-таки, пусть даже неравноправные? Опять тварь соавторствует Творцу? Только так придется это понять, если не оговориться, в каком смысле тварь может участвовать в творении. Может ли Творец поручить твари черновую, техническую работу по доделке творения? Но об этом речь будет впереди.

Далее христианским эволюционистам требуется как-то «втиснуть» в свою диалектику первого человека. «Переходных» форм от обезьяны к человеку найдено много, все они научно более чем сомнительны, если

не являются прямыми подделками. Во всяком случае, ни одна из них в научном мире не была единогласно утверждена в качестве непосредственного предка человека. Христианским эволюционистам остается одно из двух: или изъять человека из общей картины мироздания, как это делает о. Стефан, вдруг переходя к буквальному пониманию Библии, или же чудесным образом произвести тело человека из обезьяньего, добавив к нему человеческую душу и тотчас уперевшись в проблему единственности первого человека (путь Александра Каломирова, протоиерея Александра Меня и других).

В первом случае непонятно, зачем было городить весь этот огород с эволюцией, водить ее по миллиардам лет истории, истребить миллионы видов самых интересных животных и растений, чтобы под конец, словно от усталости, бросить все это творчество и венец творения создать просто и по-человечески: из персти земной и Божественного вдуновения, притом вовсе не за миллионы лет, а в одно мгновение. Ясно, что здесь к паровозу припрягается лошадь. Или, говоря языком науки, вся эта теория не выдерживает проверки на внутреннюю непротиворечивость. У материалистов, кстати, все гораздо внутренне логичнее. Их теория противоречит фактам науки и Откровению, но зато она не противоречит самой себе и сама в себе является более складной и гладкой.

Во втором же случае, если род наш не имел единственного начальника, если Адам действительно был, по выражению Каломирова, просто эволюционировавшим зверем, то после такого утверждения рухнет все христианское учение; одно положение за другим. Кто из эволюционировавших обезьян согрешил и почему наказаны за него все? Почему достаточно пришествия одного Спасителя, если родоначальник был не один? Зачем Моисей не сказал об этом прямо? Почему даже в мифах разных народов есть четкое указание на единственного предка?

Кстати, к нашему времени появилось остроумное доказательство тому, что мы все происходим от одного праотца и одной праматери. Генетики исследовали ДНК митохондрий — органелл клетки, которые передаются только по матери, поскольку не лежат в ядре. С другой стороны, исследовали Y-хромосомы — половые хромосомы, передающиеся только по мужской линии, ибо их нет в женском организме. Оказалось, что генотипы двух людей с разных концов земного шара отличаются друг от друга меньше, чем у двух горилл из одного тропического леса. Вывод: пра-родители у всех человеков на земле общие. Горилл первоначально создано, видимо, не одна пара, а людей — одна.

Или, быть может, какая-то одна счастливая обезьяна удостоилась стать телом человека? Но ведь у обезьян, как у всех животных, есть душа. Бог говорит: *да произведут воды гады душ живых* (Быт. 1, 20). Обезьянья душа не человеческая, ее производит земля, она не от Бога вдвухается. Куда девалась душа «счастливой» обезьяны? Покинула ли она обезьянье тело и вынудила ли Бога возиться с бездушным трупом? Как прочие обезьяны отнеслись к такой метаморфозе в своей соплеменнице? Глупые вопросы можно задавать долго. Источник их — плотское мудрование, и ей-ей — не наше. Один из них последний и самый резкий: зачем Бог вот уже столько веков обманывает людей? Почему не сказать прямо: взял Я обезьяну и сделал из нее человека? Проще было из бактерии за миллион лет сделать обезьяну, а из нее уж в одно мгновение тебя? Самое трудное не обезьяну в тебя переделать, не дух тебе бессмертный вдохнуть, самое трудное — заготовка, чурка для тела твоего? Неужели Моисей не понял бы таких простых слов?

Одно из трех свойств дарит «христианская» теория эволюции Богу: или он не благ, или слаб, или неправдив, или даже все вместе. Для материалистов здесь не было бы внутренней проблемы. Но для верующего

увязка эволюции с Откровением неизбежно заводит в этот тупик.

Между прочим, забавный вопрос: а для чего Бог создал обезьяну в виде карикатуры на человека? — Забавен он по той причине, что, к примеру, святой Иоанн Дамаскин пишет прямо: для увеселения человека, и к подобным животным причисляет еще попугая [5, с. 72 (Книга 2, глава X)]. Если поведение обезьян достойно потехи, не запрещенной даже святыми Отцами, то сколь большего смеха будут достойны человеки, производящие от обезьян свою родословную.

И все же — зачем такое сходство? Затем же, зачем сходство внутренних органов человека и свиньи. Если вам за столом сделают замечание: ты ешь как свинья, — не следует обижаться. Просто сказавший имел в виду величайшее сходство пищеварительной системы свиньи и человека. А если серьезно, то здесь человеку было промыслительно дано некое искушение на здравый смысл, на человеческое чувство, чтобы он никогда не забывал, по Чьему образу создан и на кого будет похож, если утратит свой образ. Заранее создана была крепкая преграда научному обезьянобесию. Увы, не помогло...

Испросим же себе у Господа прощение за вынужденное повторение всех богохульств, к которым ведет теория эволюции, испросим себе и веру — довольную, чтобы не уродовать здравый смысл и Священное Писание в угоду суемудрию века сего, вдобавок столь изменчивому и коловратному.

Следует обратить внимание еще на одну особенность библейского текста. Как творит Бог мир? О сотворении неустроенной и безвидной земли и «пустого», еще не получившего ни украшения своего, ни даже имени своего неба сказано просто: *сотворил*. В этот первоначально созданный хаос не введено еще Господом никакой структурной информации, никакой организующей идеи. Первоначальные небо и земля должны были быть обустроены в соответствии с некими Божествен-

ными идеями. Дальнейшие же творческие акты — все! — совершаются Божественным изречением: *да будет свет, да будет твердь, да соберется вода, да прорастет земля* и так далее.

Что означают Божии изречения? Святые Отцы: Григорий Богослов, Дионисий Ареопагит, Григорий Палама — учат, что прежде бытия мира существует мир Божественных идей, как некое проявление Божественной энергии. Они не есть самостоятельные сущности, они не есть и сущность Божия, которая проста, в отличие от их многообразия. Не будучи сущностью Бога, они отчасти познаваемы и для человека. Они не имеют самостоятельного ипостасного бытия — прочь софианскую ересь! В то же время они не есть и материальные вещи, не есть они и твари, ибо энергии Божества нетварны.

Нет ли связи между Божественным речением *да будет* в описании Шестоднева и этими идеями? Не является ли творчество Божие словом (*Той рече, и быша* — Пс. 32, 9) своеобразным введением в неустроенную материю предвечно бывшей Божественной идеи? Четкой и конкретной цитатой из Отцов мы этого подтвердить не можем, а потому оставляем вопросительные знаки.

Взглянем немного с другой стороны. В книге В.Н.Трошников [10] подробно разъясняется философское значение открытия волновой функции в квантовой физике. Это формула с использованием мнимых чисел, совершенно идеальная «невещественная вещь», которая «знает» данную элементарную частицу во всем объеме. Все же экспериментальные данные о частице: энергия, импульс, частота или длина волны, которая «соответствует» частице, — суть вещественные извлечения из этой идеальности, зная которые по отдельности, мы еще не знаем идеальной сущности. Не есть ли это, во-первых, яркое свидетельство первичности идеального в тварном мире, а во-вторых, не является ли эта идеальная волновая функция каким-то выражением Божественной идеи частицы, на самом элементарном уровне своем для нашей высшей математики доступном?

Однако не будем здесь останавливаться на волновых функциях и комплексных числах, а от вопросов интерпретации квантовой механики поспешим вернуться к живой твари.

«Идея» живой твари — как это само собой понятно — должна включать прежде всего всю генную информацию организма. Информация эта огромна и упакована в ядре клетки плотнейшим образом, так что количество этой информации в единице объема в миллиарды раз превышает возможности самых современных электронных микросхем. Именно по этой информации клетка способна строить все свои многочисленные и сложнейшие белки. Код ДНК — это огромная спецификация всего оборудования сложнейшей фабрики, которой является клетка. Без этой информации жизни нет.

Информация эта способна воспроизводить себя. При делении клетки все хромосомы — эти гигантские перфоленты — удваиваются и переходят в обе дочерние клетки. Клетка обладает механизмом контроля правильности передачи информации.

Информация — вещь строго идеальная, она не есть ни материя, ни энергия. Она создается только разумным источником, записывается на материальные носители и воспринимается тоже только разумным приемником, знающим систему кодирования ее на материальном носителе. Поэтому мы и говорим, что в идею живой твари обязательно и прежде всего должна входить генная информация, определяющая структуру организма, а также способ ее переписывания и передачи *по роду своему*.

Творческое слово Божие вложило в простую и еще неорганизованную материю (воду, землю) эту великую информацию о каждом виде, и создалась вся биохимическая структура жизни.

Однако возможно ли всю жизнь свести только к биохимическим реакциям, пусть самым сложнейшим, тщательно закодированным и управляемым? Если да, то в принципе возможен искусственный мозг, искусственная

жизнь. Ведь все генные коды — это в принципе воспроизводимая человеком информация, которую человек может прочесть, измерить в килобайтах и заложить в компьютер. Размер компьютера — дело техники. А принципиально генный код — это страшная аброкадабра, записанная только четырьмя буквами, четырьмя видами нуклеотидов. Воспроизвести или хотя бы смоделировать в компьютере ход жизни клетки принципиально возможно — если только все действительно исчерпывается генным кодом.

Но в каких килобайтах выразить информацию о реакции клетки на окружающую среду, ее старение, ее взаимодействие с другими клетками? Как закодировать и передать огромную информацию о взаимодействии тканей и органов? Как закодировать инстинкты животных?

Сводима ли эта информация к двоичному или четверичному коду ДНК? И хватит ли зверьку своих нескольких десятков хромосом, чтобы всю эту невообразимо более высокого порядка информацию записать? Между тем и эта информация, несомненно, существует и передается по наследству.

Если о фабрике известна только спецификация оборудования, она работать не сможет. Нужны и рабочие, и организаторы производства, и экономисты. Тем более все это необходимо в живом организме.

Итак, идея живого вида включает в себя огромную генную информацию (со всеми вариациями в пределах вида, со всеми расами и породами) плюс еще некую передаваемую, но в генах не кодируемую информацию более высокого порядка, свойственную всему виду и обеспечивающую подобие в душах всяких тварей: в их инстинктах, характере и поведении.

Вот какое огромное и великолепное творческое слово сказано Богом в те первые дни. Идея любой букашки столь велика, что нашим разумом во всех деталях едва ли постижима. А сотворено различных тварей одним общим творческим велением миллионы видов!

Конечно, всякую минуту Господь промышляет о всей своей твари. Конечно, Им созданы не биороботы, а существа с непредсказуемыми, неалгоритмическими действиями. Жизнь не сводима не только к генам, но и к рефлексам. Однако рамки свободного действия у твари ограничены для ее же пользы всею тою наследственной информацией, которая изречена в первые дни и больше не повторяется, а лишь воспроизводится в тварах по роду их. Творческая и промыслительная деятельность разделены благословенным от Господа днем упокоения. Увидеть самим чудо Божией творческой деятельности нам в этой жизни уже не удастся.

Для эволюционного взгляда (атеистического или теистического — нет разницы) день упокоения Господа от творческих дел встает непреодолимою проблемою. Или надо положить эволюции предел при создании человека, или можно попытаться продолжить ее дальше, но здесь ее буквально освищут данные селекции и генетики, не способные создать ни одного нового вида, не способные «вытянуть» ни одного биологического свойства, которое отсутствовало бы в исходном виде.

Эволюция и невозможна главным образом в силу того, о чем было сказано. Каждый биологический вид — это не просто астрономически гигантская информация, но это еще некая идеальная сущность, над которой не властны ни физика, ни химия, ни генная инженерия. Эволюция, как и селекция, потому никогда не превратит один вид в другой, что для этого нужна совершенно новая и особая информация, объять и повторить которую может только неизглаголанное нами творческое слово. Но пока стоит этот мир, повторения такого слова не будет, о чем нам вполне ясно сказано.

Очень интересно, как святые Отцы это хорошо чувствовали и понимали. Святитель Василий Великий, как мы видели, недвусмысленно отрицал возможность превращения видов. А возможность самопроизвольного зарождения угрей в земле в силу только первого творческого повеления допускал! Как так может быть?

Объяснение следует искать только в том, что творение угря, во всем подобного первозданному угрю, не есть творчество. Это копирование той же идеи. Такая вещь принципиально допустима для святого Отца. А вот превращение угря в леща — это уже творчество, это действие невозможное по творению. Вот христианский подход! Вот могила всему материализму, эволюции и плотскому мудрованию.

Неважно, что самопроизвольное зарождение жизни *по роду* какому-нибудь оказалось невозможным. Эта истина еще не имеет мировоззренческого значения. И земля сама могла бы быть общим семенем и общей утробой для воспроизведения тварей. Принципиально то, что не появляется тварь новая, не появляются и не переходят одна в другую творческие идеи. Они первичны, в них суть, а вовсе не в материальном их воплощении.

Вид может быть истреблен, информация, идея вида сотрется со своего материального носителя. Но Бог помнит всех динозавров и мамонтов, если надо будет — воспроизведет вновь ту же тварь по той же идее.

Эта информация может портиться, стираться при мутациях, может из нее выбираться какая-то часть, образуя сорт или породу. Но новая творческая идея сама собою создаться не может. А Бог не станет ее создавать до скончания века. Ибо *почил от всех дел Своих, яже начат творити* (Быт. 2, 2–3), — то есть только от творческих, а не промыслительных.

Итак, главный порок теории эволюции свелся к ее искусственной сложности, как это ни странно. Эволюционисты, желая «упростить» Богу творческую работу и некую часть творчества отдать самой твари, оказались вынуждены, напротив того, чрезвычайно усложнить задачу. Проще Богу создать птеродактиля, археоптерикса и воробья, как они есть, чем переделывать одного в другого, а другого в третьего, да еще стирая все промежуточные звенья убийством целых видов, целых уникальных творческих идей.

Если, к примеру, в компьютер заложена программа сложного чертежа, записана то есть информация, имеющая идеальный характер, но такая, что на уровне самой идеи нет вопросов, все ясно, — то в этом случае нажатие кнопки позволяет начертать на графопостроителе всю картину сразу в законченном виде.

Если же чертеж конструктором не разработан и ему самому еще не ясен, сама идея во всех деталях пока еще не родилась, то он работает за чертежной доской в тонких линиях, постоянно стирая все лишнее и обводя жирною чертою все главное. Работа проходит через ряд промежуточных форм.

Или иной пример. Задали эволюционисту сконструировать, положим, современный авиалайнер. Он берет паровоз, снимает с него машину, приделывает крылья и получает самолет Можайского. Следующий этап — приделать двигатель внутреннего сгорания и получить самолет братьев Райт. Потом и в этой модели необходимо совершить новую мутацию дегенеративного типа — убрать второе крыло и сделать из этажерки моноплан. Затем двигатель вновь должен «мутировать» в реактивный. Что ж, действительно, примерно такова была эволюция человеческой мысли в конструировании авиации. Но неужели найдется такой конструктор, который зная наперед, как выглядит требуемый самолет, его изготовление в металле начнет с паровоза и самолета Можайского?

Творчество всеведущего Бога будет, естественно, походить на первый пример, в котором совершенно не нужна и вредна любая эволюция. У Бога все чертежи существуют прежде творения, хотя чисто идеально, еще без материальных носителей. Человеческое же творчество, работа разума ограниченного, модельного, примитивного, идет, естественно, путем вторым, методом проб и ошибок, методом эволюции: развития от низших форм постижения реальности к высшим, от простого к сложному.

Если человек только материальный продукт природы и она полностью единосущна ему от пяток до мозгов, то и природа должна была бы строить себя по эволюционному человеческому образцу, по поговорке: портной Проня шьет и порет. Природа должна была бы долго чертить сама себя с карандашом мутаций в одной руке и с резинкой отбора — в другой. В этом материализм логичен и последователен. Если я только развитая материя, то и всю материю и развитие ее понимаю по образу своему.

А если человек не таков? Если он больше, чем материальный продукт эволюции? — Тогда решительно нет места самой эволюции! Здесь вступит в дело логика и последовательность теистическая.

Но спрашивается: так ли уж страшно заблуждение христианских эволюционистов? Скорее всего, они, то есть не они, а мы сами, честно ошибались, не вникая в науку глубоко, и полагали, что эволюция вовсе не теория, а точно установленный факт. В этой ошибке честно признавался даже такой решительный борец с эволюционизмом, как иеромонах Серафим (Роуз) [7, с. 7]. Может быть, тогда не стоит особенно долго сражаться с эволюцией, а просто пустить лихих креационистов в погоню за убегающим неприятелем и добивать его только научными фактами?

Есть две причины, по которым борьбу следует продолжить до победы. Первая состоит в том, что сами эволюционисты философски осмыслили свою теорию, доведя ее до мировоззренческого принципа, а принцип этот, как легко догадаться, глубоко враждебен основным положениям христианства. Так например, один из главнейших идеологов философского эволюционизма, замаскированного под христианскую личину, Тейяр де Шарден писал: «Современный мир эволюционирует, постоянно меняется, поэтому нужно переосмыслить старые, устоявшиеся взгляды на духовную жизнь и по-новому взглянуть на основополагающее учение Христа»

[цит. по 13, с. 513]. Совершенство и бессмертие грядущего века он рассматривал как результат преобразования мира путем эволюции: «Конец света — внутренний возврат к себе целиком всей ноосферы, достигшей одновременно крайней степени своей сложности и своей сосредоточенности. Конец света — переворот равновесия, отделение сознания, в конце концов достигшего совершенства, от своей материальной матрицы, чтобы отныне иметь возможность всей своей силой покоиться в Боге-Омеге» [14, с. 225].

Какая уж тут биология!

Вторая причина продолжения нашей работы та, что одна только «отставка» теории эволюции еще не восстанавливает целостного христианского мировоззрения. Можно просто отмахнуться от этой теории, посчитав ее достоянием науки, верна ли она или нет, и при этом одновременно отбросить святоотеческое понимание всей мировой динамики. Это путь, например, о. Александра Меня. Его нельзя назвать категорическим эволюционистом, но при этом метаисторию он оценивает совершенно не по-отечески, в какой-то эволюционной размерности мышления: «Апокалипсис нам обещает, — толкует он, — что не только царство Зверя (прописная буква в оригинале — *с. Т.*) будет на земле повторяться, и не раз, а что будет еще тысячелетнее Царство людей христовых (строчная буква в оригинале — *с. Т.*) и что на земле в каком-то пространстве историческом, хронологическом, географическом будет торжество добра и правды». И далее: «На самом деле конец мира — это перманентная реальность. Она постоянно возрождается... Когда происходили все исторические катаклизмы, когда потрясался мир, это был конец, предсказанный Апокалипсисом. Любая поворотная эпоха — апокалиптическая. Суд продолжается во веки» [15].

Очень сомнительно, что сказавший это сам верует в Суд в его нормальном понимании, во всяком случае читатель волен здесь думать, что захочет сам. Некоторые другие высказывания о. Александра показывают,

что в конец истории и в Суд он действительно не верит: «Что касается ближайшего конца света, я думаю... верю, случись катастрофа на земле, человеческий род все же останется, будет продолжать развиваться. И чем больше он будет учитывать свои ошибки в прошлом, тем меньше он будет их повторять в будущем» [цит. по 16, с. 48].

Вот она в чистом виде та главная ложная идея, совсем в духе века сего — идея вполне антихристианская, с которой и предстоит нам борьба уже в ином мысленном пространстве, не на языке естественных наук.

А вот и фундамент этой идеи прогресса — старая как мир хула на Божие творение, высказанная тем же о. протоиереем: «Есть все основания утверждать, что Смерть (прописная буква в оригинале — *с. Т.*) в природе универсальна. Погибают живые существа, распадается материя, энергия обесценивается и тень слепого и темного хаоса витает над Вселенной. Можно ли после этого говорить о том, что смерть в природу внес человек?» [цит. по 16, с. 19–20].

Почти очевидно, что вопрошающий таким тоном желает дать отрицательный ответ. Вместе со всей Церковью, с Божественным Писанием и святыми Отцами мы даем ответ положительный: да, именно человек, и никто другой, внес в чувственную природу смерть и тление. Мы поговорим далее подробнее о распаде материи, об обесценивании энергии и о «тени хаоса», а также о причастности человека к универсальному закону распада. Посему кончать нам речь еще рано. Поблагодарив биологов и геологов, пойдем к святым Отцам.

МЕЖДУ ТЛЕНИЕМ И НЕТЛЕНИЕМ

Священное Писание приводит нам Божию оценку сотворенного мира: *и виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело* (Быт. 1, 31). Ранее о тварях Своих Бог свидетельствует по отдельности, что они хороши: о свете (1, 4), о тверди небесной (8), о суше и морях (10), о растениях (12), о небесных светилах (18), о морских животных, гадах и птицах (21), о земных животных (25).

Святитель Иоанн Златоуст особо подчеркивает, что это оценка не Моисеева, а собственно Божия. Свидетельствует Тот, Кто является единственным, нелицеприятным, абсолютно объективным Судиею, высшим мерилom истины. Человека может очаровать мир падший и расстроенный, но о Боге ничего такого помыслить нельзя. Если бы в мире было какое-то неустройство, что-либо противоречащее Божией правде, то во-первых, это было бы несогласно с Божией благостью и всемогуществом, или же открывало бы возможность допущения злого, равного по силе со-творца, во-вторых, такая тварь не получила бы высочайшей Божией оценки.

Итак, Бог полностью удовлетворен Своим первоначальным творением. Оно стоит в полном соответствии с назначением, с целью, поставленной всей твари Творцом. Первоначальная тварь достойна Творца своего. Но из этого еще логически не вытекает, что она неизменна или вечна. Более того, оценка, данная Твор-

дом первоначальной твари, в такой превосходной степени больше Им уже не повторяется.

Другая принципиально важная сторона Божия творения состоит в том, что все сотворенное объемлется пространством и временем и ими, так сказать, ограничивается. Об этом говорит первая же строка Библии: *В начале сотворил Бог небо и землю. В начале* значит в первый момент времени. А *небо* означает, кроме прочего, пространственный масштаб.

Спрашивается: мог ли Бог сотворить что-либо вне-временное и внепространственное? — Бог может приводить в бытие Неограниченное ничем и тем самым Равное Себе. Но это не называется у Него творением. Так Он предвечно, вневременно рождает Сына во всем тождественного с Отцом, кроме рождения, и изводит Духа, во всем равного Отцу и Сыну, кроме исхождения Своего от Отца. Отец является причиной Слова и Духа — правда, не в житейском понимании слова «причина». Но творением называется не это. Творением называется Божия деятельность над чем-то, что с самого первого мига деятельности вложено в пространственно-временную зависимость. Об этом и говорит первое слово Священного Писания.

Богословствуя об этом, святитель Василий Великий говорит: «Начавшееся со временем, по всей необходимости и окончится во времени. Если имеет начало временное, то не сомневайся о конце» [1, с. 9 (Беседа 1)].

Нельзя из этих слов сделать вывод, будто созданная во времени тварь когда-нибудь в последний момент времени обратится в небытие. Из этого следует только то, что время, начавшись, непременно должно кончиться, а тварь при этом будет изъята из-под власти времени, она кончится только как временная. Святитель Василий продолжает свою мысль:

«...Сей мир — главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще местопребывание для всего подлежащего рождению и разрушению... Не таково ли время, что в нем прошедшее

миновалось, будущее еще не наступило, настоящее же ускользает от чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающего в сем мире: оно то непременно возрастает, то умалется, и явным образом не имеет ничего твердого и постоянного» [1, с. 11 (Беседа 1)].

Святителю Василию Великому вторит и преподобный Иоанн Дамаскин: «Все, что существует, есть или сотворенно или несотворенно. Итак, если сотворенно, то во всяком случае и изменчиво, ибо чего бытие началось по причине перемены, это безусловно будет подлежать перемене, или погибая, или по собственной воле изменяясь» [5, с. 5 (Книга 1, глава III)].

Обратим внимание, что изменчивость всего получившего бытие во времени обоими Отцами не поставляется в зависимость от сотворенной воли. Изменяться и кончаться все временное будет однозначно, если только остается еще само время. Подчеркнем Дамаскиновы слова: «во всяком случае» и «безусловно» и Василиевы: «не сомневайся о конце».

Другой вопрос: будет ли это изменение обращено к полному распаду и небытию, или к какому-то иному преобразованию, как говорит Дамаскин: или погибая, или по собственной воле изменяясь. В выборе путей изменения собственная воля нравственной твари уже что-то определяет, но сама изменчивость и уничтожимость временного, как такового, условиям не подлежит.

Характерною особенностью первозданного мира, объявленную в Священном Писании, является питание животных и человека растениями (Быт. 1, 29–30), а также богоданное повеление животным, гадам и птицам размножаться (1, 22). Первым людям дано такое же повеление, как часть их благословения Богом: *раститеся и множитесь* (1, 28). Дано оно еще до падения, хотя при этом плотской брак не установлен, а способ размножения не открыт. Впрочем, нам пока важен не брак, а то, что питание чувственною пищею и размножение показывают некоторую степень необратимости, одно-

направленности жизненных процессов, а значит, и некоторую степень их тленности.

Жестоко для слуха слово сие: перевозданная тленность! Спешим оговориться: под тленностью здесь мы разумеем изменчивость и стремление к концу во времени. Мы уже видели отеческую мысль о кончине временного. Когда Отцы повсюду говорят о нетленности первого человека, рая и всего первобытного мира, нетленность эту надобно разумеать относительно нынешнего растленного состояния человека и твари, подобно тому, как относительно разумеют Отцы и безплотность Ангелов, демонов, душ человеческих.

Вполне безтелесен только Сам Бог, как Абсолютный и Вездесущий. И вполне нетленен тоже только Он один, как абсолютно неизменяемый, надвременный. Таков Он во всех трех Своих Ипостасях: и Слово до приятия плоти вполне невещественно, и Дух Святой также.

Но ограниченные пространством существа по самой своей ограниченности, по причине то есть своей описуемости пространством, должны иметь и некую «привязку» к пространству и не могут быть вполне безтелесны. Об этом согласно учат многие святые Отцы, равноангельной жизни достигшие, «начальники монахов и собеседники Ангелов», такие, как преподобный Макарий Великий [6], преподобный Иоанн Дамаскин [5] и др. Их опыт систематично обобщает и подытоживает святитель Игнатий Брянчанинов [17]. Ангелы невещественны лишь в отношении человеков, лишь по сравнению с двуногими, но не сравнительно с Богом. Они относительно невещественны. Их тонкие тела не обладают дебелистью (употребим это меткое отеческое выражение), свойственную человекам и животным. Ангелы стоят как бы между полной Божественной безтелесностью и дебелистью чувственного мира.

Подобным же образом все ограниченное временем неким образом тленно, т. е. изменчиво и стремится выйти из бытия во времени. Об этом и говорят Отцы, сло-

ва которых мы приводили. Вполне нетленен, нетленен по естеству, как неизменяемый — один только Бог. Первобытный же мир нетленен лишь относительно нынешнего его растленного грехом состояния. Вполне нетленной твари невозможно было бы подвергаться каким-либо изменениям во времени. В этом смысле и будем понимать учение святых Отцов о нетленности первобытного мира, — подобно тому, как они говорят о безтелесности Ангелов.

Интересно, что святитель Василий Великий, желая показать нетленность мира ангельского, выносит его творение за скобку времени: «Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира, но сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование (о творении — с. Т.), как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира было некоторое состояние, приличное премирным силам, превышшее времени, вечное, присно продолжающееся» [1, с. 10 (Беседа 1)]. Под премирными силами, как видно из дальнейшего контекста, разумеются именно Ангелы. Если Ангелы вполне неподвластны времени, то логика требует, чтобы и творились они вне времени.

Напротив, преподобный Иоанн Дамаскин прямо подчеркивает изменчивость (т. е. в наших категориях — «тонкую» тленность) Ангелов: «Ангел есть природа разумная и одаренная умом, и обладающая свободною волею, изменчивая по желанию, то есть добровольно изменчивая. Ибо все, что создано, и изменчиво; неизменно же — одно только то, что несотворенно» [5, с. 46 (Книга 2, глава 3)]. Иными словами, сотворение есть приведение из небытия в бытие во времени, а все временное — изменяется.

В приведенных словах Отцов очевидно некое малое противоречие. Они не современники и не спорили, но трудно удержаться от сравнения их разногласия с известным спором святителей Феофана Затворника и Игнатия Брянчанинова о тонкой телесности Ангелов. Там речь

шла об отношении Ангела к пространству, здесь говорится о его положении во времени. Если Ангел описуем пространством — значит, тонко телесен. Если он описуем временем — значит, изменчив, тонко тленен.

Святые спорят — не нам рассуживать. Но логика требует от нас, приняв сторону святителя Игнатия о тонкой телесности Ангелов, принять и сторону преподобного Дамаскина, мысль которого можно выразить чуть короче: Ангелы получили бытие во времени, следовательно, они изменчивы, не вполне нетленны, а главное, изменчивы они по своей воле. Действительно, чем, как не растлением, назвать изменение в естестве ангелов падших. Но чем иным, кроме своей собственной воли, растлили демоны свою великолепно сотворенную природу!

Слова святителя Василия интересны нам с той точки зрения, что все неизменяемое необходимо исключить из сотворенного во времени. Он это чувствует. Тогда, кстати, и падение демонов надо выносить за рамки времени. Важно нам пока то, что все сотворенное во времени имеет хотя бы потенциальную возможность тления. Чтобы не растлеться, тварь должна простираться к Богу; во всяком случае, тварь разумная. И Ангелы света не пребывают праздны, они служат Богу, служат вторыми светами, принимая постоянно сияние Первого Света. Время — река в небытие. Остановка в ней равнозначна движению по течению. На самом же деле стоит и пребывает неизменным в ней только то, что движется к Истоку. Любую тварь оставить без постоянного притока Божественной энергии в какой-либо форме — само время растлит ее.

К этим мыслям нам еще предстоит вернуться ниже. Пока же, оставив неудобоприступный мир Ангелов, возвратимся на первобытную землю.

Итак, человек и животные питаются растительной пищей. Здесь нет еще нашей тленности, когда почти всякое питание связано с убийством растения или животного. Бог заповедует есть только плоды и зелень,

но даже не семена. Это нисколько не вредит самому растению, которое не имеет нервов и не чувствует боли. Поедание постоянно растущей травы равнозначно постоянному подрезыванию наших волос и ногтей, которое безболезненно и даже необходимо для приличного вида. Поедание плода — не семени в нем! — также нисколько не вредит растению. Более того, создается впечатление, что прекрасные плоды вовсе не нужны самим растениям для выживания, они специально созданы для тех, кто их будет кушать. Неужели арбуз не мог бы принести свои семечки в небольшой сухой коробочке, которая сама раскрывалась бы и высыпалась? Никакая эволюция, преследующая эгоистическую цель наилучшего выживания, не смогла бы создать вкусный и сочный арбуз. Самому арбузу не нужны его главные достоинства — вкусовые.

Итак, первобытное питание не было связано с какою-либо смертью или страданием какой-либо твари, и это нам даже сейчас не так уж трудно себе представить. Поистине, *Бог смерти не сотворил!* (Прем. 1, 13).

Но для чего законоположено само питание? — Ответ находим у преподобного Дамаскина: «Чувственная пища, согласно с законами природы, есть дополнение того, что исчезло, и она удаляется в нижний проход и гибнет. И невозможно, чтобы оставался нетленным тот, кто питается чувственной пищею» [5, с. 78 (Книга 2, глава XI)].

Следует сразу оговориться, что Святой полагает, что первая чувственная пища, принятая в раю, и была с древа познания, а с прочих древ Адам вкушал пищу лишь мысленную, доставлявшую познание Бога. Впрочем, здесь он говорит как бы условно, чувствуя некое затруднение для ума.

Преподобный Ефрем Сирий, очевидно тоже чувствуя мысленное затруднение, как увязать нетленность с обычным питанием, толкует, что вкушение от запретного древа последовало буквально тотчас за сотворением, введением человека в рай, наречением

имен животным и созданием жены. Святой находит выход из затруднения в том, что человек до падения вообще не успел чего-либо вкусить [3, с. 238–239 (Глава 3)] и все описанные события произошли до полудня седьмого дня, на том основании, что Бог допрашивает ослушников *ходя в рай пополудни* (Быт. 3, 8).

Так или иначе, затруднение безусловно есть, если считать первый мир совершенно нетленным. Пусть даже человек ничего не вкушал до дерева познания, но как быть с Божиим повелением — ведь вкушать от всякого прочего дерева особо разрешено? Или это только аллегория — чувственная пища в виде плодов райских деревьев? Но как тогда сам рай не аллегория? Если рай на земле не было не только в мысленном, но и в чувственном виде, значит, во-первых, неверно будет отеческое буквальное понимание первых глав Бытия, о котором была речь, во-вторых, правы окажутся гностики, учившие, что рай был только мысленным. Прав окажется и Ориген с предсуществованием душ, их предсогрешением и посыланием для наказания в тела земные. И никто из Отцов-Шестодневников не понимает рай только как мысленный. Святой Дамаскин прямо подчеркивает, что он был земно-небесным [5, с. 76–77 (Книга 2, глава XI)].

Кроме человека были и животные. Им тоже дана пища, повелено есть траву. Животные были созданы те же, что и сейчас, плюс вымершие виды. Второго творения не было, эволюции тоже. Мы вполне можем сейчас допустить, что в условиях той атмосферы траву ели и хищники, калорий им хватало. И сейчас еще кошки, собаки, медведи едят траву или ягоды, мы это наблюдаем. Трудность не в том, чтобы поверить, что первобытные животные питались травой без убийства. Трудность в другом: животные не могли питаться какой-либо иной, мысленной пищей, но только чувственной. Как же они могли быть нетленными? Сама пища в любом организме, будучи проглочена, необратимо разлагается — это и есть тление.

В организме животного шел обмен веществ — то самое, о чем сказал преподобный Иоанн Дамаскин: пища служила восполнением того, что исчезало, выводилось из организма. Конечно, выделения животных тогда могли быть совершенно иными, чем теперь. И сейчас большая часть выделений выводится через дыхание и испарение кожей. Тогда же это могло быть единственным способом обмена, без каких-либо фекалий. Тонкость и совершенство первозданного творения вполне это позволяли. О дыхании всех тварей тоже сказано определенно: *души животных гадов* (Быт. 1, 21), *да произведет земля душу живу* (Быт. 1, 24). Какая у них душа, как не дышащая? И в лице человека вдувает Господь дыхание жизни. Дыхание всеми и всегда признается признаком жизни. Твари питаются и дышат — значит, непременно идет обмен веществ. Хотя, подчеркнем, он совсем не таков, как теперь по падению, после глобальных изменений условий жизни на земле.

Отдавая отчет, что наука бессильна сказать что-либо определенное о первобытном состоянии тварей, об обменных процессах в тогдашних организмах, мы не будем строить схоластических построений. Очевидно только одно: если Шестоднев понимать так, как его понимают святые Василий, Ефрем, Дамаскин, Златоуст, а за ними и о. Серафим (Роуз), то с вопросом питания первобытных существ неизбежно возникают серьезные проблемы.

Другая проблема первобытного состояния — размножение живых существ. Размножаются растения, сеющие семя по роду своему. Размножаются и животные по своему роду. Повеление размножаться дано до падения, и нельзя сказать, что только в предвидении падения: *раститесь и множитесь, и наполните воды, и птицы да умножатся на земли* (Быт. 1, 22) — сказано еще только в пятый день. Иначе, коль скоро такое повеление высказано без всяких условий, а мы поставим его в зависимость от падения, — то нам придется принять и то, что падение вполне безусловно и предопределено.

Аналогично, кстати, и питание разрешено просто, без такого условия, что пока человек не согрешит, кушать нельзя.

Размножение организмов также свидетельствует о некоей необратимости процесса, т. е. о тонкой тленности. В чем она, если ничто рождающееся не гибнет? — Ответ лежит на поверхности земли, которая ограничена, — значит, бессмертное размножение будет продолжаться ограниченное время. Но так и поставлена Богом задача тварям: *наполните воды* (Быт. 1, 22), *наполните землю* (Быт. 1, 28). Последнее касается и людей. Очевидно, что Бог сотворил все виды живых существ, и все в совершенстве, но не сразу всех вдовольном количестве, дабы и сама живая тварь в свою меру, в меру вложенной от Бога способности, соучаствовала в благоукрашении земли, — не эволюцией, конечно, не параллельным Богу конструированием живого, а просто тиражированием Его единого творческого замысла. Вот, кстати, как надо понимать соучастие твари в творении. Человеку дано соучастие более интеллектуальное: назвать всякую тварь, уловить и вложить в имя самую основную часть творческой идеи. На большую степень соучастия в творении да не рассчитывает никакая тварь!

После того, как можно было бы сказать: *исполнился земля твари Твоя* (Пс. 103, 24), должно было произойти одно из двух: или должна была войти в мир смерть, хотя бы «естественная», уравновешивающая размножение, или же должно было прекратиться само размножение. Таким образом, мир размножающихся живых тварей необратимо двигался к некоему преобразованию или изменению себя как целого. А это и есть то, что мы доказываем: первобытный мир отнюдь не был вполне нетленным, он не просто изменяем и изменяем необратимо в том виде, в каком создан, но должен был неизбежно претерпеть некое глобальное изменение в будущем. Однако выбор пути этого изменения был предоставлен его сотворенному царю — человеку.

Если это принять, то снимается трудность в понимании питания чувственной пищею и размножения. Далее мы подтвердим и словами святых Отцов именно такое понимание первого мира. Пока же оговоримся, что такая тонкая тленность первого мира не несла в себе никакого зла, никакой дисгармонии, тварь в таком своем виде по сотворении вполне соответствовала замыслу Творца, почему и получает от него то одобрение, с которого мы начали эту главу.

Образ полной нетленности видим мы в обетованном Царстве Небесном, имеющем открыться по Воскресении. Тогда, по свидетельству Тайновидца, *времени уже не будет* (Откр. 10, 6). Логическое затруднение этим сразу снимается. Где нет времени, там нет никаких изменений, нет речи ни о каком тлении. Тварь же вся, по естеству тленная, по созданию — тонко тленная, по падении же — растленная, тогда станет вполне и окончательно нетленною, по преизбытку благодати.

Здесь мы имеем обширное свидетельство в святых Отцах, что будущее состояние твари по Воскресении выше первоизданного. Прежде чем приводить их слова, отметим, что они везде понимают человека и тварь состоящими в одной степени тленности: каков человек в раю — такова и тварь, пал человек — пала и тварь, воскреснет человек — обновится и вся тварь. Это соответствие без оговорки принималось и в наших прежних рассуждениях, а читая далее свидетельства Отцов, мы убедимся, что таково же и их понимание. Восходит оно еще к словам Апостола: *тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суе не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих* (Рим. 8, 19–21).

Златоуст учит: «Бог обещает ввести нас не в рай, а в самое небо. И не царство райское возвестил, а Царство Небесное. Ты потерял рай, а Бог дает тебе небо» [цит. по 8, с. 175].

Святитель Фотий Константинопольский пишет: «Рай был для Адама местом подвига и предначинанием Царства Небесного, но еще не само это Царство. Первоначальный свет, который сиял еще до сотворения солнца, позволяет нам представлять себе Небесное Царство еще более совершенным, чем рай» [цит. по 8, с. 254].

Согласно с прочими Отцами святой Макарий Великий восклицает: «Христос возвратил естеству человеческого достоинство первозданного Адама, а сверх того... даровал ему и небесное наследие» [6, с. 467 (Слово 7, глава 34)].

Свидетельства Отцов можно умножить, но мы ограничимся пока сказанным, а далее еще увидим, что, действительно, первый рай был ниже второго, имеющего открыться по Воскресении и обладать совершенным нетлением.

Подчеркнем еще одно обстоятельство. Бог ставит задачу Адаму: *делати и хранити рай* (Быт. 2, 15). Протоиерей Стефан пишет, что якобы только в раю не было смерти и были совершенно иные законы бытия, а во всем прочем мире смерть царствовала, как ей и полагается по теории эволюции. Задача же человека состояла в том, чтобы распространить действие райских законов на весь мир [9, с. 65–66 и 145–146].

Опять вынужденная логическая натянутость и совершенно ненужная искусственная сложность, которую приходится вводить, чтобы только не посягнуть на эволюцию. Чем ограничен Едем от прочего мира? Если в Едеме уже остановлена при его насаждении каким-то образом смерть, то для чего она нужна еще Богу в прочем мире, где даже эволюция уже кончилась? Как, наконец, не выходя из Едема распространить действие его законов на весь мир, и почему об этом опять же не сказано в Писании? Непонятно, и ни на кого из святых Отцов сослаться в подтверждение нельзя.

Но задача человеку все же поставлена: *делати и хранити*. Как бессловесным отведена своя роль: *раститесь и множитесь*, так и человеку своя, более ак-

тивная: хранить данный Богом (хотя лишь на время!) порядок в первозданном мире. А для этого свято соблюдать заповедь — и все.

Неслучайно святитель Фотий называет рай местом подвига для Адама. Неслучайно святитель Василий дважды называет сей мир училищем разумных душ! Совершенное нетление будущего Царства вполне свободно от подвига и труда, там лишь воздаяние за подвиги и труды.

Суть упражнения человека в первом постном подвиге понятна. Необходимо было дать на это упражнение некое время.

Святитель Григорий Нисский пишет: «Бог усмотрел и соразмерное устройению человеков время, чтобы появлению определенного числа душ соответствовало и продолжение времени, и тогда остановится текучее движение времени, когда прекратится в нем распространение человеческого рода... А когда кончится сей способ рождения людей, с окончанием его кончится и время» [цит. по 8, с. 161]. Способ же размножения людей видит святитель Григорий неким неведомым и ангелоподобным, исключая, конечно, плотское общение.

Из этих слов, с учетом предыдущего, общая логика плана Божия ясна: дать человеку время устоять в заповеди, пока мир не заселится человеками и всеми прочими тварями, а затем, в случае послушания человека, достойно и его, и всю прочую тварь увенчать совершенным нетлением, упразднить всякое время и изменимость, упразднить и заповедь о древе, неблагоприятное вкушение с которого, по выражению церковной песни, нас и погубило. И без того *зело добрый* мир следовало привести в состояние неизменного и совершеннейшего блаженства — за послушание и добродетель его хранителя.

Для того и все наше рассуждение о тонкой тленности и об отличии первого рая от последнего, чтобы показать самое главное: выбор был дан Адаму вполне

реально. То, что Бог предвидел падение и «застраховал» всю тварь на этот случай, чтобы полной гибели сразу не произошло, — никак нельзя понимать в смысле предопределенности падения или ограничения свободы человека. Нельзя утверждать, что «заготовив» мир для падшего состояния, Бог исключил возможность хода истории без падения. Это не так. Адам мог не пасть, и первобытный чувственный мир был на это вполне рассчитан. Это был бы лучший, магистральный путь истории. Чувственный изменяемый, тонко тленный мир вполне мог быть доведен человеком до высокой и прекрасной цели — полного нетления и блаженства. В том, чтобы тонко тленное облеклось в совершенное нетление, мог принять участие и человек. Для этой цели он и был создан. Некоторые Отцы видят такую сторону образа Божия в человеке, как творчество. Здесь и дана была творческая задача. Величайшая милость, величайшее достоинство: поручить твари довести все прекрасное творение до высшего совершенства — путем послушания Богу!

И такая возможность рухнула. История пошла не по гладкой и прямой дороге, а покатила по крутой, тернистой, нисходящей тропе.

Но вновь обратимся к святым Отцам за подтверждением сказанного. Преподобный Анастасий Синаит пишет: «Адам был посреди тления и нетления» [цит. по 8, с. 203]. Он называет праотца «раеродным», то есть самым введением этого термина поставляет его в особое положение между Царством Небесным и нынешним состоянием.

Преподобный Григорий Синаит разъясняет еще конкретнее: «Едем — место, в коем Богом насаждены всякого рода благовонные растения. Он ни совершенно нетленен, ни совсем тленен. Поставленный посреди тления и нетления, он всегда и обилен плодами, и цветущ цветами и зрелыми, и незрелыми. Падающие деревья и плоды зрелые превращаются в землю благовонную, не

издающую запах тления, как дерева мира сего. Это — от преизобилия благодати освящения, всегда там разливающейся» [цит. по 7, с. 46].

Отец Серафим (Роуз), цитируя эти слова, указывает на высокую жизнь аскета, созерцавшего первоизданную тварь непосредственно от Господа. Святой созерцает, как и Моисей созерцал, на что выше указывал нам святитель Василий Великий, а мы называли это принципом достоверности источника. Даже по тексту цитаты видно, что сказанное есть откровение. Совсем не так строится наша речь на эту тему. Мы не видим, а рассуждаем. Но что такое рассуждение в сравнении с созерцанием? В самом хорошем случае — ничто, ибо оно способно лишь обобщить данные Откровения. В плохом же случае рассуждение менее, нежели ничто, если оно искажает Откровение.

У преподобного Симеона Нового Богослова состояние плодов райских названо совсем нетленным, но здесь нет противоречия. Оба Отца не схоластики, а созерцатели. Видят то, что рассказать человеческим языком невозможно. Истина эта, строго говоря, заумна, т. е. выше рассудочного уровня. При переводе видения на земной язык получается не всегда одинаково. Мы, в своем нынешнем растлении пребывающие, даже не можем представить себе, насколько «тонкая тленность» рая нетленна в сравнении с окружающим нас тлением! Это различие гораздо больше, чем между первобытной тленностью и совершенным нетлением будущего века.

О первом мире и преподобный Симеон говорит так: «Рая (в смысле Царства Небесного — с. Т.) тогда еще не было, но этот мир бысть от Бога как бы рай некий, хотя вещественный и чувственный». И далее: «Адам был создан с телом нетленным, однако ж вещественным, а не духовным еще» [цит. по 7, с. 55].

Еще одно важнейшее отеческое положение, которое мы никак не можем опустить, хотя оно встречается, кажется, только у преподобного Максима Исповедника. Со всем дерзновением великого богослова и тай-

но зрителя он говорит: «Воплощение есть средоточие мирового бытия, и не только в плане искупления, но и в изначальном творческом плане. Воплощение изволено вместе с самим творением, но не только в предведении падения. Воплощение Слова входит в первоизволение Бога о творении мира» [цит. по 8, с. 234].

Итак, с одной стороны, первобытный мир поставлен на испытательное время, после которого необходимо должен был или пасть, или быть преображен в полное нетление в зависимости от воли человека. — Это, можно считать, отеческое учение. С другой стороны стоит Максимово учение о безусловном Воплощении вне зависимости от падения.

Оба положения так и хочется соединить простой связью, пока лишь в форме вопроса, потому что нам не удалось найти у святых Отцов ясного ответа. Не имело ли безусловное Воплощение своею целью как раз доведение мира до полного нетления? Если бы человек не пал, это было бы проще. А в нынешнем падшем мире Воплощение служит той же цели — это уже точное церковное учение — только достигается цель гораздо трагичнее: через Крест Христов и «ответные» кресты всех крестоносцев — будущих небожителей. Тогда, если бы мы не пали, не потребовалось бы идти к общему Воскресению через кресты. Было бы Воскресение, столь же необходимое, как Воплощение, — только без смерти и сразу для всей твари? О горе утратившим сладость, переходящую в большую и нетленную сладость!

СТУПЕНИ ТЛЕНИЯ

Итак, бесполезно уже мечтать, как замыслил Бог преобразить мир, если бы человек не пал. Важно, что в нынешнем миропорядке виновен только диавол, да сам человек, и что нынешний порядок не есть богозданный. Бог вначале организовал материальный и чувственный мир совсем не таким, каков он сейчас, а готовил его к еще высшему состоянию. Бог создал все условия и всю «программу жизни» этого мира, включив в нее и некое соучастие твари, для того и на тот случай, чтобы падения никогда не было. При этом — о глубина премудрости Божией! — заготовил еще при создании в самой твари некие аварийные средства, необходимые для торможения человека и мира, соскальзывающих все глубже в бездну хаоса и растрепания.

К этим средствам святые Отцы относят, как известно, различие полов у человека и путь плотского размножения, «замеченный» прародителями лишь после падения. Сюда же относится наличие в природе различных минералов, растений, животных, скотов для пользования человеком в его падшем состоянии. Когда в мир вошла смерть, оказалось, что в природе есть экологическое равновесие, удерживающее все твари если не от смерти частной, то хотя бы от вымирания видов.

Все эти «тормозные» средства не способны остановить падающего человека, который, как оказалось, вполне способен разрушать их или истощать их действие.

Вот где действительно началась эволюция, только в противоположную сторону: тварь пошла от высокого разнообразия и обилия форм жизни к жалкому прозябанию «ущелевших наиболее приспособленных», а человек начал «эволюционировать» то ли в обезьяну, то ли просто в беса.

Прежде чем говорить об этом поступательном сползании к тлению и смерти, как первейшем и глобальном законе нынешнего падшего бытия, рассмотрим просто человеческую плоть, как могущую пребывать в разной степени тления.

1. Начнем с воскресшей плоти Богочеловека, как вполне и совершенно нетленной. В чем выражается это нетление? Во-первых, в утрате нашей обычной дебелости, в способности мгновенно перемещаться на любые расстояния и проходить через любые запертые двери. В то же время это не тонкое тело Ангелов. Господь говорит: *дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лк. 24, 39). Во-вторых, это полное отсутствие нужды в пище (Христос вкушал перед учениками только для уверения их в Воскресении — таково общее отеческое объяснение). В-третьих, этому телу свойственны полная безболезненность и отсутствие страданий, как физических, так и навеваемых от мучительства страстей душевных и искушений внешних. В-четвертых, этому телу принадлежит полное бессмертие и свойственно соединение с Божеством.

Таковы же будут и воскресшие тела святых — жилища Божия Духа.

2. Тело первозданного до падения отличается от тела Воскресения, во-первых, нуждою в пище, хотя и чуждой страдания от голода, во-вторых, безусловным бессмертием. Это и есть названное нами выше состояние тонкого тления.

3. Тело Христово до Креста. Об этом состоянии свидетельствует преподобный Дамаскин в [5] и в Воскресном каноне 7-го гласа. Тело Христово было тленно в смысле страдательном: голодало, уставало, болело, по-

тому что Господь принял добровольно эти негреховные немощи наши, хотя Сам не имел в том нужды, как чуждый всякого греха. Этим тело Его отличалось в сторону большего тления от первозданного. Но оно сохраняло отличную от нас нетленность в двух смыслах: а) оно не было мучимо душевными и телесными страстями, которые у нас растлевают и тело, ибо Господь, восприняв наши негреховные немощи — последствия падения, не воспринял нашего греха и страстей, и б) оно не познало истления по смерти — т. е. разложения на элементы, гниения. Святой Дамаскин проводит четкую границу между терминами «тление» в смысле болезненность, изменчивость, и «истление» — в смысле того, что бывает с обычным гниющим трупом.

4. Тело Матери Божией до Успения и Воскресения занимает по нашему разделению совершенно особое место. Православная Церковь учит, что Божия Матерь родилась в падшем человеческом естестве, не была свободна от приражений первородного греха, однако не соделала грехов личных. По сравнению с совершенно чуждым первородного греха Ея Сыном, это должно быть совершенно иное состояние и души, и тела. Но и по сравнению со всеми прочими человеками — это еще иное состояние высочайшей чистоты храма телесного. Нетленность же свойственна телу Ея в равную меру с Самим Христом. Вообще, говорить о нетленности Ея тела мы можем лишь с особым благоговением, ведь оно служило вместилищем, храмом, Самому Воплощенному Богу!

5. Тела праведников, знающих уже и личный грех, кроме первородного, и знающих его в очень широком разбросе — еще одна ступень книзу. Всякий грех, в котором участвует тело, растлевают неким образом его само, и у каждого, конечно, по-своему. Иная степень тленности у девственников, иная у живших в браке, иная у покаявшихся блудников, разная у всех и болезненность, разная степень страданий телесных. Однако благоугодившие Богу иногда еще на земле получали и

власть над стихиями, как первый Адам, и над зверями, и останавливали тление в чужих телах. Святым свойственно и нетление мощей, и тоже в очень разной степени. Конечно, это нетление не сравнить с нетлением тела Христова или Божией Матери во гробах их. От мощей можно отделить частицы. Мощи не похожи на живого человека. Мы имеем дело с какой-то особой ступенью тленности (или нетленности — как лучше сказать?).

6. Человек грешный тленен по всему телу: и болезнен, и смертен, и мучим страстями и прилогами вражьиими, и нуждается в пище, и утомляем, и дебал телом, и, наконец, умершее тело его истлевает в персть, *от нея же взято бысть* (Быт. 2, 7; 3, 19).

7. Особо грешный человек, как Ирод, Тамерлан, Марат или Ленин, истлевает телом еще при жизни, становится гнойным смердящим живым трупом во устрашение всех человеков. Атрибуты могилы — смрад, черви, гниение членов — присутствуют здесь еще до разлучения души с телом. Тоже особое состояние по признаку тленности.

Мы не собираемся здесь строить жесткую схему или систему, просто желаем показать широчайший набор различий в плоти человеческой по этому признаку. Для чего? — Для того, чтобы яснее стало различие по этому же признаку во взгляде на всю прочую тварь.

Подчеркнем еще раз, что Отцы не различают состояния человека от состояния всей окружающей его среды. Был человек невинен — и вся природа вокруг была нетленна. Пал человек — и вся тварь растлилась вместе с ним. Отцы не представляют себе такую ситуацию, чтобы царь еще не пал, а царство вокруг жило уже по закону клыка и дубины. Современный же эволюционный взгляд на мир стал слепотствовать до такой степени, что совсем не хочет видеть ни растленного человека, ни растления твари. Говорят об эволюции в сторону прогресса. Это пустословие приятно самим пустословам и их слушателям, но оно лишь вторично. За пустыми словами стоит нежелание видеть вещи так, как они есть. Нельзя

сказать, что серьезные люди, верящие в какой-то прогресс, впали просто в честную ошибку.

Мы же рассмотрим чуть подробнее законы необратимых процессов во всей твари на всех уровнях бытия.

1. Первая закономерность подобного рода наблюдается еще на уровне атома. Известно, что легкие элементы из первых строк таблицы Менделеева при условиях высоких температур, когда уже начинаются ядерные реакции, склонны к соединению и ядерному синтезу в более тяжелые ядра: водород превращается в гелий и т. п. Реакция водородной бомбы.

Тяжелые же ядра, напротив, склонны к распаду и делению по типу реакции атомной бомбы или же просто вследствие естественной радиоактивности. В середине таблицы элементов есть некая «потенциальная яма» в районе железа. Средние элементы оказываются наиболее устойчивы, потому что всякая система стремится к минимуму своей потенциальной энергии. В такие средние по атомному весу элементы теоретически во всех местах, где идут ядерные реакции, должны бы перейти и все прочие элементы. Таким образом, все разнообразие химических элементов в природе необратимо стремится к некоей однородности. «Цветущая сложность», о которой писал К. Н. Леонтьев, увядает уже на этом уровне бытия.

2. На молекулярном уровне наблюдается широко известное и философски проанализированное второе начало термодинамики. Из того, что молекулы движутся беспорядочно, хаотически, довольно строго можно вывести и опытами подтвердить однонаправленность энергетических процессов, то есть что всякая энергия может превратиться в тепловую без остатка, а тепловая перейти в любую другую (механическую, электрическую, химическую) без остатка не способна. И внутри самой тепловой энергии существуют разные потенциалы, т. е. «качество» одного и того же количества тепловой энергии очень зависит от температуры теплоносителя. Сильно нагретая спиралька лампочки дает значительное ко-

личество первосортной энергии — световой. Но если это же количество энергии сообщить еле теплему утюгу, то превратить его тепло хотя бы в какую-то нетепловую энергию практически невозможно.

Таким образом, вся энергия стремится перейти в тепловую, а сама тепловая стремится равномерно распределиться между всеми носителями. Это и есть состояние тепловой смерти Вселенной, которую так и не смогли «научно опровергнуть» сторонники прогресса и эволюции. Нам доводилось серьезно заниматься этим вопросом и этими «опровержениями». Есть из них такие, которые просто не выдерживают никакой критики («опровержение» Энгельса, теория флуктуаций Больцмана), есть и более серьезные (гипотеза Толмена и др.), но и эти сводятся к тому, чтобы доказать, что наша Вселенная не есть замкнутая система, а тепловая смерть может возникнуть только в замкнутой системе. Но это ведь и требуется доказать! Кто «размыкает» нашу Вселенную, коль скоро она не замкнута? Кто разомкнул ее в самом начале? И кроме того, если Вселенная Им разомкнута, то из этого вовсе не следует, что второе начало термодинамики не должно приводить к тепловой смерти. Оно только может к ней не вести, если Размыкающий этого не захочет. Не нужно выдавать желаемое, и даже возможное, уже за действительное. На этом уровне бытия идет самопроизвольное растрепывание твари, т. е. необратимое движение к хаосу.

И тот факт, что вся наша Вселенная не находится пока в тепловой смерти, и тот, что она содержит все сто с лишним элементов, от водорода до урановых, ясно указывают на акт творения. Первоначальное создание внесло довольное разнообразие в химический состав материи и в энергетику ее. Трудно сказать, действовало ли в первозданном мире второе начало термодинамики, шли ли тогда необратимые ядерные реакции. Наука этого мира не наблюдала, а Откровение не дает достаточных данных. Хотя питание чувственную пищу допускает возможность того, что второе начало

действовало. Химическая энергия соков плода могла необратимо превращаться в тепло организма, подобно тому как это происходит теперь. «Тонкое тление» на этом уровне еще могло идти. Но это вовсе не обязательно, а главное, без особого откровения нам этого доподлинно в сей жизни не узнать.

Во всяком случае, даже если это тление на самом низком уровне было попущено, оно никак не могло сломать всей прочей гармонии, потому что существование первобытного мира, безусловно, было ограничено гораздо меньшим временем, чем необходимо для тепловой смерти при тогдашних темпах нарастания энтропии (если она действительно нарастала).

И ныне ожидаемые Воскресение мертвых, и Суд, и новотворение всего сущего придут, конечно, раньше тепловой смерти Вселенной, хотя бы потому, что к концу чувственного мира будут существовать живые люди, а при этом говорить о тепловой смерти невозможно. Превращение же ядер в железо дает еще больший срок существования мира. Здесь и далее мы увидим одну важную закономерность: чем далее тварь отстоит от нравственного существа — человека — по уровню своей организации, тем меньшему тлению она подверглась за его преступление, тем следовательно, более продолжительные сроки на существование этого тленного мира она дает.

3. Переходим на уровень живой природы, точнее единичных организмов. В этом мире мы наблюдаем своеобразного рода эволюцию — дегенерацию. Еще прошлого века дарвинисты приводили примеры превращения видов: утрата глаз пещерными рыбами, утрата крыльев жуками на обдуваемых сильным ветром скалах. Да, условия экологии изменились, некоторым дегенератам стало легче выжить. Вот к чему только и способна, господа эволюционисты, ваша самопроизвольная эволюция! Она способна только терять ту великую организующую информацию, которую Творец заложил в Свою тварь при создании.

О характере этой информации мы уже говорили выше. Она включает и генетическую «шифровку» и внегенетическую совершенно идеальную составляющую. Информация, как известно, подчиняется законам, аналогичным постулатам термодинамики. Информация не возникает сама собою без разумного источника, подобно тому как и энергия не возникает сама собою. Это аналог первого начала термодинамики. При передаче информации она в идеальном случае сохраняется, а в реальном портится, то есть, во-первых, частично может утрачиваться, во-вторых, может засоряться дезинформацией, ошибками и фальсификациями. Точно так же видна однонаправленность информодинамики к растлению и информационной смерти.

Этот закон «тления информации» некоторые логически выводят из второго начала термодинамики. Но нам видится здесь натянутость вывода. Термодинамика работает с чисто тепловыми явлениями. Она оперирует только с такими фундаментальными категориями, как материя и энергия. В свои начала она вовсе не включает понятия о разуме, как источнике информации. Термодинамике, как замкнутой в себе логичной теории, основанной на трех аксиомах, нет никакой нужды для себя в том, как растут живые организмы, к примеру, или что думают люди, копошащиеся вокруг тепловой машины. Энтропия — величина, характеризующая беспорядок в молекулярном строении вещества, вводится не из каких-либо представлений об информации, а из чисто тепловых характеристик, грубо говоря, как отношение тепла к температуре. Далее доказывается, что энтропия пропорциональна логарифму термодинамической вероятности состояния системы. И в этом месте возникает логический «мостик» к теории информации. Энтропия есть мера порядка, точнее, нарушений порядка, а информация — это прежде всего порядок. Молекула белка или ДНК — это удивительный и гигантский порядок. Вот, кажется, и связь.

Но у термодинамики свое оригинальное «представление» об идеальном порядке. Ноль энтропии термодинамической достигается при абсолютном нуле температуры (третье начало термодинамики). Это состояние наибольшего термодинамического порядка. Никакого хаотического движения молекул. Но где здесь информация? Возможна ли здесь ее передача? Нет. Это порядок абсолютно тоталитарного устройства: все шагают строго в ногу, но гениев, генераторов идей, не появляется. Та же тепловая смерть, только навыворот.

Отсюда мы делаем вывод, важный для дальнейшего. Законы растления информации и энергии независимы, хотя полностью аналогичны. Теоретически может существовать такой мир, где второе начало термодинамики действует, а информация не теряется. Не таково ли было первоначальное творение?

Там не было индивидуальной смерти, тем более не могло быть смерти вида и его дегенерации. Информация передавалась строго идеально. В нынешнем состоянии мы видим и смерть частную, и вымирание видов. Информация о большинстве живых тварей уже утрачена, развоплотилась, потеряла материальные носители и возвратилась к своему Источнику, в до-тварное состояние. Эти твари существуют лишь в своих идеях, которые были у Бога предвечно, до времени. Нам же остается только частичное знание о некоторых чертах этих тварей в ископаемых костях и отпечатках.

Вымирание и дегенерация — не единственные явления, доказывающие тленность мира биологического. Генная и сверх-генная информация об организме может еще сохраняться, а тварь не пользуется ею в полной мере.

Условия среды не дают растению или животному вырасти в полную меру. Это еще не генная дегенерация, но, безусловно, тоже тление, которого не было в первозданном мире.

4. Перейдя на уровень биосферы в целом, мы прежде всего подивимся великой премудрости и благодати

Творца, предвидевшего падение наше и создавшего твари так, что и в условиях смерти поддерживается некое природное равновесие. Человек же своей цивилизацией растлил всю эту дивную экологию. Здесь можно привести бесчисленное множество общеизвестных фактов о современной экологической катастрофе, к чему у нас нет особого интереса.

Мы только хотим обратить внимание на одну черту экологического кризиса, совсем непонятную нехристианам. Природу разлагает не просто ненаучная, нерациональная деятельность человека, а его грех. Он ведет падший мир от одной катастрофы к другой, делает неизбежными все страдания твари, вплоть до глобального вымирания большей части биосферы. Пример тому — потопная катастрофа, да и все последующие катастрофы: землетрясения, извержения вулканов, падения метеоритов, цунами, ураганы и проч. Допотопные люди, надо полагать, никак не могли создать экологически кризисную ситуацию своей хозяйственной деятельностью, как это делаем мы, но грехом своим вызвали самый страшный экологический кризис в истории земли, подобного которому не будет до самого конца света. Бог попускает первобытному, но уже падшему грехом миру разлиться и погибнуть, а после потопа жить в гораздо более стесненных условиях. И все это с единственной целью: уцеломудрить человека, заставить его лучше видеть свое падение, почаще вспоминать смерть — плод этого падения, тем самым приготовить его к принятию Искупителя. Таким образом, Бог дает общий путь: прежде исцелить голову всего творения — человека, пусть хотя бы за счет прочего тела — биосферы.

Отсюда и наука всем экологам, верующим в прогресс и не видящим закона всемирного тления: совершенно суетны все попытки спасти экологию земли рациональной человеческой деятельностью, оставляя человека естественным, тленным, не возрожденным во Христе. Построить рациональную и нетленную эко-

логию ничуть не легче, чем построить искусственную жизнь.

Современное экологическое движение, направляемое все теми же масонами, хилиастами и прогрессистами, носит явно антихристианский характер. Оно дерзает открыто осуждать христианскую веру за ее взгляд на взаимоотношение человека и твари. Христианская экология — это красная стрелка, начертанная от Творения к Концу. Конечно, прогрессистам и «самоделателям естества» такой взгляд неприемлем. Им нужен рай на земле, а не подготовка к раю на Небе, по общему Воскресении. Но *весть Господь и их помышления, яко суть суетна* (Пс. 93,11).

Начиная с уровня всей биосферы, мы видим, что тление твари идет все ускоряющимися темпами. Дегенерация опережает термодинамику, а экология опережает дегенерацию отдельных видов. В живой природе все гораздо быстрее тлеет, чем в природе неживой, которая понемногу сползает черепашьям шагом к тепловой смерти и железной вселенной. Опять подтверждается общий принцип: чем ближе тварь к виновнику тления, тем скорее она сама вырождается. Следовательно, наиболее растленным является человек и общество.

5. Рассматривая телесный состав человека, мы легко убедимся, что так оно и есть. Допотопные люди жили по несколько веков и видели потомков своих до седьмого колена. Археологов потрясает удивительный уровень знаний в древних цивилизациях. Однако, хотя допотопные люди прекрасно знали и мир, и себя, и Бога Единого, насколько могли Его знать в своем падении, они не устремляли своих сердец к Богу. Жили старым запасом телесным и душевным, который сохранился еще от первозданного. Дух же растлился так, что Бог свидетельствует об этих людях: *не имать Дух мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3).

Опять та же закономерность: самое высшее, самое высокоорганизованное, самое близкое к Богу — дух, совесть — растлевается быстрее всего.

Эта начальная дисгармония: почти нетронутое тлением тело, почти нетронутый тлением мир (мы говорим «почти» в сравнении с современным его состоянием) и в то же время растленный дух, — была отчасти «сбалансирована» потопом. Потоп глобально изменил всю экологию, создал места с суровыми условиями жизни. Но кроме того, потоп ограничил телесную силу и богатство плотских возможностей человека. Здесь мы видим ту же закономерность: все внешнее Господь приводит в соответствие с внутренним обликом человека. А поскольку по падении движение внутреннего человека однозначно направлено к тлению, к небытию, то по этому же пути движется и внешний человек, а за ним и вся прочая тварь — сперва живая, а потом и неживая.

Но потоп послужил во благо человеку, он вынудил его побольше помнить о Боге. Это было некое удерживающее мир средство. Как лесной пожар нередко останавливают тем, что валют, уничтожают лес на широкой просеке по пути распространения огня, дабы не сгорело все, так и потопная катастрофа имела благодетельное для всего рода человеческого значение, но, конечно, не способна была спасти человека от греха, как и просека сама по себе не способна потушить пожар, но лишь задержать его.

Впрочем, вернемся к телесному составу человека. Совершенно несомненна наша дегенерация по сравнению с древними людьми. Мы совершенно не приспособлены жить в тех условиях, в каких способны были жить наши предки, мы не способны к тем постам, бдениям, терпению той жары и холода. И дело не только в том, что ныне люди не хотят терпеть, не желают подвизаться подвигом древних. Не может быть так, чтобы из значительного числа верующих никто бы не подвизался в воздержании. Таковые есть, но результат совсем не тот, что прежде.

Человек утратил иммунитеты и стал совершенно нестойк ко всяким болезням — еще одна черта телесного растления. Показательна природа раковых забо-

леваний: по непонятным причинам некоторые ткани выходят из-под контроля и создают ничем неограничиваемые опухоли, пронизывающие другие органы. Целая модель первого непослушания. Раньше человечество, видимо, почти не знало таких болезней, по крайней мере в таком широком распространении, как сейчас. Эти болезни ярко показывают нам, что смерть приходит к человеку не столько откуда-нибудь совне, сколько именно изнутри самого человека. Победивший чуму и оспу человек все равно истлевают практически на ходу.

6. В области душевной жизни мы видим также нарастающее тление и деградацию. Однако здесь действие общего закона не слишком очевидно, ибо на него накладывается великое действие милости Божией к падшему человеку — наше искупление во Христе.

Воплощение и Воскресение имели целью именно уничтожение царства тли и восстановление человека. Путь православной аскетики во всей его истории показывает нам, как это конкретно делается, как Христос восстанавливает данного человека.

И прежде всего восстанавливается внутренний человек, останавливается главный источник тли мира, лежащий на самой глубине человеческого сердца. Святитель Феофан Затворник подчеркивает, что восстановление человека начинается с поворота ко Христу нашего духа — высшей части души. Затем и прочие силы души, постепенно преображаясь и очищаясь, приближаются к свойствам первозданного. В исключительных случаях дело доходит до того, что и тело человека, поистине преображенного благодатию Божией, приобретает черты первого Адама: власть над животными, над стихиями. Святые переходят реки, как по суху, огонь не касается тел мучеников, сами мощи пребывают неистленными. Но смерть телесная разлучает и такие тела от их святых душ. И это только подтверждает тесную связь человека и мира: в тленном мире не жить вечно нетленному человеку. Смерть тела спо-

собствует святым во благо: души их переселяются во блаженное усение до общего Воскресения.

Итак, зло физическое, самые последствия нашего падения — смерть и тление видимого мира и человека, Христос обратил для нас во благо душевное: таким узким путем восстанавливается внутренний человек. Но саму тленность внешнего мира Он не остановил. Крестоношение в нетленном мире невозможно, а без него невозможно восстановить нашего внутреннего человека, невозможно то есть истребить главный источник тления.

Как тление пришло через внутреннего человека во все человеческое естество, во всю биологию, химию и физику, так и восстановить все можно только в том же порядке, начав с внутреннего человека. Поэтому если люди не достигли еще духовного уровня, положим, Макария Великого, им будет только во вред внезапное уничтожение окружающего тления, а вместе с ним и всех скорбей века сего. В этом случае они гораздо легче Адама нарушат любые заповеди, будучи движимы греховным навком, — навком, подчеркнем, врожденным и почти всегда сознательно развитым. А Макариевой духовности можно достигнуть только через скорби, только узким путем. Внутренний человек обновляется только по мере тления внешнего — эту мысль высказал еще апостол Павел (2 Кор. 4, 16).

Вот и причина, почему первое пришествие Христова не остановило тления всей твари. Из растлевающегося человечества, из тлеющего мира Христос извлекает остаток желающих спасения, как бы формирует новое человечество, которое, будучи уже испытано и проверено скорбями, запечатлено благодатию, должно по замыслу составить ядро новой нетленной твари.

После пришествия Христова это человечество на земле начало возрастать в обширное церковное тело, почему и создается впечатление, что духовное и душевное тление в человечестве как бы остановилось. Христовы воины устремились против общего потока,

ведущего к небытию и распаду. Лучшие умы и сердца создают высочайшие памятники нетленного богатства — создают при пособии благодати святого человека, создают и то, что могут святые люди передать своим потомкам — в отеческих писаниях, в иконописи, в храмоздательстве...

Постепенно, на Западе раньше, на Востоке чуть позже, эта высокая духовная культура переходит в душевную (где-то с эпохи Ренессанса). Расцветает богатая душевность вместо духовности во всей мыслящей и чувствующей человеческой природе. Отличить душевное от духовного порою трудно, но есть один самый главный признак. Душевное богато в своих оттенках, в чувствах, переживаниях, в умозаклечениях, в желаниях. Духовное более цельно и прямо направлено в небо, в вечность, в нетление. Там, где нет этого лейтмотива вечности, — там остается одно душевное.

Кому не хочется богатство страстной душевности посчитать шагом вниз, к растлению, пусть посмотрит на XX век, на культуру плотскую, а в последнее время — на извращенно-плотскую и откровенно демоническую. Неужели можно не видеть явного развращения? Неужели еще можно не замечать совершенно адского растления нравов?

Конечно, культура — понятие в некотором роде статистическое. Возможны и ныне люди ходящие не по плоти, но по духу. Возможна и теперь еще высокая художественная душевность. Но уже, конечно, в целом того, что было, не вернешь. Регресс слишком очевиден. Особенно ярко он видится из глубины нынешней российской агонии.

Человек назван в христианских книгах животным словесным, в отличие от бессловесных. В словесности человека состоит одна из сторон образа Божия, образа Предвечного Слова. Эволюция языка поэтому должна отражать эволюцию человеческой души. Креационисты очень часто приводят конкретные примеры глубокой деградации современных языков по сравнению с

древними. Сколько языков знакомо данному исследователю, столько примеров он и может привести на эту тему. Мы с глубокой уверенностью свидетельствуем это правило на примере древнего славянского языка. Он гораздо богаче современных языков славянской группы и лексически, и грамматически, и фонетически. Современному русскому человеку он практически незнаком, а если знаком, то лишь в церковной своей версии. Большая же часть его по сути безвозвратно утрачена.

Всё одно к одному...

Здесь мы подходим к вопросу: почему в этой главе мало цитируются святые Отцы? Разве они не видели этого нарастания тления? И если они его действительно не видели, то насколько законны все наши заключения?

Увы, сказанное выше не выдумка, а горькая реальность. И неправда, будто святые Отцы растления твари не видели. Что первое падение растлило и человека, и всю тварь — это общеизвестное отеческое учение.

Оно выражено еще в Книге Бытия: *проклята земля в делех твоих* (Быт. 3, 17). При этом даже не сказано, что сам человек проклят. Душа его проклята самим преступлением, а из земли созданное тело проклинается вместе с прочею землею.

Далее, о проклятии твари говорит Апостол: *суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго* (Рим. 8, 20). Святой Златоуст это место толкует так: «Что значит: *суете тварь повинуся*? — Сделалась тленною. Для чего же и по какой причине? — По твоей вине, человек. Так как ты получил смертное и подверженное страданиям тело, то и земля подверглась проклятию...» [2, с. 664 (Беседа XIV, § 5)].

О том же можно прочесть и у преподобного Макария: «По пленении Адама пленена уже с ним вместе служащая и покорствующая ему тварь, потому что чрез него воцарилась смерть над всякою душою...» [6, с. 85–86 (Беседа 11, § 5)].

И у Григория Синаита читаем: «Текучая ныне тварь не создана первоначально тленною (хотя тот же святой

Отец первобытное состояние ставит между тлением и нетлением, как мы видели выше, но сейчас он говорит о тлении современном — с. Т.), но после подпала тлению, *повинувшись суете, не волею, но не хотя, за повинувшего ее, на уповании обновления* подвергшегося тлению Адама (Рим. 8, 20). Обновивший Адама и Освятивший, обновил и тварь, но от тления еще не избавил их» [цит. по 7, с. 46].

Остается нам лишь показать: видели ли Отцы после-райскую динамику растреления? Может быть, и человек, и тварь, потерпев в раю катастрофу, далее постепенно заглаживали ее последствия, а Христос Своим пришествием уже почти довершил остальное? Может быть, чем дальше от рая, тем слабее тление? И вообще скоро близок момент, когда мы сами эволюционно перейдем постепенно в нетление, коль скоро оно несомненно обетовано Господом? И хилиасты окажутся правы, а эволюции поставят памятник высотой с Вавилонскую башню? Именно так мыслил, к примеру, тот же Тейяр де Шарден, которого мы уже цитировали выше: «Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, — вот что такое эволюция» [14, с. 175].

На этот вопрос отвечает прежде всего Сам Христос в Своем Евангелии, предрекая кончину века сего. Он предсказывает взаимную ненависть, умножение беззаконий и охлаждение любви, предсказывает расцвет ложной духовности и сатанинских чудес, предсказывает страшные войны и гонения на христиан (см., например, Мф. 24, 5–12). Это касается внутреннего растреления людей. Божественному Учителю вторит Первоверховный Апостол, возвещающий появление в последние времена наглых ругателей, поступающих по своим похотям и отвергающих мысль о кончине века (2 Пет. 3, 3). Небожественный Павел предупреждает своего возлюбленного ученика о том же, описывая развращение последних времен. Кажется, все мыслимые эпитеты собрал он, перечисляя душевные качества своих потомков: *самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы*

и т. д. — почти на целую третью главу Второго послания к Тимофею. Той же теме посвящена вторая глава Второго послания к Фессалоникийцам об отступлении, характерном именно для последних времен, отступлении, имеющим увенчаться средоточием зла — антихристом. Этому же взгляду никак не противоречит Откровение святого Иоанна, которое, как книга пророческая, допускает варианты толкования, даже в рамках православной традиции, но страшное растление человека перед концом, их лютое богоборство и нераскаянность совершенно несомненны.

Кроме того, Откровение рисует и страшную картину стихийных бедствий, растление твари, переходящее в смертельную агонию. Подобные же пророчества в сильных выражениях встречаем мы и у Самого Господа (Мф. 24, 7–29; Мк. 13, 8–25; Лк. 21, 11–26).

Картину будущего предантихристового состояния мира ясно рисуют и преподобный Ефрем Сирий [4, с. 250–260 (Часть I, слово 106 по слав. пер.)], и преподобный Нил Мироточивый [19, с. 83–85 (Часть I, главы XXIII–XXIV)]. Они также согласно описывают ужасные стихийные бедствия перед концом, ужасную телесную слабость человека, который за принятие антихристовой печати будет получать хлеб, но никак не сможет им насытиться, сколько бы ни съел. Все это только подтверждает мысль, что от рая к концу все человечество и вся тварь движутся по нарастанию растления, по закону падшего естества, а все светлое и радостное, что привнесено в мир Христом, во всей полноте и красоте засверкает лишь после общего Воскресения.

Впрочем, немногие из древних Отцов занимались подробно рассмотрением растления твари. Больше их привлекала тема нравственного восстановления, борьба над страстями и победа над ветхим человеком. Как думать об общем тлении, глядя на восстающих от сна смертного! Но на будущее и древние Отцы предсказали оскудение монашеского подвига, общее оскудение веры, ожесточение человека. Все это к последним временам

не может появиться вдруг и случайно — напротив, растление и человека, и твари наступает постепенно.

Чем ближе к нашему времени жили Отцы, тем громче вопияли они о растлении человека. Тема высоких духовных состояний встречается все реже, а падшее естество привлекает все более серьезное внимание. Святители Тихон Задонский, его непосредственный продолжатель Игнатий Брянчанинов, далее Феофан Затворник, праведный Иоанн Кронштадтский, в наше время архиепископ Аверкий (Таушев)... Все более в их слове преобладает эта тема. С исторической дали недавнего нашего прошлого и современности им гораздо виднее общая мировая динамика. А что скажем о таком мыслителе, как Константин Леонтьев (в монашестве Климент), столь ясно видевшем всю эту картину тления на разных уровнях бытия? Мог ли появиться такой пророк на три столетия раньше? — Едва ли.

Наша современная действительность еще более повышает напряженность этой темы. Софианство, чаяние третьего завета, всякие хилиастические идеи, выросшие подобно грибам на навозной куче эволюционного мышления, — это все тоже несомненное знамение времени. Вмешательства Божия ждут и жаждут многие, но не все могут осознать, в чем оно может выразиться.

Особенно это заметно на примере экуменической религиозности. Все больше людей в мире считают существующее религиозное многообразие делом добрым и полезным. Не только в протестанстве, не только в латинстве, глубоко отравленных гуманизмом и культом павшего человечества, но даже в большинстве прочих религий мира появилось такое же понимание Бога. На межрелигиозных встречах читаются обращения к Богу примерно такого содержания: «Боже Всеблагий, Тебя призываем под разными именами: Аллах, Будда, Господь (и т. д., в алфавитном порядке), Ты Един Благий и мы все ожидаем Твоей благодати» [20].

Страшно то, что подобное обращение стало свойственно множеству представителей самых разных ре-

лигий, вплоть до язычников. Речь идет уже не просто о ереси или даже супер-ереси, речь идет о новом этапе растления всего человеческого духа. Мы имеем дело не просто с религиозным заблуждением, пусть даже очень большим, а с каким-то глубоким, так сказать органическим, поражением самого святилища человеческой души. Кажется, сгнил совсем вложенный в нас при творении орган познания Бога.

Ведь что означает такая «молитва», в которой сливаются воедино противоречивые и исключаящие друг друга представления о Боге? — Она означает, что человек создает себе совершенно нового бога по образу и духу своему. Этот экуменический бог напоминает придумавшим его простую дойную корову, которая безотказно выделяет из себя благо, подобно молоку, любому, кто бы ни взялся доить. Экуменический бог должен быть нравственно ничтожным, умственно тупым и абсолютно безвольным, коль скоро ему все равно, что о нем думают молящие-доющие. Воображают ли они его Троицею, или Двух отрицают, воображают ли рай неким блудилищем с гуриями, или в виде индусской нирваны, поклоняются ли помимо Верховного Бога каким-то меньшим богам — в экуменический подойник должна наливаться благодать.

Всё, больше от этого бога ничего не требуется и иных полномочий ему не вверяется.

Содержимое же подойника точно так же роднит друг с другом всех экуменистов, к каким бы религиям и конфессиям они формально ни относили себя. Это содержимое, выделяемое из экуменического бога, есть земное преуспевание. На том и сходятся все экуменисты, потому они и готовы уважать все религиозные различия друг у друга, что над этими различиями, над собственными религиозными интересами уже поставлено нечто высшее и для всех единое: сотрудничество ради того, чтобы возможно быстрее водрузить рай на земле. Сюда на землю, к тлению и к пище червей устремлено уже не только плотское и душевное, но и самое

духовное, самое высшее, что только есть в человеке. Что это, как не растление?

Святитель Игнатий в слове «О православии» говорит, что духи падшие ниспали в плотское состояние хуже самых плотских человек, ибо не имея возможности прикоснуться к истлевающему веществу дебелим телом, они постоянно воспроизводят плотской грех в своих мечтаниях [18, с. 80–81].

В этом нынешнее падшее состояние человек похож на осатанение в самом буквальном смысле слова. Веществу и тлену служит уже не просто плоть и низшие стороны души, как это бывает у материалистов. Земле и всем червям ее работает высшая сторона человека — религиозная. Сочиняется религия земли и для земли. Непосредственным признаком близкого конца святитель Игнатий ставил «плотское преуспеяние» и соединенное с ним забвение вечности. При этом вовсе не утверждал, что религиозности не станет вообще. Но такова уж эта последняя религиозность, худшая всякого материализма и атеизма.

Тщетно тешат себя православные экуменисты, что формально они не изменяют своих догматов и не сочиняют общую синкретическую религию. Если бы и создавалась такая религия, то и разоблачить ее не стоило бы труда, с позиций любой религии положительной. Да и последователей у такой веры было бы мало в среде людей обычной религиозности.

Случилось нечто гораздо худшее, чем создание сверх-религии. Необратимое изменение введено гораздо глубже внутрь человека, чем лежат его религиозные представления, выраженные на языке правды, логики. Воспитанный в экуменической религии уже не понимает этих категорий, хотя при этом живет не просто биологической, чувственной жизнью, но и сверхчувственную религиозную жизнь свою обращает на проходящее и чувственное.

Такого явления не знала, видимо, ни одна предыдущая эпоха.

Здесь, в глубине духа человеческого, растление идет быстрее всего. Прочие уровни бытия растлеваются от сего главного источника.

Возможно при этом, что нынешнее состояние человека имело и в прошлом близкую аналогию — перед потопом. Тогда все люди знали только единого Бога, но представление о нем вполне могло быть по образу бога экуменического, из которого пытались «выжать» духовными средствами чисто чувственные блага. Не это ли имеет в виду Господь, говоря о *человецех сих*, что они *суть плоть* (Быт. 6, 3)?

Если так, то вполне понятно сравнение Ноевых времен с самыми последними, которое неоднократно высказывал Сам Христос. Понятно и наше положение на временной оси.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на самых разных уровнях бытия, от атома до религии, мы видим одну общую закономерность: нарастание хаоса, растрату первозданной доброты всего творения, распад и тление. Отметим нетривиальность указанных частных закономерностей, они логически несводимы одна к другой. Направление ядерных реакций не обуславливает законов термодинамики, рост энтропии не связан напрямую с законами передачи информации (об этом уже говорилось подробнее), растление человеческой нравственности не вытекает из факта вымирания динозавров, а экуменические беснования не являются следствием экологического кризиса.

Но все эти частные явления и закономерности, несмотря на свою логическую обособленность друг от друга, несомненно, составляют одну глобальную закономерность бытия: *тварь покорилась суете по воле покорившего ее человека* (Рим. 8, 20).

При таком взгляде на мир единственное, что нам остается, — это прекратить всякие прогрессистские мечтания и принять единственно верный библейский взгляд на космогонию и метаисторию, разъясненный святыми Отцами. Так, например, святитель Игнатий завещает нам познать свое падение и дух века сего.

Дух сей мятежен, он бунтует против Бога, Его учения и Его дел, он пытается подменить Его учение и Его дела своими измышлениями и своим промышлением о себе. Только такой мятеж духа мог породить безумную мысль о прогрессе человечества, который должен якобы увенчаться плавным переходом к царству Божию

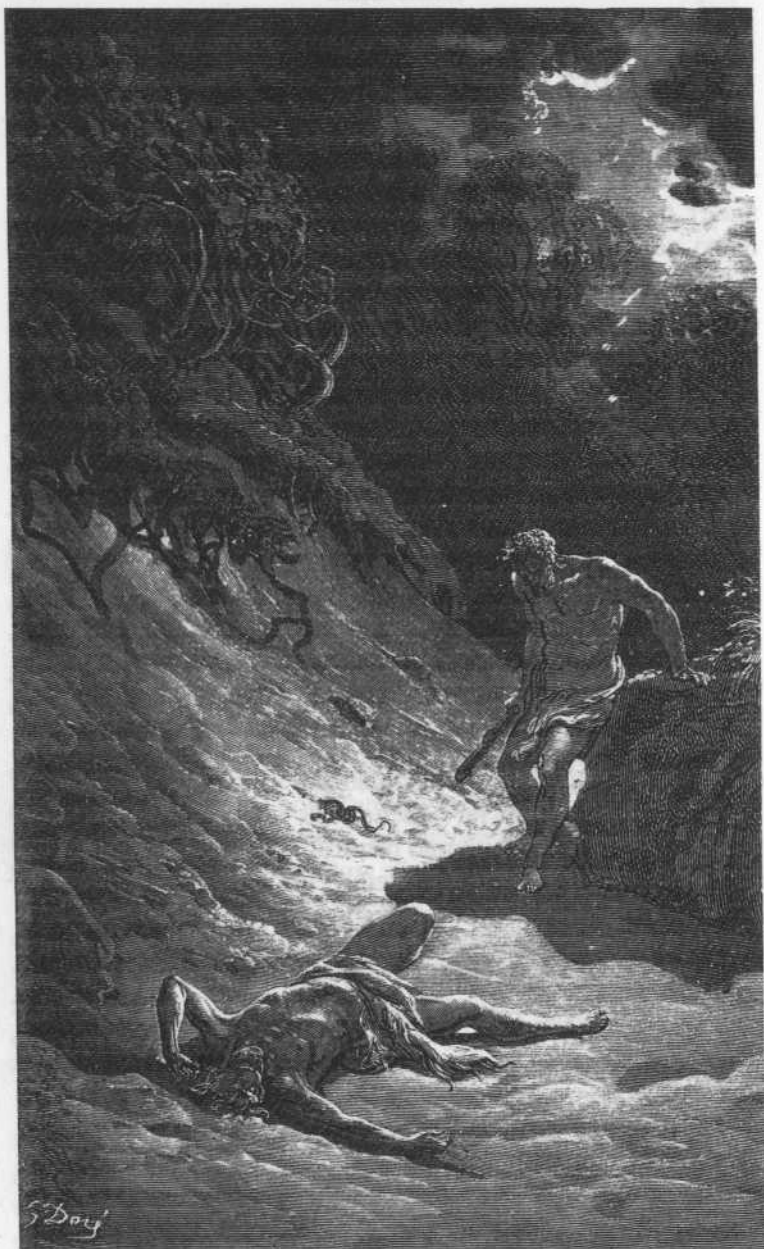
на земле. *Плоть и кровь*, эволюционируя и преображаясь, пытаются вопреки словам Апостола *наследовать нетление* (1 Кор. 15, 50).

Безумие не знает и не может себе представить, что такое вечность и нетление. И это потому, что оно не знает собственного тления. Не знает своего высочайшего первобытного достоинства, не понимает величия Божия дара — Воскресения. И это потому, что не видит собственного ничтожества, свойственного всему, обособляющемуся от Бога.

Но кое-каких очевидных проявлений всемирного тления уже невозможно не видеть. Разница в том, как к ним отнестись. Эволюционизм, прогрессизм и хилиазм в наши дни — это истерика приговоренного, который, не веруя в жизнь вечную и будучи уже убит вечною смертию, пытается отрицать смерть временную, отнюдь не страшную истинно и право верующим в Воскресение мертвых и чающим жизни будущего века.

Хилиазм кричит Христу: *если Ты Сын Божий, сойди с креста* (Мф. 27, 40) и сними нас с него, измени мир к лучшему, и притом так, чтобы нам не пришлось переступать смертный порог, — мы, постоянно совершенствуя себя, уже вполне заслужили такой дар.

Христос ничего не отвечал на подобные безумные глаголы распятого ошуюю разбойника (Лк. 23, 39). Верным же свойственно совершенно иное настроение духа: *достойное по делом нашим восприемлем* (Лк. 23, 41) вместе со всем человечеством, растленным в себе и растлевающим всю тварь. Помяни нас, Господи, во Царствии Своем. Ей, гряди, Господи Иисусе!

Каин убивает Авеля. Гравюра Гюстава Доре

ДВЕ КОСМОГОНИИ

«Вот небо и земля; они кричат о том, что они созданы; ибо они меняются и облик их различен. В том же, что не сотворено и, однако, существует, в том нет ничего, чего не было раньше, то есть нет изменения и различия. Кричат они также, что не сами они себя создали: “Мы существуем потому, что мы созданы: нас ведь не было, пока мы не появились; и мы не могли возникнуть сами собой”. И самой очевидностью подтвержден этот голос. Итак, Господи, Ты создал их; Ты прекрасен — и они прекрасны; Ты добр — и они добры; Ты Сущий — и они существуют. Они не так прекрасны, не так добры и не так существуют, как Ты, их Творец. По сравнению с Тобой они не прекрасны, не добры и их не существует. Мы знаем это и благодарим за это Тебя; наше знание, по сравнению с Твоим знанием, невежество».

Блаженный Августин,
епископ Иппонийский
[26, с. 318–319]

ВВЕДЕНИЕ

В современной православной мысли неоправданно низок интерес к вопросам естественно-научной апологетики. Принято считать, что научное знание никак не может ни помочь, ни помешать истинам веры, что познание мира тварного вообще дело пустое и суетное. К ученым-креационистам господствует презрительное отношение, как к каким-то мечтателям, которые вдруг взялись доказывать бытие Божие. Когда же узнают, что почти никто из этих ученых не является православным, их и вовсе слушать не хотят, полагая, что под прикрытием научной апологетики они собираются внушать людям свою какую-то ересь.

Такое отношение не есть только следствие нашего невежества в естественных науках. Оно есть следствие невежества общерелигиозного. Православному человеку мало знать только православную догматику. Необходимо уметь достаточно свободно ориентироваться в религиозном пространстве вообще, иметь здесь какую-то систему отсчета, систему, так сказать, духовных координат. По нашим наблюдениям, эта система у большинства православных ныне почти вовсе отсутствует. Мы знаем отличие Православия от ересей и иноверий, но это знание лишь отрывочное. Мы знаем, иными словами, пункты расхождения с другими религиями и не имеем никакого общего ориентира, по которому можно было бы классифицировать религии и деноминации в них. Каждому православному полезен был бы своего рода религиозоведческий букварь, раскрывающий сходство и различие между исповеданиями по общим, а потом и по более частным мировоззренческим вопросам.

Такие курсы и учебники, конечно, есть, но в них важен подлинно православный подход и метод. И самое небольшое углубление в эти вопросы показывает нам чрезвычайную важность натуральной апологетики — то есть обоснование с точки зрения естественных наук истины библейского Откровения о сотворении мира, его ранней истории и конечных перспективах.

Занимаясь конфессиональными спорами (важность которых мы не подвергаем сомнению, воздерживаясь от конфессиональной широты), православные, к сожалению, за такими деревьями редко замечают лес. Протестанству и католицизму свойственны многие еретические заблуждения, которые, однако, как правило, не выводят за определенные духовные рамки, внутри которых веру еще можно именовать христианской. Между тем попытка примирения эволюционных взглядов на историю бытия с православной догматикой приводит к выходу за пределы христианства вообще.

Получается парадоксальная ситуация. Еретики-протестанты оказываются гораздо ближе к христианскому любомудрию, чем иные православные, почивающие вроде бы на святых Отцах, но пытающиеся примирить отеческое богословие с совершенно нехристианским религиозным учением об эволюции.

Натуральная апологетика позволяет нам освободиться от того ложного взгляда на мир Божий, на сотворение, который давно уже навязан нам атеизмом под видом науки. А элементарная религиозоведческая база помогает правильно сориентироваться и проследить самые корни эволюционных идей и пагубные для христианина последствия их приятия. Цель нашей работы — показать необходимость для каждого православного хотя бы краткого знакомства с обеими дисциплинами: и натуральной апологетикой, и религиозоведением.

Православные литературные источники в этих областях немногочисленны, а в чем-то неудовлетворительны. Научная апологетика — жанр, по необходимости призванный быть современным. Опора на устарев-

шие данные естественных наук непрочна и неубедительна. На сегодняшний день нам не довелось встретить в этой области практически ничего подлинно православного, кроме работ иеромонаха Серафима Роуза [7 и 21]. В противовес ему издано значительное количество литературы, более или менее признающей эволюционное развитие природы — так называемую «теистическую эволюцию». (Имеются ввиду источники на русском языке.)

Что же касается религиоведения, то мы сошлемся на недавно вышедшую книгу Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» [22]. В ней дан глубокий анализ и широкий обзор религиозной мысли человечества с древнейших времен и до нашего времени. Духовные корни и философское применение эволюционного метода раскрыты здесь весьма полно и убедительно. Прочитав эту книгу, всякий православный человек мог бы заполнить некоторые пробелы в своих философских познаниях, а главное — привести сами познания в правильную систему. Как у всех хороших книг, и у этой есть один большой недостаток — малый тираж.

Другим, и притом малозаметным недостатком книги является невидение автором цели и смысла создания и развития природы, в противоречие тому, что автор четко видит смысл истории человечества и вся книга посвящена, по сути дела, раскрытию этого смысла истории. Во введении автор противопоставляет развитие растительного царства истории человечества по признаку замысла и цели:

«Если мы взглянем на историю человечества с чисто материалистической точки зрения, то есть в качестве стороннего наблюдателя, не могущего и не желающего понимать какой-либо внутренний смысл происходящего перед нами процесса, то увидим нечто, напоминающее историю геологии Земли или историю царства растительного и животного» [22, с. 12].

Описав примеры происходящих изменений в растительном царстве, автор подытоживает:

«Мы подметим много и других условий жизни, развития и взаимоотношений этого растительного покрова и, конечно, можем понять внешние причины, по каким возникают наблюдаемые нами явления. Но для чего и кому нужна эта история, эта борьба, это соотношение явлений — мы не видим и не можем понять, да и мало этим вопросом интересуемся, ибо смотрим со стороны, как наблюдатели некоторого чужого для нас мира» [22, с. 12–13].

И далее:

«... Мы, в своем понимании смысла явлений, принуждены ограничиться только рассмотрением причин и следствий: почему возникло такое-то явление, как оно возникло, под влиянием каких условий? Вопросы: зачем нужно было данное явление? — не может быть, кому оно нужно было — неизвестно» [22, с. 13].

Прервем цитату риторическим вопросом: почему это неизвестно и даже нельзя спрашивать о наличии замысла в природе? Кем мы принуждены ограничиваться только рассмотрением причинно-следственных связей? И если мы вдруг узнаем, кому нужны закономерности развития природы, то не сможем ли тогда догадаться и о том, кто же нас принудил никогда не задумываться о замысле и цели бытия твари? Впрочем, вернемся к словам Л. А. Тихомирова:

«Но если мы миримся с таким “агностицизмом”, имея дело с природой, нам чуждою, то не можем помириться в отношении человеческой истории, в которой сами же постоянно ставим себе цели и для достижения их употребляем сознательные усилия» [22, с. 13].

И далее идет глубокое и интереснейшее суждение, раскрывающее Божий замысел, Божественный план истории. Это созерцание естественно приводит человека к Богу.

Но этого, по нашему убеждению, недостаточно. И мы скажем о себе, что не желаем «мириться с таким агностицизмом», имея дело не только с историей, но и с природою, нам вовсе не чуждою! Не чуждою, потому

что она имеет того же Творца и Промыслителя, что и человеческая история. Один и тот же Бог над всякою тварью, над разумною и неразумною. И всякое Его творение в природе (а не Его творений или самостоятельных существ в ней нет) имеет цель, вполне конкретную и достойную Поставившего все цели в мире: приводить разумную тварь к своему Творцу.

В истории природы также нет ничего бесцельного, нет ничего не связанного с историей человечества в ее глобальном масштабе. Сотворенный Богом мир на самом деле никогда не бродил просто так по каким-то случайным и неведомым никому путям. Более того, все считанные тысячелетия своего бытия он служил человеку, и его история потому совершенно неотделима от общей метаистории человечества!

Доказательству этой важнейшей истины посвящает себя натуральная апологетика. Этому делу, право же, стоит посвятить всю творческую энергию целой жизни — напрасною такая жертва не будет.

В том же тексте Л. А. Тихомирова можно встретить и намек, почему вдруг цель создания и бытия природы исчезла из вида автора: «в течение долгих тысячелетий, или десятков, или даже сотен тысяч лет...» [22, с. 12] — Вот оно, влияние чуждой идеологии, прочно оседлавшей в те годы как науку, так и общественное сознание, так что даже на самый светлый и глубокий ум смогла набежать небольшая тучка. Если мир стоит сотни тысяч лет — значит, человек не мог растлить природу своим грехом, значит, действительно, смысл ее бытия уже не просматривается.

Нам представляется необходимым рассмотреть как бы параллельно замысел Творца в отношении разумной и неразумной твари, осмысление этих целей человечеством. Мы используем философский анализ Л. А. Тихомирова в сопоставлении с данными науки и законами природы.

Часто приходится слышать вопрос: а нужно ли нам все-таки обращать столь пристальное внимание на не-

разумную и неодушевленную тварь? Не мог ли Творец использовать для творчества эволюцию?

Наш категорический ответ: нет, не мог. Всемогуший не может творить эволюцией, как не может и дать вечную жизнь человеку против его воли — и все это несмотря на Свое всемогущество. И иметь твердое убеждение в этом вопросе весьма важно, даже совершенно необходимо.

Постараемся развернуть наш краткий и решительный ответ аналогично тому, как было сделано в первой части книги.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАТУРАЛЬНОЙ АПОЛОГЕТИКИ И ЕЕ ВАЖНЕЙШИЕ ВЫВОДЫ

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО КРЕАЦИОНИЗМА

Научный креационизм (от английского глагола create — творить, создавать) — это цельное философское учение о сотворении мира Богом, каковое (сотворение) имело место в полном соответствии со Священным Писанием во времени и обстоятельствам описываемых событий.

Ученые-креационисты добывают, собирают и осмысливают научные факты — данные опытов и наблюдений — из самых разных естественных наук, свидетельствующие в пользу библейской космогонии в противовес господствующей в науке космогонии антибиблейской, антихристианской. Этот сбор данных ведется по следующим основным космогоническим вопросам.

1. Время бытия мира: Вселенной в целом, звездных систем, планет, иных небесных тел, самой Земли и всего, что на ней: атмосферы, океанов, материков, геологических слоев и т. д. Как видим, здесь используются данные различных наук: астрономии, геофизики, геологии и других. Анализируются подтверждения и опровержения теории о многомиллионнолетних сроках существования всего тварного мира.

2. Возможность самопроизвольного зарождения жизни из неорганической материи. Это, пожалуй, самый разработанный и ясный из всех вопросов, где постулату целенаправленного сотворения не удастся противопоставить никакой сколько-нибудь серьезной доктрины самозарождения жизни. Этой проблемой занимаются химия и молекулярная биология.

3. Возможность превращения одних видов живых существ в другие и ее ограниченность. Здесь используются данные всех биологических наук, в особенности генетики и биохимии.

4. Разработка удовлетворительной научной модели первозданной земли и ее ранней истории, включающей всемирный потоп и возможные последующие менее масштабные катастрофы.

5. Происхождение человека, как биологического вида, необходимые выводы из ранней истории человечества. Здесь используются данные археологии, антропологии, медицины, демографии, религиоведения.

Указанные основные направления христианской научной апологетики охватывают, таким образом, весь спектр человеческого знания в области естественных наук и некоторые гуманитарные отрасли. И во всех этих областях у ученых-креационистов имеются весьма сильные аргументы. Вдаваться в их подробное изложение не входит в нашу теперешнюю задачу, состоящую лишь в том, чтобы привлечь внимание к необходимости самостоятельного изучения этих вопросов.

Кратко отметим лишь самое существенное, в порядке перечисления указанных вопросов.

1. Оказывается, нет никаких серьезных доказательств того, что Земля, солнечная система и космос в целом существуют более десяти тысяч лет. Более того, предположения о многомиллионных сроках жизни и расстояниях в миллионы световых лет во Вселенной порождают трудноразрешимые проблемы в объяснении наблюдаемых фактов. Кроме того, невозможно игно-

ризовать и более прямые, более строгие и точные свидетельства молодости Земли, солнечной системы и звездных систем.

Итак, с точки зрения научной, учитывая все «за» и «против», никак нельзя считать многомиллионный возраст мира доказанным фактом. Вместе с тем, наука не в силах дать точную дату возникновения структурно организованной материи, равно как и указать причину возникновения структурной организации. Все методы датировок прошлого являются косвенными. Поэтому, подытоживая все известные нам соображения о сроках бытия мира, мы констатируем, что библейские сроки (до 7–8 тысяч лет) гораздо лучше согласуются с данными наблюдений и опытов, чем миллионлетние. Оговоримся при этом, что, например, самовозникновение жизни отвергается гораздо лучше на основе прямых экспериментов и расчетов, чем длительные возрасты объектов во Вселенной.

2. Самопроизвольного возникновения жизни ни на земле, ни где бы то ни было еще, не могло произойти. Такое событие противоречило бы всем известным законам природы и любым доступным воображению условиям жизни на земле. Предположения о случайном появлении жизни из неорганических веществ были основаны лишь на глубоком незнании, что же такое жизнь и насколько она сложна на молекулярном уровне. Имеются экспериментальные данные, наглядно показывающие, что даже искусственно, в тщательно подобранных и рассчитанных условиях, каких не могло быть когда-либо в истории земли, не удастся получить сколько-нибудь сложного элемента самой простой живой клетки.

Иными словами, жизнь может быть порождена лишь Источником жизни. И это уже можно считать твердо установленным фактом, против которого только самые горячие атеисты рискуют выступить прямо. Большинство же ученого мира, придерживаясь позитивистской безразличной осторожности, этот факт просто игнорирует.

3. Весьма серьезные трудности встречает и эволюционная теория, по которой все живые организмы развивались от нескольких простых форм в более сложные — вплоть до всего современного многообразия.

Отметим, что основная часть «доказательств эволюции» страдает одной общей логической ошибкой: морфологическое (биоконструктивное) родство организмов на самом деле вовсе не является свидетельством их общего происхождения, как это почему-то принимается «по умолчанию», подобно тому как сходство в общих чертах устройства всех автомобилей или самолетов является лишь свидетельством развития конструкторской мысли, но вовсе не превращения первых лимузинов в современные или первых бипланов в аэробусы.

Более или менее объективным следует признать следующий вывод: самопроизвольная эволюция, идущая по пути случайных наследственных изменений, на сегодняшний день должна быть отнесена к области фантастики. Возразить же против того, что Создавший однажды первую бактерию последовательно превращает ее целенаправленной творческой деятельностью во все растительное и животное многообразие, — наука может лишь косвенно, хотя и не имеет фактов в подтверждение подобной идеи.

4. Ученые креационисты разработали и своеобразную модель первобытного мира. В двух словах она сводится к тому, что при создании (во второй день) часть земных вод была вознесена в виде пара поверх земной атмосферы (воды над твердью). Это создавало на земле двойное атмосферное давление, дополнительную защиту от космического излучения и парниковый эффект. В совокупности эти три условия определили ровный теплый климат по всей поверхности планеты и соответственное ему богатство и долгожительство первой жизни. Затем этот водно-паровой экран пролился на землю сорокадневным дождем во время всемирного потопа. Большую же часть потопных вод составили воды подземные, извергшие на поверхность множество

осадочных пород, которые, смыв растительность, образовали сразу все известные геологические слои.

Распространяться о фактах, подтверждающих эту модель и о ее проблемах мы здесь не будем, отметив лишь ее наилучшую согласованность с библейским повествованием по сравнению с любыми иными представлениями об истории нашей планеты.

5. Если полагать, что человек произошел от животных предков в продолжение сотен тысяч, даже нескольких миллионов лет, то кроме весьма слабых подтверждений этой теории ископаемыми свидетельствами, перед нами встают две важнейших проблемы. Во-первых, с чем связано возникновение древнейших цивилизаций не более пяти тысяч лет назад и почему в продолжение нескольких десятков тысяч лет вполне современные по биологической мерке люди (как свидетельствуют сами эволюционисты) прекрасно обходились без цивилизации и культуры? Во-вторых, почему при постоянном росте населения земли самыми умеренными темпами демографический взрыв не наступил уже давно? Ибо «обратный счет» народонаселения при приростах вчетверо низших нынешнего темпа показывает, что около пяти тысяч лет назад (во времена Ноя) на земле могло быть всего лишь несколько человек — восьмеро спасшихся в ковчеге.

К изучению этих вопросов во всех доступных научных подробностях мы еще раз призываем читателя, обещая ему, что он не потратит времени даром, но получит пользу и уму, и сердцу. Мы же ныне займемся не фактами естественных наук, а их сопряжением с религиозно-философской деятельностью человека.

Заканчивая краткий обзор собственно научных вопросов, в двух словах обозначим и предметы научной деятельности как познавательного процесса.

ФАКТ — ТЕОРИЯ — ЗАКОН ПРИРОДЫ

Всякая естественная наука начинается с наблюдений и опытов. Будучи многократно проверены и подтверж-

денны, а чаще всего и количественно измерены, экспериментальные данные становятся фактами. Например, шаровидная форма Земли и Солнца — это научный факт.

Факты — первая ступень познания. Сами по себе они еще не несут никакой философской нагрузки. Там, где все ограничивалось бы только фактами, не могло бы возникнуть никакой науки, ибо наука есть деятельность мыслительная, т. е. работа в области идеального и абстрактного, а не просто чувственного.

Чтобы связать факты между собою причинно-следственной связью, ум ученого создает модели, гипотезы, теории. Всезнание — если бы человек им обладал — легко расставило бы все факты в логические цепочки, как костяшки домино. Но поскольку человек всезнанием не обладает, то ему нужно непременно между действительными фактами вставить предположения, которые потом могут или подтвердиться, или оказаться ложными, или же так и остаться за пределами опытной проверки. Так возникают научные теории. Это ниточки домино, где подлинно известно положение лишь некоторых, обычно немногих, костяшек, а остальное выстраивает мыслительная деятельность человека.

Довольно наглядный тому пример — генеалогические древа различных видов животных. Они, будучи нарисованы в учебниках, как раз напоминают нашу игру в домино. Итак, в этих древах есть заранее обозначенные «костяшки» — реально известные науке существа, живущие ныне или вымершие. Все они наносятся на схему: бактерия — медуза — ланцетник — рыбка — лягушка — ящер — крыса — обезьяна — человек (к примеру). Наука знает все существа, имена которых здесь названы. Все же, что обозначено черточками, решительно неизвестно. То, что замещает любые тире между любыми фактами и именуется теорией (гипотезой, моделью).

Когда мы говорим о происхождении мира, почти всегда эти «соединительные тире», т. е. предполагае-

мые события и явления далекого прошлого, проверить нам так и не удастся, — и к этому нужно привыкнуть. Что же касается современных проверяемых опытом фактов, то они могут подтверждать или опровергать теорию. Верная или частично верная теория должна уметь факты предсказать. Так, теория Дарвина предсказала, что в летописи окаменелых останков животных должны наблюдаться переходные формы от одних форм жизни к существенно иным, каковое предсказание ни в малой степени не подтвердилось впоследствии.

Наконец, помимо фактов и соединяющих их теорий существуют в науке познанные и открытые учеными законы природы. Это такие наиболее общие соотношения в материальном мире, которые выполняются непременно везде и на всех уровнях бытия.

Вообще, само существование таких законов, сама наша уверенность в том, что закон всемирного тяготения, верный во времена Ньютона, и вчера, и третьего дня, окажется столь же верным и сегодня, и завтра — такая только наша уверенность и обуславливает какую-либо осознанную и целенаправленную деятельность двуногих в материальной, социальной и культурной области. Между тем любой закон природы является «второй производной» от наблюдаемых явлений (фактов). Факты связываются при помощи теорий и гипотез, а законы природы познаются, как «выжимка» из теорий самого-самого бесспорного, самого общего, что в них есть. Сами по себе законы природы реально малоспособны связать наблюдаемые факты. Законы лишь корректируют теории, отбрасывая из них что-либо противоречащее самим законам.

Таким образом, в нашей схеме уровней познания: «факт—теория—закон природы» от начала к концу возрастает элемент идеального, элемент абстрактного мышления. И по мере нарастания этого идеального элемента возрастает универсальность и достоверность познания.

То, что было конкретным фактом вчера, сегодня может им не быть. Мамонт, живший тысячи лет назад, сегодня не живет. Столпы мироздания от этого не колеблются. Теория (гипотеза) в науке также может оказаться ложной или применимой лишь частично, — и наука только и занимается сломом старых теорий и постройкой новых. А вот открытие нарушения фундаментального закона природы — дело почти неслыханное. И чем более общим представляется закон, тем он более незыблем.

Предел этой закономерности — очевидно, Сам Законоположник, абсолютно вечный, абсолютно неизменный и абсолютно истинный.

Итак, само наличие в природе общих законов уже приводит способного мыслить к идее Законодателя. Содержание же наиболее общих законов бытия, их прямой смысл, приводят к Богу еще более кратким и ясным путем. Этим путем мы и двинемся в изложении дальше, поскольку больше всего нас интересуют вопросы общие религиозные. Пока же отметим, что на всех уровнях естественно-научного знания: фактическом, гипотезо-теоретическом, наконец, на уровне общих законов — видно связанное, целенаправленное, непостижимое в сущности, но постижимое в проявлениях действие Божие. Обретение цельности этого взгляда помогает и обретению цельности личности христианина, обретение же цельности именуется одним словом: исцеление.

Беда мировоззрения многих христиан состоит в том, что они отрезали для себя законы Божиего мироздания, а значит и всю основанную на них науку, от Самого Бога. Хорошо, если христианин в бытии самих законов природы видит целенаправленное действие Творца, но и это встречается не всегда. А уж анализом научных теорий, рассмотрением фактов на предмет наличия в них Божественной идеи и замысла — таким неблагодарным делом редко кто считает нужным заниматься. Свидетельство такого глубокого христианского фило-

софа, как Л. А. Тихомиров, приведенное нами выше, наглядное сему подтверждение. Если так говорит философ, и притом знаменитый, то что скажет обыватель?

Настолько уже отравили наш вкус к науке, к познанию Творца через премудрое устройство твари, разные ложные и безбожные научные теории!

Собака-ищейка с натренированным нюхом, пребывая в прокуренном помещении, сначала раздражается, а потом теряет свой нюх. Рабочий в шумном цеху сначала страдает от грохота, а затем просто глохнет. Христианин 200 лет слышащий о том, что в природе все якобы идет само собой, вначале раздражается, а потом и вовсе теряет интерес к познанию Божиего мира. Все это закономерно — но неправильно. Так не должно быть. Отдышавшись на свежем воздухе, посидев в тишине, отдохнув от «промывки мозгов» безбожными теориями, следует восстановить и нюх, и слух, и интерес к миру Божию и Творцу его.

ОБЩИЕ ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ И ИХ ЧАСТНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Если частной научной теории (например, теории эволюции) для самоподтверждения требуется описать и охватить возможно большее число фактов, то утверждению, претендующему на статус закона природы, этого мало. Ему нужно верно описывать все факты, к которым он может иметь отношение, ему нужно верно предсказывать все подобные же факты наперед. Отсюда уже следует, что если теории — дело людей, их ограниченного и поврежденного разума, если потому теории рождаются и гибнут, как мушки-дрозофиллы в пробирках генетиков, — то законы природы напротив, будут весьма устойчивы, хотя при этом не вдадутся в детали устройства вещей. И если теории придумываются людьми, пытающимися отгадать более частные и специальные, а потому и более сложные Божественные идеи и связи в тварном мире, то общие законы по-

тому только и открыты людьми, что они, во-первых, не людьми придуманы, а во-вторых, они являются самыми общими, т. е. универсальными и простыми.

Вообще свойство законов природы — их простота и универсальность, облегчающие их постижение человеком.

Какие же нам известны самые общие законы природы, такие законы, которые встречаются на всех уровнях бытия, во всех естественных науках? Можно ли каким-то образом сгруппировать сами законы по признаку какой-то еще более общей идеи, их соединяющей?

Нечто подобное в науке уже сделано. Выделена часть законов природы в две большие группы, которые условно можно обозначить так: а) законы количественного сохранения, и б) законы качественного растления материи. О них мы и будем говорить подробно, а пока отметим, что существуют законы, не относящиеся к этим двум группам, но также очень ясно указывающие на примат идеальности в материальном мире. Это, например, законы гравитационного и электрического взаимодействия, устанавливающие связь между силой взаимодействия, характеристиками взаимодействующих тел и расстоянием между телами. Поражает тождество математических формул, описывающих совершенно разные по природе взаимодействия. Сюда также надо отнести часто используемые в науке принцип наименьшего действия, объясняющий прямолинейное распространение света и траекторию светового луча на границах оптически разнородных сред, принцип Ле-Шателье—Брауна (всякое воздействие, выводящее систему из состояния равновесия, вызывает в ней процессы, стремящиеся ослабить результат этого воздействия), принцип симметрии, принцип размерностей. Все они своим существованием, универсальностью и постижимостью для нас свидетельствуют о разумном устройстве всего сущего.

Но выделенные нами группы законов могут показать нам не только, что разумное Начало бытия суще-

ствуем, но и нечто большее, именно направленность всего этого бытия. Если бы наш читатель нуждался в том, чтобы ему доказали бытие Божие, нам очень интересно было бы побеседовать с ним, например, о распространении света: откуда фотон, подлетая к стеклу, знает, куда ему лететь дальше? Но нам, думается, нет теперь нужды доказывать, что мир в глубине своей имеет некое идеальное строение — знак Божественного происхождения. Важнее постараться раскрыть — в чем оно, как оно открывается нам в видимой твари. Здесь-то нам и помогут законы количественного сохранения и качественного растления.

Законы сохранения свидетельствуют, что некоторые количественные характеристики материи и ее движения в этом мире не возникают из ничего и не исчезают бесследно: таковы суть энергия, количество движения, электрический заряд. В обычных условиях действует и закон сохранения вещества, но после открытия «дефекта массы» в радиоактивном распаде, а также после установления простой связи между массой и полной энергией материального объекта имеет смысл говорить об общем законе сохранения массо-энергии или просто материи. Очень грубо и ненаучно можно сказать так: масса может переходить в энергию и обратно, но связь между этими двумя характеристиками универсальна, так что можно энергию пересчитать на килограммы, а массу на калории, однако общее количество тех и других сохраняется. Вот смысл этого закона.

И смысл всех подобных законов тот же: в нынешнем мире не нарастает и не убывает количественно общий материальный потенциал. Чувственные вещи более не создаются и не теряют бытия. Они меняют лишь форму этого бытия, или способ его проявления.

А вторая группа законов в дополнение к первой говорит нам, что в нынешнем мире количественно сохраняемая тварь качественно дегенерирует, теряет структуру, стремится к хаосу. В нынешнем мире это почти столь же широкий принцип, как и количественное сохра-

нение. В эту группу законов природы входит, прежде всего, второе начало термодинамики, которое гласит, что тепло самопроизвольно может переходить только от горячего тела к холодному. Другая формулировка того же закона такова: любая энергия может быть превращена в тепловую без остатка, между тем как тепло, напротив, никогда не может перейти в какой-либо иной вид энергии полностью. Таким образом, энергия, будучи количественно неуничтожимой, способна и даже стремится к качественному вырождению, к превращению в энергию «второго сорта». Все энергетические процессы в мире, вообще говоря, необратимы: любая энергия стремится перейти в тепло, а само тепло стремится равномерно распределиться между всеми телами, так чтобы между оными не осталось ни горячих, ни холодных.

Предельное состояние всех энергообменов в мире легко после этого предвидеть: отсутствие какой бы то ни было нетепловой энергии и одинаковая температура во всей Вселенной. Это состояние принято именовать тепловую смертью.

То же правило относится и ко всякому материальному разнообразию в мире. Существуют предпочтительные, более устойчивые виды химических элементов (элементы средней тяжести, типа железа), а также наиболее энергетически выгодные, и потому устойчивые, виды химических соединений. Все ядерные и химические взаимодействия в природе в общем стремятся к этим наиболее энергетически выгодным состояниям, чем постепенно уничтожается первозданное многообразие химических элементов и соединений.

Та же тенденция существует и в биологии. На протяжении истории человечества можно было бы написать целые «красные книги» с перечнем исчезнувших видов животных и растений — и ни одного случая самопроизвольного появления или искусственного создания посредством селекции качественно нового вида существ. Биосфера беднеет, притом и сами твари также вырождаются.

Аналогичное правило мы видим и в законах передачи информации: самопроизвольно информация не возникает, а при передаче неуклонно стремится к искажению и утрате.

Все подобные законы именуются энтропийными. Они объясняют движение мира к своему наиболее вероятному и наиболее устойчивому состоянию — к хаосу, к потере иерархической организации во всех пока еще существующих иерархических структурах. Законы эти имеют, как видим, самое глобальное выражение, они нарушаются разве только в микромире.

Прежде чем делать очевидные и важные выводы из этих двух общих законов — сохранения и энтропийных, отметим интересное свойство самих законов, о котором ниже скажем более подробно. Это иерархическая упорядоченность в самих идеях. Из частных, устанавливаемых опытом, законов сохранения энергии, импульса, заряда и т. д. складывается общий принцип сохранения. В частных деструктивных закономерностях на разных уровнях бытия видится также общая идея возрастания энтропии в самом широком смысле. И нельзя сказать, что идея общая (несмотря на свою явную первичность по отношению к более частным) возникла раньше их во времени. Общая идея выражается в частных подобно тому, как Сам Помысливший все идеи существует во Отце, Слове и Духе, не слагаясь из Трех и не распадаясь на Три.

Наконец, отметим, что оба закона материального бытия отмечены и в Священном Писании. Первый закон выражен в установлении дня покоя после дней творческой деятельности Господа, когда *Бог почил от всех дел Своих* (Быт. 2, 23). Конечно, это не есть научная формулировка. Но ведь и богословие Церкви не смогло удовлетвориться только библейскими выражениями. Такие слова, как единосущие, ипостаси, неслиянность-нераздельность, воипостасность и прочие ключевые богословские термины в самой Библии не встречаются, но и в богословии не встречается идей, которые были

бы принципиально небиблейскими, чуждыми Священному Писанию. Поэтому и о приведенном изречении Библии можно сказать, что оно выражает общую идею окончания творчества. После этого момента в мир не вводится более ни самой материи, ни структурирующей ее информации. Это общий принцип сохранения, с которым постоянно имеет дело и наша наука.

Общая идея глобального энтропийного закона выражена в Послании апостола Павла к Римлянам: *Тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего ее — в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доньше* (Рим. 8, 20–22). Это также не научная и не философская формулировка. Сказавший это не был учителем философии или термодинамики, но зато он был учителем народов и совершенно верно, в полном соответствии и с данными нынешней науки, передал главную идею: всякая тварь не улучшает себя, а тлеет и страдает. Даже слова подобраны весьма точно: суета = тлению. Вместо слова «суета» мы скажем «энтропия», но смысл будет тот же — это стремление к хаосу, к расстройству порядка. В этом и состоит по Апостолу главное свойство нынешней твари — ее страдание.

Отметим и то, что для Апостола эта мысль не есть какое-то открытие или новость. Он говорит: *мы знаем* с той же интонацией, как сказал бы: *мы знаем*, что сотворены Богом. И мы знаем вместе с Апостолом, что бесконечное бытие твари, подчиненной такому закону, невозможно, что для продления тварного бытия требуется особое вмешательство Божие. И мы верим вместе с ним, что это произойдет при самой кончине века сего и воскресении мертвых.

В Священном Писании приведено множество фактов нарушения законов природы — чудес Божиих. Само название таких событий чудесными что иное может предполагать, как действие против существующих законов — выполняющихся, стало быть, всегда и до тех

пор, пока Божественное вмешательство их не нарушит. Ведь над Самим Законодателем законы властвовать не могут.

СЛЕДСТВИЯ ИЗ ЗАКОНОВ СОХРАНЕНИЯ И ЗАКОНОВ ЭНТРОПИЙНЫХ

Первое же и очевидное следствие — ограниченность мира во времени, и притом с обеих сторон. Мир, живущий по таким законам, должен был когда-то начаться и должен будет когда-то кончиться. Действительно, материя, тем более структурно организованная, в мире больше не появляется, а всякая структура постепенно исчезает. То, что структура еще не утрачена, говорит о начале, а то, что она исчезает, недвусмысленно указывает на конец (в крайнем случае — на асимптотическое приближение к концу, что нисколько не меняет сущности дела). Такой вывод есть уже не просто наблюдение какого-то элемента разумности, соприкоснувшегося материи, — это нечто гораздо более глубокое, конкретное и важное.

Состояние смерти и максимальной энтропии оказывается естественным и наиболее устойчивым состоянием этого мира, а его структурная организация (коль скоро она существует) должна вызываться особою ненаблюдаемою в этом мире причиною.

Второе следствие: в самой природе невозможно отыскать структурно организующего начала, какого-то стремления к прогрессу. Иными словами, бытие видимой твари не может развиваться снизу вверх (разве только в исключительных чудесных случаях — конечно же исключительных, частных, редких, никоим образом не систематически наблюдающихся). Если так, то никакой эволюции ни в живой, ни в неживой природе не могло быть. Впрочем, реально ни химическая, ни биологическая, ни звездная восходящая эволюция не наблюдались, все эти виды эволюции существуют лишь в теориях.

Указанные выводы слишком очевидны, а потому не случайно против них так ополчились все поборники прогресса. Энгельс, к примеру, на полном серьезе отрицал второе начало термодинамики, как якобы противоречащее первому, и самое забавное — именно эти его слова в свое время печатались в учебнике термодинамики, после подробного анализа второго начала, и преподносились как большое достижение философской мысли! Но закон природы не так-то просто отрицать, особенно когда на его основе созданы все известные тепловые машины и нигде еще не было случая, чтобы закон не сработал.

«Золотое правило» юриста учит, что закон нужно не нарушать, а уметь обходить. По этому пути и двинулись поборники прогресса после неудачной «любовой» атаки на законы природы. Приводились многие хитроумные доказательства того, что в масштабах Вселенной энтропийный принцип неприменим, а потому тепловая смерть Вселенной никак не грозит. Иными словами, Вселенная в целом не должна подчиняться тем самым законам, которые выполняются в любой ее точке. Подобные доказательства строятся на зыбких основаниях — на предположении возраста Вселенной в миллиарды лет и ее размеров, соответственно, в миллиарды световых лет. Лучшее и единственное преимущество таких теорий — их принципиальная непроверяемость экспериментом. Попробуйте опытно опровергнуть какую-либо модель мира, которая все свои противоречия наблюдаемому в обозримых с земли условиях выносит на миллиарды лет в пространстве и во времени! Попробуйте перенести туда вашу лабораторию и проверьте там действие известных здесь законов природы!

Мы такую космогонию отнесем к области научной фантастики, в самом прямом смысле этого слова. Это фантазия на тему, как могло родиться и развиваться то, чего принципиально невозможно увидеть.

Некоторые полагают, что теория относительности и квантовая физика выводят мир в такую запредель-

ную реальность, где уже и само время якобы может идти в обратную сторону, а потому и никакой энтропии не должно быть. Но все эти разговоры не относятся к реально наблюдаемому нами миру, в котором мы реально живем. Наша Земля, наша солнечная система, наша галактика — сравнительно замкнутые термодинамические системы, живущие по классическим законам гравитации и термодинамики. Тела здесь не движутся с околосветовыми скоростями и имеют размер много больший элементарных частиц. Тем не менее — вопреки классическому закону термодинамики, вполне верному для таких «нормальных» условий — в галактике, в солнечной системе и на земле существует удивительно сложная структура, огромное количество нетепловой энергии, наконец, жизнь и разум. Иными словами — огромное количество структурной информации в малом объеме, причем вся эта структура живет вполне по классическим законам, постоянно подтверждаемым опытом.

Сколько бы ни были удивительны законы природы в микромире и в околосветовых скоростных областях, все они для макромира в предельных случаях переходят в классические. Даже если в каких-то явлениях микромира время сможет отступить назад — покажите опытом, как из этого может следовать, что завтрашнее утро станет вдруг для всех нас вчерашним!

Мы с большим основанием полагаем, что если один и тот же деструктивный закон одинаково работает на разных ступенях бытия — от группы из десятка молекул до человеческого разума — то тем более надежно будет полагать его действие распространенным на все видимое пространство и на все обозримое время. Даже если бы удалось доказать, что второе начало термодинамики не ведет Вселенную к тепловой смерти, из этого никак не удастся вывести возможности появления прочих более упорядоченных молекулярных структур вплоть до жизни. Общность энтропийного закона велика не столько в пространственно-временном, сколько

в качественном масштабе — вот в чем главная беда прогрессистов!

Итак, основные законы материального бытия ясно указывают на его **внешний источник**. Собственно, здесь и должна проходить граница научного познания. Это — последняя точка, до которой наука в принципе способна добраться твердыми ногами. Дальше открывается океан эмпирически непознаваемого. Но и в этот океан можно с берега забросить мысленную удицу, с тем чтобы выудить ею нечто важное для себя.

Мы имеем в виду следующее чисто умозрительное логическое следствие из законов сохранения и законов энтропийных, уже непроверяемое опытом. Оно состоит в том, что обнаруженная нами Причина бытия, неизбежно существующая, должна столь же неизбежно быть вышею самих законов сохранения и законов энтропийных, не должна подчиняться им. Должно быть какое-то надмирное бытие, где эти законы не действуют. В противном случае и о причине бытия мира сего можно будет повторить наши рассуждения, и она сама затребует для себя уже новой сторонней причины — и так до бесконечности. Мы столкнемся с ситуацией, подобной вопросу о возникновении жизни. Убедившись в невозможности зарождения жизни на земле, слепотствующий ум объявляет, будто жизнь занесена к нам из космоса. Ясно, что это не решение, а лишь пространственное расширение проблемы, поскольку остается неясным, каким образом жизнь могла появиться вообще где бы то ни было в чувственном мире.

Подобно тому, и если первопричина ограниченного пространством и временем мира стала бы подчиняться его законам, она и для своего бытия поставила бы те же самые ограничительные рамки.

Таким образом, Творец всего сущего неподвластен законам нынешнего бытия — что, впрочем, само собой очевидно. Но отсюда следует, что и рассуждать о Нем, исходя из земных представлений, из чисто земных аналогий невозможно. Разум, ограниченный не только вре-

менем и пространством, но и подчиненный стереотипам нынешнего бытия, не наблюдавший бытия, неподвластного законам сохранения и законам энтропийным, должен сделать последний честный шаг: начать искать Откровение Творца о Себе и о Своем творении. При этом ему должно заранее приготовиться к тому, что в корне своем это откровение будет нетривиальным, высшим земных представлений, противоречащим наблюдаемым в этом мире закономерностям. Иными словами, если какая-то космогония, какое-то объяснение бытия будет исходить только из наблюдаемого в природе — можно дать гарантию, что оно неверно.

Вот последний логический бросок с границ постижимого в сторону непостижимого научному рассудку. И в этой точке натуральная апологетика соприкасается с религиоведением. Познание Творца из внешнего мира приводит точь-в-точь к тому же, что и богоискательство изнутри человеческой личности!

БОЖИЕ ОТКРОВЕНИЕ И КРИТЕРИЙ НЕТРИВИАЛЬНОСТИ

Примерно таким же путем, по сути дела, человеческая душа ищет Бога Истинного, если только не соглашается при этом *поклониться богу чуждому* (Пс. 80, 10). Только богоискание это, совершаемое в сердце, очень редко осознается и осмысливается.

Человек рассматривает остатки образа Божия в своей душе и видит, с одной стороны, их превосходящую всякую тварь ценность, а с другой — их явную ограниченность, ущербность и неполноту в своей душе. Я могу мыслить, как не умеют неразумные твари, но не могу познать и малой доли премудрого мироздания. Я люблю, но любовь моя несовершенна и непостоянна. Я свободен в нравственном плане, могу выбирать между тем, что признаю злом или добром, но в то же время как тяжело связана и изнутри и совне эта моя свобода. И вот я начинаю искать источник совершенного ведения, совер-

шенной любви, совершенной свободы и святости, тот источник, от которого только и могут вести свое происхождение личные свойства моей души. — Вот обычный путь богоискательства, будь ли он осознан человеком или нет. Но при этом Бог моего сердца, Которого я ищу, может оставаться моей собственной мечтой, если при этом Он не есть Бог Вселенной, Бог Вседержитель, Начальник всей твари.

И, к счастью, истинная наука движется тем же путем. Она познает общие идеи миробытия — законы природы, безусловно разумные, универсальные, отвлеченные, а тем самым более высшие, чем простое собрание событий и явлений в мире, но будучи познаны, эти законы свидетельствуют о несовершенстве мира, о невозможности его самостоятельного существования, о том, что причина бытия выше самих законов и в своей сущности недоступна постижению при помощи их.

Божественного Откровения в полном взаимном согласии требуют и ждут и сердце человека, и его рассудочное знание! О дивная гармония ума и сердца! Обидно и ненадежно, если к Богу ведет нас только душеведение, вера наша от этого теряет нечто важное. Попытка же познать Творца одним умом, без внутреннего сердечного искания Его — и вовсе обречена на провал. Рассудочное знание, познав нечто, надмится над Самим Подателем ведения и непременно после этого впадет в заблуждение.

Движение человеческой мысли от самопознания к Божественному Откровению показывает нам Л. А. Тихомиров:

«Всматриваясь в себя, в свое существо, человек действительно доходит до убеждения в существовании Личного Бога» [22, с. 25].

Человек сознает свое существование, свой разум, свою волю, видит, что эти свойства превосходят свойства видимого мира и одновременно сознает их ограниченный характер. А потому:

«Именно это противоречие между абсолютностью свойств личности и относительностью их проявления в человеке приводит к убеждению, что должно существовать какое-то Бытие тех же личных свойств, но в абсолютном их содержании, и что человеческая личность не могла явиться не откуда, как из этого Бытия... Так мысль приходит к Богу, вслед за чем не может не явиться и искание Его...» [22, с. 25].

Ах, если бы мог Лев Александрович знать в свое время, что рассмотрение законов природы ведет нас по тому же пути! Тогда он непременно отметил бы, что и цель бытия неразумной твари также существует, что и в растительном царстве все причинно-следственные связи не нагромождены как попало, а поставлены в полном соответствии с определенными целями. Но и теперь многие ли из ученых делают нужные выводы из уже познанных законов материального бытия?

Самопознание Тихомирова не ограничилось (как у подавляющего большинства малорелигиозных людей) нахождением первопричины бытия. Обратим внимание на последнюю фразу его последней цитаты. Если бы он был нашим современником, то убедился бы, что чаще всего мысль, пришедшая к идее Бога (даже по описанным у него путям), вовсе не ищет Бога дальше, не стремится найти и принять Откровение Творца, что для человека прошлого века было довольно естественным. Не довелось Тихомирову слышать столь надоевшее нам ныне: «да-а, что-то есть», на чем начинаются и заканчиваются всякие разговоры о богопознании. Гораздо проще и не пытаться искать Откровение, а философствовать самостоятельно. Вдобавок Откровение Истинного Бога предъявляет к человеку нравственные требования, поэтому в результате от идеи бытия Бога до поисков Его Откровения добираются отнюдь не многие.

Но истинный философ, искатель не только причины (которая вроде бы найдена), но и смысла бытия,

который не познаешь без помощи свыше, Откровение это ищет и находит:

«...Нет ли где голоса этого Источника, этого Создателя, Его Откровения, способного указать, как войти с Ним в связь? Наше сознание отчетливо говорит, что только такое Откровение может указать нам пути жизни...» [22, с. 26].

Не только наше сознание — опять же — но и рассудочное познание окружающего мира для своего движения к истине точно так же требует Откровения Бога. Путь к Богу «от души», от самосознания, предложенный Л. А. Тихомировым, идет параллельно с путем «от науки» и в следующем пункте — в выборе критерия истинности Откровения:

«Конечно, действительным Откровением мы должны счесть такое, которое открывает нечто недоступное нам самостоятельно и при этом не делает в объяснении каких-либо явлений явных для нас ошибок, не обнаруживает признаков работы обыкновенного человеческого ума, а напротив, обнаруживает признаки Ума сверхчеловеческого, знающего то, чего люди не могут знать, уясняет нам нашу личность в ее высочайших свойствах и указывает цели жизни, каких мы своим собственным соображением не могли бы постигнуть» [22, с. 26].

Но именно к этому критерию истинности Откровения пришли и мы, говоря о науке: причина бытия мира не должна быть подвластна его нынешним законам, она должна быть вполне нетривиальной.

Итак, будем искать это Откровение, вооружась найденным критерием истины: Откровение должно в своих ключевых моментах оперировать такими понятиями, которые в природе нынешней не наблюдаются и в человеческое рассудочное понимание не вмещаются. И вот мы читаем первую строку великой Книги: *В начале сотворил Бог небо и землю.*

КОСМОГОНИЯ БИБЛЕЙСКАЯ И ЯЗЫЧЕСКАЯ

ОБ ОСТАТОЧНОМ ПЕРВОВЕДЕНИИ АДАМОВОМ

Прежде чем сравнивать Моисео-христианское Откровение с различными языческими космогониями, сделаем одно важное замечание. Как показывают исследования древнего мифа у разных племен (и, разумеется, в полном соответствии с Библией и полном противоречии с эволюционной теорией происхождения человека) общее религиозное направление языческих народов представляло собою переход от единобожия к многобожию, а затем иногда к «укрупнению» божеств и в пределе ко всебожию — пантеизму. Иными словами, мы имеем дело с таким же энтропийным процессом, как и в природе — с деградацией религиозного сознания. При этом не нужно забывать, что языческие народы кое-в-чем сохранили некоторые элементы общего знания человечеством своей истории, в том числе некоторые элементы космогонических представлений, согласных с Библией. Мы будем их именовать в дальнейшем: элементы Адамова первоведения.

Первый из них мы уже отметили: знание о Едином Боге, преобразившееся у язычников в представление о том, что из всех божеств есть некое старшее, первичное. Это представление сохранилось практически во всех древних языческих системах.

Сохранилось у язычников и сказание о всемирном потопе и Ноевом ковчеге, о высоком уровне развития древней допотопной цивилизации и некоторые другие элементы исторической памяти человечества, хотя, конечно, в искаженном виде. По ходу изложения мы убедимся, что установленный нами критерий истинности Откровения (можно назвать его критерием нетривиальности) поможет нам четко выделить глубокую разницу между библейским Откровением и языческими философиями бытия, а заодно найти и причину того, почему Адамово первоведение сохранилось у язычников лишь в элементах.

СОТВОРЕНИЕ ИЛИ ПОРОЖДЕНИЕ ?

Первый же вопрос, в котором мы видим существенную разницу между Библией и язычеством (и практически полное отсутствие принципиальных отличий между разными системами политеизма, пантеизма и атеизма), — это вопрос о происхождении мира. Библия говорит о Безначальном Боге, *сотворившем из ничего* (2 Мак. 7, 28), то есть на месте небытия, одновременно пространство, время и вещество: *В начале сотворил Бог небо и землю*. Остальные космогонии говорят о порождении каким-то таинственным началом из себя всего существующего или об организации божествами прежде бывшей первоматерии. Ничего третьего и ничего среднего между идеями сотворения из ничего и порождения из себя человечеству неизвестно.

Из этих двух концепций библейская идея сотворения из ничего, очевидно, удовлетворяет критерию нетривиальности, а языческое порождение не удовлетворяет ему. Вот как пишет об этом Л. А. Тихомиров:

«Так смотрели древние египтяне, халдеи, индусы, а по их наследству — Каббала, оккультизм и нынешняя теософия. В откровениях этого рода можно видеть колебание мысли между двумя предположениями: истек ли мир со всеми своими предметами и существами из бо-

жественного элемента, или же наряду с Божеством как устроителем, архитектором существовала равновечная Ему материя, из которой и само Божество зародилось как результат какого-то колебания частиц? Но идет ли мысль по тому или иному направлению, ясно одно: что для такого мировоззрения нет надобности в Божественном Откровении, ибо идея пантеизма и эманации есть чисто человеческая. Ничего другого и не может представить человек, когда пытается создать философию бытия, руководствуясь только тем, что он наблюдает в мире физических явлений... Нет ни создания вещества, ни его гибели, а есть только трансформация. Поэтому, когда ум исходит из наблюдения законов вещества, он ни в коем случае не может допустить факта создания. Он знает только порождение одного явления из другого» [22, с. 28].

Здесь мы опять оговоримся, что речь идет на уровне осознания человеком только законов первой группы — количественного сохранения. Когда мы познаем энтропийные законы во всем их многообразии, во всей полноте, мы не только можем допустить идею создания, мы сами начинаем искать что-то вроде нее. Другое дело, что самостоятельно никакой человеческий ум до идеи сотворения из ничего не доходит. Эта идея вполне нетривиальна, а потому только она и может быть верною согласно принятому нами критерию. Вот как объясняет это далее Л. А. Тихомиров:

«Идея создания могла явиться только из Откровения Того, Кто стоит вне законов вещества, Который Сам создал вещество... Для человеческого ума, нигде не наблюдающего подобного создания, а знающего только порождение, эволюцию и трансформацию существующего, идея создания бытия на месте небытия совершенно немыслима, она не могла бы и прийти ему в голову, она, так сказать, абсурдна, противна всему, что мы знаем, что мы можем мыслить» [18, с. 28–29].

Строго говоря, энтропийный закон требует только демиурга — разумного устроителя материальной струк-

туры, архитектора природы. Сама же материя при этом может быть совечной ему — закон это в принципе позволяет. Но это лишь показывает, что идея сотворения не является следствием энтропийного закона, что она нетривиальна и по отношению к нему. Впрочем, если сам демиург есть порядок и минимум энтропии, как он мог извести из себя хаотический мир или как мог сам быть порожден этим хаотическим миром? — Идея порождения из сущего не вмещает энтропийного закона.

Языческая мудрость сохранила элементы Адамова первоведения не только о том, что Творец Един, но и о том, что весь мир Он обустроил, что Он и на самом деле есть архитектор материи, а не только Создатель. Помнят язычники и о том, что в самом начале земля была необустроена и покрыта водою и тьмою. Многие языческие космогонии ведут отсчет не от сотворения, а от первобытного неустроенного океана, от какого-то первичного хаоса и тьмы.

Сохранено то есть нечто простое, удобопонимаемое, кроме главного, откровенного и нетривиального — это идея создания из ничего и идея начальной точки отсчета времени. Обе эти идеи логически связаны друг с другом. Если нет создания из ничего, то от любого момента можно отнять десять секунд или год и качественно иного состояния небытия материи не достигнешь. И напротив, если было сотворение из ничего, прежде которого есть только Творец, неподвластный времени, пространству и веществу, то в этом случае и начало пространства и времени должно полагать вместе с началом материи в момент сотворения. Именно это мы и читаем в Библии, именно так и понимали это место святые Отцы. В начале из небытия создаются небо и земля. Материя, пространство возникли в начальный момент времени. И время становится абсолютной категорией в некоей абсолютной системе отсчета.

Л. А. Тихомиров анализирует одну за другой практически все известные древние космогонии в своей книге, цитирует писания язычников, и везде ясно просле-

живается одна и та же мысль: преобразование прежде сущего, порождение из прежде бывшего, наведение порядка в хаосе — все это в противовес сотворению из ничего.

Итак, вот первый плод мышления тривиального, человеческого, или, по-церковному говоря, плотского мудрования. Возникает и второй вопрос — о личности Творца. И здесь первоведение Адамово подвергается у язычников сильнейшему искажению. И понятно: если бы все люди хранили в памяти то, что должен был знать Адам, не было бы нужды сообщать Откровение Моисею.

О ЛИЧНОСТИ ТВОРЦА

Творец, создающий из ничего, не имея в Себе Самом никакого недостатка до творения, может творить только свободно и самостоятельно, по Своему разумению и желанию. О создании из ничего может быть принято только волевое решение, в сотворении из ничего немыслимо видеть какую-то закономерную последовательность неизбежных событий. Если бы сотворение было необходимостью, оно должно было с тою же необходимостью подчиняться нынешним законам природы: и законам сохранения, и законам энтропийным. Но сотворение из ничего, очевидно, противоречит сразу обоим законам. Непонятно, почему бы необходимость, какой-то рок или неведомые законы, вынудили мир вдруг возникнуть из небытия, а потом в какой-то момент эти законы, в подчинение которым все возникло, вдруг сами собою поменялись на нынешние. Такого быть не могло, но напротив, в создании и дальнейшем промыслении о мире — если он действительно создан из ничего — могла действовать только разумная сознательная воля, только ею можно объяснить сотворение из ничего.

Напротив того, если сотворения из ничего не было, а была лишь демиургия, наведение порядка, то метод порождения не требует и личного Творца. Это интерес-

ное наблюдение не наше, мы лишь заимствуем его опять же у Л. А. Тихомирова, который сам цитирует А. С. Хомякова:

«Свобода и необходимость составляют то тайное начало, около которого в разных образах сосредоточиваются все мысли человека. В языке религии, переносимой в невидимое небо законы, которыми управляется видимый мир земли и его видимый владыка — человек, свобода выражается творением, а необходимость — рождением. Едва ли можно найти символы более верные для олицетворения этих отвлеченных идей» [22, с. 29–30].

И сам Тихомиров продолжает:

«Нет свободы, нет воли, — возглашает принцип рождения, — есть только необходимость... Наоборот, исключительно при создании из небытия мы могли явиться существами свободными. Если бы мы были эманацией Божества, то не имели бы свободы, а тянулись бы почти механически обратно к своему Источнику не как свободные личности, а как составная часть Божества. Теперь же мы можем идти к Богу и удаляться от Него, и даже идти против Него, как это сделал некогда величайший из созданных духов. Эта наша свобода, уподобляющая нас Богу, не связанному никакими внешними законами, создает нравственную ответственность» [22, с. 30].

Вот здесь и корень всего! В этой точке своего сердца и говорит безумный, что Бога нет (Пс. 13, 1 и 52, 2). Но сказать, будто Бога нет вовсе — это уж слишком крайняя степень безумия, этому даже мало кто поверит. Удобнее сказать, что нет Личного Бога, Бога, обладающего свободой, который создал мир по Своей собственной воле и одарил некою свободой и человека. Лучше в весь мир ввести законы необходимости и рока — этих новых мертвых и мерзких богов — тогда тотчас пропадет всякая нравственная ответственность и выдается бессрочная индульгенция на любой грех. «Если Бога нет, то все позволено», — сказано было у

Достоевского о Личном Боге. Если Бог не имеет личности — все позволено также.

По этому пути пошла всякая человеческая мысль, не пожелавшая покориться Моисею-христианскому Откровению. Тихомиров анализирует по этому признаку индуизм, буддизм, верования древних шумеров и аккадцев, египтян и китайцев, наконец, еллинскую премудрость. Картина везде одна и та же: из безличного первичного протовещества-протодуха по роковой необходимости рождаются божества, устрояющие и перестраивающие материальную сторону мира, притом нередко во взаимной борьбе. Конечно, эти божества приобретают уже личностный характер — и в этом мы видим остатки первоведения Адама, нисколько не сомневавшегося, что Давший ему заповедь — нравственная Личность. Но личности вторично-рожденных божеств уже не имеют никакого значения, ведь никто из них не является творцом и вседержителем, все они подчинены тому же закону роковой необходимости, который и есть якобы причина бытия. И в этом смысле все виды языческих систем: многобожие, всебожие и безбожие — тождественны между собою.

Желанием человека истребить всякую личную ответственность объясняется и очень скорое богозабвение во всех народах. Этим объясняется естественность для падшего человека именно языческой, а не Откровенной религии. Этим объясняется множественность вариаций язычества и легкость перехода от одного пантеона божеств к другому в разных народах.

Вот, если угодно, энтропийный принцип в применении к религиозной области. Забвение Личного Творца ведет к нарастанию хаоса мыслей, представлений, культов и чувств.

Этот языческий хаос нарастал в дохристианскую эпоху не только во всех языцах отверженных, он возник и во Израиле — этом любомытежном и прелюбодейном роде, постоянно изменявшем Господу Богу своему. Каббала, зародившаяся еще во времена Вавилон-

ского плена и получившая впоследствии статус высшей тайной мудрости, не оставляет ни одной принципиальной идеи из Моисеева Откровения и впрямую перекликается с разными языческими космогониями. Это темное учение также разобрано у Тихомирова и мы не станем в него углубляться. Важно подчеркнуть общее стремление человечества уйти прочь от нравственной ответственности, прочь от любви Живого Бога в пантеистический мысленный омут, в объятия мертвого бога железной необходимости.

ИДЕЯ РАЗВИТИЯ

Сказавши *А*, приходится говорить и *Б*, после чего еще более логично будет сказать и *В*.

А — это идеи сотворения и порождения, противостоящие друг другу.

Б — это идеи личности и безличности Божества, идеи свободы и необходимости.

В — это идеи иерархии Божественного замысла о мире и развития мира в иерархичные структуры, — идеи точно так же противостоящие друг другу, к которым мы и переходим теперь. Здесь вопрос эволюции замешан непосредственно и нам следует на сопоставлении этих идей задержаться подробнее.

Но прежде обратим внимание на внутреннюю стройность и логичность каждой из двух несовместимых между собою цепочек.

Первая: творение из ничего — свобода Личного Творца — личность и свобода разумной твари, ее нравственная ответственность — наличие цели и замысла творения.

Вторая: порождение из вечного хаоса — роковая необходимость — несвобода какой угодно твари — нравственная безответственность — отсутствие цели и замысла.

К этим логическим цепочкам мы поставили два вопроса:

а) которая из них нетривиальна, не вытекает из законов тварного бытия?

б) которая из них лучше сама способна обосновать эти наблюдаемые нами законы?

На оба вопроса ответ один: только первая, то есть библейская космогония, в отличие от языческой, не заимствована из криво понятых законов природы, но сама способна их непротиворечиво объяснить. В языческой же космогонии, несмотря на ее логическую стройность, нет разрыва, нет Божественного творческого акта, нет момента, когда действие нынешних законов не имело бы места, а потому она и тривиальна (не пытается выходить за рамки законов природы), и сами законы эти объяснить неспособна.

Итак, каждая из логических цепочек дает свой ответ на вопрос: как же все развивалось дальше? Это и есть вопрос эволюции.

Языческая трактовка неизбежно требует эволюции, то есть ряда постепенных восходящих превращений от простого к сложному, от общего к более специальному. Это опять же тривиальное решение, основанное на наблюдении внешних эмпирических закономерностей в природе. Открывая обычный вузовский учебник биологии, мы не найдем среди доказательств эволюции практически ни одного, которое не базировалось бы на какой-то общности строения, на каком-то родстве между существами. Отсюда тривиальная логика делает свой вывод: раз похожи — значит, братья, дети общего предка. Черты сходства ищутся во всем живом: в строении биомолекул, клеток, эмбрионов, в гомологии органов и т. д. Важна сама философская связь: родство предопределяет общее происхождение.

В языческих космогониях, согласно наблюдению Тихомирова, мы везде видим этот принцип, причем начиная задолго до всякой биологии. Не только систематика (таксонометрия) живых организмов, но и сам пантеон божеств разрастается эволюционным путем, точнее методом последовательных порождений. Не только

виды выделяются в более специальные, но и сами божества плодятся, притом половым путем: младшее от двух старших. Кроме того, рождаемое получается отнюдь не похожим на родителей, чем-то вроде мутанта или нового вида.

Здесь, конечно, налицо полная тривиальность: люди описывают не более чем закон размножения своего племени, автоматически перенося его на божества. Но и «закон» биологической эволюции в этом смысле ничем не лучше: как все человеки в племени немного отличаются друг от друга, так и новые виды животных немного отличаются от старых и по мере количественного размножения постепенно размножаются и качественно.

Такой перенос закона количественного размножения на качественное усложнение одновременно и тривиален, и неверен. С точки зрения язычества, не видящего жесткой границы между Творцом и тварью, между материей и духом, между идеей и вещью, такой некорректный переход от количественного увеличения к качественному усложнению понятен. Но с точки зрения современной науки, слишком хорошо познавшей закон нарастания хаоса и невозможность самопроизвольного возникновения порядка и информации — некорректность такого перехода должна быть очевидна.

Открытые богоборцы выразили этот «закон» даже философски: переход количественных изменений в качественные — один из постулатов марксистской диалектики. В принципе, эта формула может иллюстрировать процесс деградации: постепенное накопление каких-то мутагенов может привести к бесплодию или уродству. Такое нисходящее направление диалектики еще наблюдается. Но «закон» придуман, естественно, с целью обосновать противоположное направление — к прогрессу, которое в природе не наблюдается. Изобретателям диалектики хочется доказать, будто то же самое, к примеру, накопление мутагенов приведет к созданию нового класса живых существ.

Отметим еще, что идея качественного усложнения вполне логично вытекает из идеи безличного порождения по необходимости. К существующему роковому закону необходимости требуется добавить подобное же соотношение, чтобы появившееся само собою точно так же и развивалось бы самостоятельно, без влияния сторонней нравственной воли. Проще сказать, изгнав Творца, логично исключить из системы и Промыслителя. Если при этом мы наблюдаем какое-то сродство, какую-то систему во всем тварном мире, особенно в живом, то и устанавливаем для объяснения ее эволюционный закон необходимого восходящего развития от простого к сложному.

Стройно и логично. Но при этом тривиально, а потому и неверно.

И законы качественного растрепания твари с тою же роковою необходимостью всю эту философскую систему сводят на нет. Встает вопрос: а что же ей противопоставить?

Противопоставление возможно. И оно будет в рамках библейской космогонии непротиворечиво и нетривиально.

В рамках космогонии Личного Творца вполне непротиворечиво появляется понятие об идее всякой вещи. Личный Творец, создавший и время и пространство, Сам вне пространства и времени предвечно и мыслит, и созерцает все, что творит. Знание Бога о том, какова должна быть любая чувственная вещь до того, как она возникнет из небытия, назовем идеей этой вещи. Согласно с учением Церкви мы констатируем, что если Господь творит разумно, то всем сотворенным вещам предшествуют их Божественные идеи — творческий замысел.

Мысли Творца неотделимы от Его Божества, они вполне идеальны и неличны. Они в отличие от Ангелов не есть самостоятельные сущности, которые могли бы иметь какое-то отношение к пространству и времени.

И вот, наблюдая Божие творение и обращаясь к Откровению, мы видим иерархическую систему в самих

идеях всех вещей. Именно ею следует объяснять любое сродство и сходство в живой и неживой природе — в противовес идее эволюционного развития.

ПРИНЦИП ИЕРАРХИИ В ТВАРНОМ МИРЕ

Говоря о законах природы, мы отметили иерархичность идеи уже на этом уровне. Есть законы частные, вытекающие или сводящиеся к двум наиболее общим идеям: количественного сохранения и качественного растления.

Полная аналогия законов гравитационного и электромагнитного взаимодействия подтверждает то же правило. Вначале идет общая идея — «закон обратных квадратов» (отражающий, кстати, трехмерность нашего пространства), затем два ее более частных выражения.

Существует совершенно удивительная и полная аналогия между уравнениями поступательного и вращательного движения, так что любая формула поступательной механики может быть «преобразована» в аналогичное верное соотношение и для вращательного движения путем простой замены соответственных величин: расстояния на угол, скорости на угловую скорость, массы на момент инерции и т. д. Говорят, что те же законы Ньютона мы просто переносим из декартовых координат в полярные, но принципиально важно то, что физика вещей позволяет идеи Ньютонových законов переводить в другие координаты. Как же не видеть здесь замысла и притом иерархического, ступенчатого! Более общая первичная идея — сами законы, две более частные — системы координат. Общая идея включает в себя две более специальные. Итогом служит прекрасная мысленная, математическая аналогия, сокращающая ученикам и студентам добрую половину умственных усилий на освоение вращательной механики.

Еще один интересный и забавный пример на эту тему — гидродинамика движущейся толпы. Рассматри-

вая более или менее плотную толпу, движущуюся по переходу в метро, мы можем увидеть неплохие иллюстрации к учебнику гидравлики. В сужающемся канале повышается средняя скорость движения — на эскалатор все вступают довольно быстро, хотя только что давились в очереди. В медленном потоке — перед эскалатором — больше давление и на ограничительные стенки, и друг на друга. Мы можем увидеть и ламинарное (в плотном строю) и турбулентное (в более разреженной толпе) движение, причем в последнем случае явно лучше заметно перемешивание — быстрые обгоняют медленных. Заметны и иные подобные закономерности.

Опять же впереди шла общая идея: законы движения субстанции, состоящей из плохо связанных между собою частиц. Дальше идут ее более частные реализации в более специальных условиях: в жидкости, в газе, в человеческой толпе.

Яркий пример на ту же тему — аксиоматическое построение математики, достаточно хорошо описывающей физическую реальность. Аксиомы здесь являются главными первоидеями, из которых последовательно выводится логическая пирамида теорем и следствий — строгая иерархическая структура идей, которая, повторим, не остается праздною вещью в себе, а имеет прямое отношение к реальным физическим предметам и хотя бы приблизительно описывает их. Приблизительно — потому что после приходится вводить поправку на нашу ограниченность, на плоское человеческое мышление. Ведь мы не можем изобразить даже куб на плоском листе бумаги, но рисуем квадрат, а к нему пристраиваем два параллелограмма. Ум наш способен обобщить впечатление от рисунка и понять, что художник пытался изобразить именно куб.

Так и математика способна понять лишь некий плоский срез Божественных идей, по которым построен мир. Кто способен, глядя на квадраты с ромбиками, возвыситься до идеи куба, пусть точно так же возвысится и до того, чтобы, глядя на иерархический плоский срез

математических теорем, понять, что и законы устройства всей твари иерархичны, только нужно от плоского мысленного треугольника перейти сперва к трехмерной, а потом и к многомерной пирамиде идей.

Стоит впрочем обратить внимание и еще на некоторые примеры «плоских срезов» с общей Божественной пирамиды идей мироздания. Но сначала желательно научиться чувствовать не только кончиком мысли, а всем разумом (если не чем-то еще большим), что идеи идут все-таки впереди вещей, а не просто являются соприсущими свойствами материальных предметов.

Только поэтому мы и можем хотя бы как-то применять идеальную по своей природе математику к реальным явлениям природы.

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КОНСТРУКТИВНЫХ ИДЕЙ И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Совершенно ясно видимая иерархическая система в природе — периодическая таблица химических элементов. Одного взгляда на нее достаточно, чтобы убедиться в возрастающей сложности атомов. Но сама идея периодичности вытекает из более общего принципа построения электронной оболочки. Одно и то же уравнение дает все более сложные решения: как распределить электроны по орбиталям все более тяжелого атома. Несколько простых идей порождают целое многообразие последующих конкретных проявлений этих идей в материальном воплощении.

В биологии нам даны еще более яркие и конкретные примеры иерархической системы конструктивных идей, которую мы будем сокращенно именовать ИСКИ. Самый очевидный пример ИСКИ — вся систематика, вся таксонометрическая система, возможность расставить все живое по схеме таксонов: царство — тип — класс — отряд — семейство — род — вид, с некоторыми, правда, оговорками и неясностями, с подразделами

в самих таксонах. Несмотря на эти сравнительно немногие спорные или неясные моменты, само существование ИСКИ в систематике вполне очевидно. Антибиблейская идеология непременно увидит здесь происхождение от общего предка. Эволюционист рисует в учебнике, например, первобытное млекопитающее вообще — странное (и, конечно, совершенно мифическое, никогда не попадавшееся палеонтологам) существо, похожее на крысу. От этого существа во все стороны рисуются стрелки, изображающие все отряды зверей, с дальнейшим подразделением отрядов на семейства.

Переходных форм между отрядами не находят, вся пирамида строится чисто умозрительно, основываясь лишь на общности свойств и признаков разных животных — скелета, зубов, мягких органов и т. д.

Насколько логически обосновано выведение общности развития из общности строения? Мы подвергаем сомнению корректность такого перехода, которая в учебниках биологии принимается как нечто само собой разумеющееся.

Рассмотрим другой пример — гомологичные органы. Это общепринятое «доказательство» эволюции. Во всех книжках приводятся рисунки конечностей млекопитающих и прослеживается общность их строения: одна кость плечевая (бедренная), две кости предплечья (голени) и пятипалое сложное окончание — кисть, лапа, плавник, крыло, копыто. Основная конструктивная идея конечности везде одинакова, а конкретные варианты совершенно разные и приспособлены к различным условиям обитания животного. Эволюционисты делают вывод, что некий общий предок всех зверей имел такое строение лапы, которое потом преобразовалось во все вариации, сохранив лишь общие черты.

Первое возражение этому выводу таково: пока из «первозверя» появлялось все огромное многообразие зверей под действием случайных изменений, то почему эти случайные изменения нигде не сумели «случайно» испортить саму общую идею, например, убрать пред-

плечье, а кисть «посадить» сразу на плечо, или сделать в плече две кости. Но напротив, общая идея соблюдена удивительно неслучайно.

Иное возражение против общего предка сводится к тому, что похожие конечности формируются у разных видов из разных групп зародышевых клеток, а генная информация о конечностях хранится в разных местах хромосом. Иными словами, материальный носитель общей идеи у «предков» и «потомков» находится в совершенно разных местах и по-разному развивается. Значит, все-таки не материя носит на себе какую-то случайно отпечатавшуюся на ней идею, а идея сама решает, на какой материи и как быть ей записанной.

Как бы ни объяснять явление гомологии, приходится констатировать и здесь наличие иерархической системы конструктивных идей, некоей мысленной пирамиды, нисходящей от общих идей к частным. Вопрос лишь в одном: эта пирамида, существующая реально в наших головах и учебниках, отражает ли развитие идеи, уже выраженной, так сказать, в белках и нуклеиновых кислотах путем перетасовки и усложнения последних, — или же она существует от века в творческом замысле Божиим, там доведена до необходимого разнообразия и совершенства, а уже потом, когда началось творение и создано было время, достаточно быстро и просто во всем своем развитом виде вложена в вещество?

Пробиралась ли идея конструктивного устройства живого все дальше по этажам пирамиды через реальные живые существа — носители конструктивных идей, давая их каблуками естественного отбора и мутаций, — или же еще до начала времени эта идея безболезненно и нетленно построилась в творческой премудрости Божией?

На эти вопросы объективная наука скажет, видимо, так: в белках или в окаменелостях мы такого продвижения идеи не видели, знаем лишь тот факт, что ИСКИ — это реальность, которая должна же как-то возникнуть. А дальше атеисты делают свой логически некорректный вывод: общая конструкция предполагает общего

предка, а позитивисты просто промолчат, ибо сказав о своем наблюдении, они сказали уже все.

По сути дела, дальше вопрос решает религиозная вера или философия. На альтернативно поставленный вопрос может быть только два варианта ответов. Ответ первый: идея двигалась и структурировалась уже «в белках». И здесь возможны некоторые вариации: случайно ли «брела идея по белковым формам» или была направляема. Разница, конечно, есть, но не столь большая.

Принципиально иной ответ: идея полностью структурирована в Божественном замысле и в мир вложена актом творения, повелением Господним. Очевидно, только этот ответ можно согласовать с библейской космогонией и, конечно, он гораздо лучше соответствует научным фактам, прежде всего — отсутствию переходных форм между высокими таксонами.

Можно рассмотреть этот вопрос на примере человеческого творчества. Что бы ни задумал сделать человек, сначала он составит общий проект или план своей деятельности. План должен быть ясен настолько, чтобы отдельные его доработки по ходу дела не заставили бы перестраивать все изделие полностью. Положим, делаем мы табуретку. Прежде всего мастер прикинет величину сидения, длину и толщину ножек, способ их крепления и т. д. — то есть изделие в целом. Потом столяр должен продумать и частности, хотя бы настолько, чтобы не «запороть» заготовку. Таким образом, ИСКИ возникает еще до начала творческой деятельности человека над материалами.

Так же работают и художники, и писатели. Все начинается с главной центральной идеи, переходящей в более частные. Если частные идеи одновременно не могут удержаться в сознании, делаются эскизы, наброски, зарисовки и «подмалевки», которые развитую ИСКИ на каком-то этапе пирамиды фиксируют на материальном носителе. Наконец, по ходу дела лишь облачиваются и дорабатываются самые мелкие и частные детали

замысла. Если в процессе работы возникла необходимость пересмотреть одну из самых стержневых идей, то это, как правило, приводит к коренному пересмотру произведения, фактически — к новому произведению, с отбрасыванием первоначального варианта.

Важно, что человек свою ИСКИ выстраивает заранее, а не формирует ее по ходу работы над материалом. По ходу материальной деятельности могут дорабатываться идеи лишь самого нижнего уровня идейной иерархии. В этом-то и состоит несовершенство человеческого творчества. Человек не может видеть во всех деталях, что же реально у него получится в конце концов. Человек не созерцает заранее полного результата своего творчества. Такой недостаток Богу-Творцу, очевидно, не может быть присущим. Стало быть, Божественное творчество несравненно лучше человеческого, т. е. вполне совершенно, оно имеет совершенную изначальную ИСКИ и вкладывает ее в материальный носитель. Бог созерцает Свое творение до и после творчества, знает его всесовершенно, а потому Божия ИСКИ не улучшается по ходу творения.

Другое дело, что Божественная ИСКИ может не сразу быть раскрыта вся целиком, особенно в живой природе. Многие идеи отложены и записаны как бы «про запас», на случай экстремальной ситуации. Так, например, в первоначально созданных по роду своему живых тварях в геноме записано много вариантов различных подвидов, пород, рас и сортов, но каждая из них представляет собой лишь выборку из первоначальной ИСКИ, как бы плоское сечение этой огромной многомерной пирамиды. Важно, что на идейном уровне все эмпирически наблюдаемые вещи предусмотрены заранее, или, иначе говоря, никогда ИСКИ не развивается в своей материальной оболочке.

Доказательству этого положения в литературе по креационной науке уделяется много внимания и мы здесь не станем подробно углубляться, ведь наша цель не пересказать все многообразие литературы, а при-

влечь к ней внимание. В Библии та же мысль передана кратко: *почил Бог в день седьмый от всех дел, яже начал творити.*

Это не значит, конечно, что Бог полностью изначально запрограммировал все судьбы мира во всех подробностях и предопределил вечную судьбу каждой разумной твари. Это значит лишь, что Бог не творит с тех пор нечто неведомое прежде. Он являет чудеса, Он может из камней сделать чад Аврааму или превратить их в хлебы. Иногда Бог творит такого рода чудеса. Но какого-либо совершенно невиданного существа, вроде четвероногого человека или обезьяно-человека, Он не творит.

С такой точки зрения можно взглянуть на примеры биологической систематики и гомологии органов, о чем мы говорили выше. Креационная наука утверждает и обосновывает, что в обоих примерах мы видим воплощение изначально разработанной ИСКИ. Бог восхотел сотворить Своих тварей многообразными. И подобно тому, как ангельские воинства Он сотворил в строгой иерархии чиновначалий, так и идеям о живом благоволил придать иерархический характер.

Если, положим, резчику задано изготовить набор из десяти деревянных ложек одного размера, но немного разной формы, он возьмет десять одинаковых заготовок, а потом над каждой будет работать отдельно.

Так и Господь, «разрабатывая проект жизни» берет «заготовку» или общую идею — для гадов одну, для птиц другую, для зверей третью. Эта заготовка на идейном уровне означает в первом случае твердое яйцо, плюс чешуя, плюс трехкамерное сердце и т. д. — все общие признаки пресмыкающихся.

Аналогично для птиц берутся сначала общие идеи: крыло, плюс перо, плюс четырехкамерное сердце и т. д. Для зверей то же самое: шерсть, плюс плацента, плюс млечные железы, плюс эти самые гомологичные конечности — общие признаки зверей.

Эти общие идеи кодируются, точнее мысленно творится способ их записи. А затем на эту общую запись,

на этот общий замысел накладываются идеи частные — отрядов, семейств, родов. Детализация идет иерархично.

При этом достигается оптимальная компактность кодируемой информации — и программисты, кстати, это понимают и всегда сами работают именно так. Есть программы общие, есть более специальные. Чтобы закодировать, положим, волос или перо, требуется записать на ДНК энное количество белков. Получится шерстинка или перо вообще. А все дальнейшее структурное или цветное многообразие пера или шерсти у одной и той же твари в разных местах или у разных видов кодируется еще несколькими дополнительными генами. Ясно, что это удобнее, чем каждую шерстинку у каждого зверя кодировать совершенно отдельно.

Точно также кодируются и гомологичные конечности. Общая трехсуставно-пятипалая схема служит основой записи, а разнообразие достигается менее значительными поправками.

Странно, почему люди не хотят увидеть здесь замысла, когда сами творят точно так же. Вот, например, разработали общий вариант автомобиля. На одно и то же шасси могут поставить кузов бортовой или самосвальный, цистерну или пассажирский салон. Все эти варианты будут в чем-то похожи друг на друга, но только детям кажется, что это один и тот же самосвал переделан в автобус, цистерну и грузовик.

Общая идея одного и того же самолета может быть разработана и в транспортном, и в пассажирском, и в десантном варианте. Общая идея лучевой трубки применяется и в осциллографе, и в телевизоре, и в компьютере. Люди давно поняли, что именно так удобно придумывать модификации своих технических изобретений. Но им и в голову не придет, положим, переделывать в полевых условиях одноместный вариант истребителя в двухместный тип того же самолета. Изначальная ИСКИ самолета на нижнем уровне разделилась на два варианта: одноместный и двухместный, но это разделение

произошло еще в конструкторском бюро, и никогда один из вариантов, будучи выполнен в железе, не переделывался в другой.

Зачем же тогда представлять Бога менее способным конструктором, чем сами? Если самым ясно, что нужно сперва спроектировать самолет в целом, а потом, по ходу доработки проекта, разработать два-три варианта для разного экипажа и системы вооружения, если, повторим, это ясно и школьнику, то почему бы и Богу не творить примерно так же, только в миллиарды раз совершеннее?

Не у Бога ли, в конце концов, научился человек какому бы то ни было творчеству? Не является способность к творчеству частью Божия образа в человеке? И совсем другой вопрос — что падший человек свою «творческую жилку» чаще всего направляет на грех. Злая цель творения не имеет прямого отношения к методу творения — иерархическому построению замысла с последующим его воплощением в материи.

Итак, родство живых тварей доказывает их общее происхождение, но не в «форме существования белковых тел», а еще тогда, когда времени не было, и все чертежи живого разрабатывались в безграничном разуме Божиим. Вот тогда, до начала времени и до начала творения, из некоего абстрактно мыслимого «зверя вообще» происходили конкретные законченные идеи млекопитающих, расходящиеся по отрядам, семействам и родам. И уже эти законченные замыслы в третий, пятый и шестой дни творения воплощены в белковых телах.

При этом Божественный замысел в каждом законченном исходном роде тварей оставил потенциальную возможность усиления или ослабления некоторых признаков, что и обеспечило возможность микроэволюции — выведения сортов, пород и рас уже «в полевых условиях». Божественное творчество предусмотрело все эти варианты в рамках одной законченной конструктивной идеи, без перехода от одной идеи к принципиально другой.

ИДЕЯ ИЕРАРХИИ В ОБЩЕМ КОСМОГОНИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Теперь, уяснив понятие ИСКИ, следует вернуться к изначальным положениям космогонии библейской и языческой, до которых мы добрались в разделе «Идея развития».

Если Личный, Всеведущий Творец свободно творит из ничего, то вполне здравомысленно будет ожидать быстрого воплощения в вещество общего иерархично построенного творческого плана, причем результат творчества сразу удовлетворит Всесильного и Благого Творца. Именно так и говорит о сотворении мира Моисео-христианское Откровение.

Напротив, искания лучшего варианта идеи уже после введения ее в материю, конструирование методом проб и ошибок, с экспериментальной проверкой замысла и его многократной переделкой — показывают какие-то несовершенства Творца, что Он якобы не может или не хочет творить лучше, чем студенты-троечники. Таким образом, идея эволюции никак не совместима с общей библейской космогонией.

С другой стороны, ИСКИ в своем собственном смысле никак «не вмещается» в космогонию необходимых порождений. Остаточное первоведение Адамово и простое наблюдение природы приводят любого наблюдателя к выводу об иерархичной устроенности мира, но языческая космогония порождений, оставаясь верной себе, вынуждена все преобразования, все развитие наблюдаемой иерархии мыслить уже в пространстве, во времени и в веществе — ведь материя объявлена изначально со-вечной духу, если не сказать — первичной по отношению к нему. ИСКИ возникнуть просто неоткуда, она вынуждена строиться по ходу развития, как результат каких-то более общих законов бытия (хотя они и поняты в языческой космогонии неправильно).

Подобным образом строятся как примитивные пантеоны божеств, типа еллинских, где боги плодятся, как

некое особое племя сверхчеловеков, — так и более отвлеченные структуры, вроде каббалистической системы сефирот или гностической системы зонов.

Эти две последние системы похожи между собой. Нечто первичное и неопределенное (именуемое Эн-Соф в Каббале) производит из себя сефироты, которые, разделясь на мужские и женские, производят следующее поколение сефирот половым путем, а затем эта иерархическая система производит и вещественный мир.

Трудно понять, личные ли это сущности или нет. Свойства их вроде бы безграничны. Можно ли их считать отдельными самостоятельными существами — непонятно. В совокупности они и составляют то божество — Эн-Соф, из которого истекли и которому никак невозможно приписать свойств личностных.

Заключен ли здесь в сильно искаженном виде отзвук первоведения Адамова о безграничности свойств Божиих, об энергиях Божества, неотделимых от Него и неличных (то, что по осознании Церковью стало ее учением о Божественной сущности и энергиях)? — ответ на этот вопрос неясен.

Нам важно то несомненное обстоятельство, что системы сефирот и зонов строятся по принципу эманации — истечения и порождения из прежде бывшего. Первичное божество растекается по неким десяти или более божественностям и само в себе уже или не существует вовсе, или, по крайней мере, не воспринимается тварью. Вся тварь заключена также в систему эманационных порождений. Далее работает чистая диалектика, а назвать ли ее каббалистической, гегелевской или марксистской — разницы немного.

Принципиально иной взгляд на миробитие в библейском Откровении. ИСКИ не истекает из Божества — во-первых, не отчуждается Им от Себя — во-вторых, и не становится ни посредником, ни стеною между Творцом и тварью — в-третьих. Вот три принципиальных отличия от иерархической эманации.

Творец нимало не теряет Сам в Себе от акта сотворения. Сам Он остается бесконечно отличным от Своей твари, так что если (по свидетельству святителя Григория Паламы) Бог существует, то бытие всего прочего нельзя именовать существованием, а если говорить, что существует все прочее, то само слово «существует» нельзя будет приложить Божеству.

Бог не сливается с ИСКИ, не занимает в ней какую-то первую и основную ступеньку. Он пребывает одновременно и вне ИСКИ, и содержа ее при этом в Себе, охватывая ее и не охватываясь ею.

Нельзя сказать и того, что Бог сотворил некую начальную иерархию — Ангелов ли, идей ли, сефирот ли, неважно — а оставшееся творение завершала она сама собою методом эманационных порождений по расходящемуся древу эволюции. Нельзя считать и так, будто Бог управляет нижними ступенями иерархично построенной твари только через вышние ступени, подобно тому как в армии распространяется приказ «по команде» через старших начальников последовательно к низшим. Но напротив, минуя всякую ангельскую, мысленную или иную какую тварную иерархию, Сам Содетель может непосредственно заставить заговорить ослицу (Чис. 22, 28), или извести воду из камня (Исх. 17, 5–6), равно как может сообщить внутреннее познание Себя, даровать таинственное единение с Собою непосредственно всякому достойному причастнику благодати. Пришел на землю не ходатай, не Ангел, но Сам Господь воплотился, и обожение человека Он совершает без всякого тварного посредства.

Между тем в языческих космогониях первоначально категорически неприступно ни для какой твари. Для познания и общения людям доступны лишь мелкие, вторичные божества.

Здесь мы подходим к некоему кульминационному моменту нашего сопоставления — к цели религии того и другого типа. Библейская вера внутренне непротиворечиво устремлена к одной цели — ближайшему, или

по-славянски, преискреннему общению с Богом Живым. И напротив, космогония порождений стремится как можно дальше отделиться от Живого Бога. Вот зачем нужно было нам так углубляться в рассмотрение иерархического устройства миробытия. Христианин через мировую иерархию восходит непосредственно к Творцу — язычник эту же иерархию использует с целью убежать от Творца. Язычник хочет при помощи этой иерархичности убить Живого Бога, растворить Его в этой пирамидальной структуре. Божества язычников вполне мертвы — будь ли это каменные истуканы, сефироты или законы марксистской диалектики.

Кстати, идея эманации грозила проникнуть и в христианское богословие через арианство. Бог у Ария не творит Сам, Он нуждается в орудии или посреднике, которого изводит из Себя путем рождения во времени, и это промежуточное «эманационное творение» подобным же образом производит всю прочую тварь. Система сефирот, можно сказать, стягивается в одно наименование — вот в такое ложное и богохульное представление о Слове Божиим. Эта идея категорически отвергнута Церковью как полностью антибиблейская, берущая свое начало в чуждой религии мертвого бога.

ТЛЕННОСТЬ И НЕСОВЕРШЕНСТВО МИРА

Все в этом мире тленно и смертно. На языке науки это выражается целю совокупностью законов природы. Космогонии двух типов дают тлению два принципиально разных объяснения. По библейской космогонии тление стало следствием преступления свободной, разумной, нравственно-ответственной твари — человека. В космогонии языческой никакая личность (сама будучи чем-то вторичным по отношению к безличному первоначалу) не в силах произвести такого космического поворота во всем сотворенном мире. А потому тление есть или результат извечной борьбы двух (или

более) начал, породивших мир, или же оно есть результат некоей недоразвитости твари, восходящей постепенно к своему совершенству, но не достигшей одного на сегодняшний день.

Опять же обе космогонические системы внутренне логичны и в этом вопросе. В религии Личного Бога все причины — в личности и ее свободе. В религии безличности все идет само собою, а личность не права и не виновата.

Тленный человек, живущий в тленном мире, не может быть причиной тления сего мира — простое и тривиальное рассуждение язычников. И, конечно, неверное. Откровенное же учение о том, что причиной тления твари стала греховная воля ее тварного царя, — само собою не может прийти человеку на ум. Но именно оно и является верным. Так и должно быть, если над личностью человека стоит Триличный Живой Бог Вседержитель, Который управляет всей не нравственной тварью в зависимости от Своих отношений с тварью нравственной. И на этот раз нетривиальное решение оказывается верным.

МИРОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Что будет с тленным миром дальше?

Тривиальные религиозные системы решают и этот вопрос по аналогии с чем-то видимым. Смотрят на смену времен года и приходят к выводу о цикличности мировой динамики: мир якобы порождается из хаоса периодически и периодически вновь возвращается к хаосу.

Иной тривиальный сценарий, взятый по аналогии с накоплением технологических навыков от поколения к поколению: мир развивается прогрессивно и идет к какому-то светлому будущему, строго поступательно, кверху, без циклов.

Откровение же, данное еще в самом прикровенном начальном виде Адаму при изгнании из рая, указывает

опять же нетривиальный выход из создавшегося положения. Оно дает нам мессианскую идею.

Мессия, Сын Божий, во образе человека придет и восстановит и человека, и весь падший мир. Никакой аналогии этому деянию Мессии в тварном мире не найти. Сам собою ум человеческий до такой мысли возвыситься не в состоянии.

Спасительное благодеяние Мессии в Моисео-христианской философии бытия заключается в восстановлении всей твари от человека до неживой природы, в избавлении от смерти и тления, притом в восстановлении не насильственным, но добровольном. Это дело не под силу человеку или какой-либо иной твари. Мессия Сам должен быть Творцом того, что Он восстанавливает.

В философиях безличного порождения, оперирующих идеями прогресса или цикличности, тление мира есть нечто естественное, пришедшее само собою или долженствующее уйти само собою. Поэтому если в рамках этой религиозной системы каким-то образом возникает мессианская идея (заимствованием из библейского Откровения или как остаток первоведения Адамова), то роль Мессии довольно скромна — благодетельствовать, просветить, научить и возвысить земное человечество (а скорее — только некую его часть, например, еврейство). На такую роль подходит просто гениальный человек. Потому таковых может быть довольно много за всю историю человечества, а в «философиях цикла» такие даже необходимо могут приходить периодически.

В этой точке от Моисеева Откровения безнадежно отошел иудаизм, даже тот, который по-видимому не принимает Каббалу. Причиной же переосмысления мессианской идеи, очевидно, послужила диффузия каббалистических идей в иудейское сознание, хотя бы она протекала и тайно. Потому понятие о Мессии «приземлилось», потому истинного Мессию не узнали, отвергли, распяли. Более же всего возненавидели Его не за

что иное, как за правильное, библейское, неизвращенное преподавание Им мессианского учения пророков о Божественности Христа и Его всемирном, космическом служении и об искуплении через уничижении Мессии и крестные страдания.

Мысль о Кресте, воспринимаемая в христианстве как таинство, как средоточие веры, является по слову Апостола или соблазном или безумием для всякой чуждой религиозной философии (1 Кор. 1, 23). Но в свете Откровения она несколько доступна нам, оставаясь при том глубокою тайной. Личный Бог не только Творец, не только Бог Живой, но Он есть и Любовь, и эта Высшая Любовь выражается в самопожертвовании даже до смерти, и смерти крестной. В Крестной тайне и следует искать ответ на вопрос, как восстановить свободную, разумную тварь, не нарушив ее свободы, добровольно отворотившейся от Творца и Икупителя.

Наконец, в полноте дело Мессии завершается Его Вторым пришествием, воскресением мертвых и Страшным Судом. Тогда будет остановлено время, и тем отменятся все законы тления. Откровение рассматривает такое преобразование того будущего мира как деяние, сопоставимое с творением, как подобное же дело премудрости, праведности и милости Божией к падшей твари. Тогда цель мироздания достигнута будет вполне и окончательно.

В философиях же тривиальных, где нет личного Творца, нет цели и замысла в существовании мира, конечно, понятия о Суде и Воскресении полностью отсутствуют — и это также вполне логично и понятно.

Первоведение Адамово, знание, вложенное как бы в саму природу человека, даже падшего, внушает ему надежду на лучшее будущее. Эта надежда в роде человеческого живет несмотря ни на что и умирает последней. Вопрос только в том, что понимать под этим светлым идеалом, дающим смысл человеческой жизни: рай на земле во времени, царство человеческое, или же рай на Небе, в вечности, Царство Божие, пришедшее в со-

вершенной силе. И здесь две религии выбирают одна одно, другая другое.

ДВЕ РЕЛИГИИ

Вот два типа философии бытия, цельных в себе. Обе они допускают некие вариации, искажения или отступления. Идея эволюционного развития живой и неживой твари, как мы видели, хорошо вписывается в общий контекст только одного рода религиозной философии. В философии библейского Откровения места ей не найти.

Две философии бытия прослеживает, показывает и сопоставляет в своей книге Лев Тихомиров, проводя между ними водораздел, начиная от личности Творца и вопроса о творении. Приведем независимое свидетельство Генри Морриса [23], современного американского креациониста-протестанта, наверняка незнакомого с недавно опубликованной рукописью Льва Тихомирова, как и вообще с какими-либо православными источниками, особенно на русском языке. Это люди совершенно разных духовных миров и эпох, несколько не знакомые друг с другом, с совершенно разных концов пришедшие к тождественным выводам. *При устах двух таких свидетелей да станет всяк глагол* (Мф. 18, 16). Итак, Генри Моррис пишет:

«Христианам следует осознать важный факт, что в мире реально существуют лишь две основных религии. У одной в центре Бог, у другой — человек. Итак, выбор ограничен: либо монотеистический (один Бог) креационизм, либо эволюционный, пантеистический (повсюду Бог) гуманизм. Библейское христианство зиждется на истине, что существует только один Бог и что Он — Творец и Искупитель мира».

Оговорившись особо об иудаизме и исламе, Моррис в полном согласии с Тихомировым (хотя более кратко) осматривает все прочие мировые религии и делает вывод об их духовной общности:

«Ни одна из них не верила и не верит в личность Всемогущего Творца, Который создал весь космос (пространство, время, энергию, материю, жизнь, дух) Своей собственной вечной силой. Поэтому во всех отношениях все эти религии — древние и современные — являются по сути эволюционными религиями. Они основаны в конечном счете на вере в тварь, а не в Создателя, и потому все они — одна и та же религия. Неудивительно поэтому, что все они довольно легко адаптировались к современному “научному” эволюционизму, так как последний — это всего-навсего слегка модернизированная форма их древнего поклонения природе или духу...»

«Кончилось тем, что эволюция теперь так же углубленно и свободно преподается в учебных заведениях Азии, Африки и островов Океании, как и в школах Европы и Америки».

В последние десятилетия в христианской мысли вообще, и в православной, к сожалению, в особенности, появились попытки сочетать несочетаемое, создать некие синкретические учения, в которых личный Творец соединялся бы с эволюцией. Эти попытки имеют корнем своим малодушие и легковерие по отношению к мудрости века сего, приправленной наукообразной демагогией. Христиане растерялись перед лицом безбожной пропаганды: неужели и вправду мир стоит миллиарды лет? Тогда, конечно, нужно как-то подкраивать Библию под эти теории.

Креационистская апологетика говорит ясно: не бойтесь, стойте, мужайтесь, утверждайтесь. У нас есть что возразить безбожным ученым, между тем как им нечего бывает возразить нам.

Попытки синкретического соединения Откровения с эволюцией сколь многочисленны, столь же и разнообразны. Что ни автор — то свои (по выражению святителя Феофана Затворника) «геологические бредни», своя концепция исторического развития природы и человека. Не есть ли это обстоятельство само по себе явный признак искусственности всех подобного рода построений?

Нам нет нужды заимствовать идеи из чуждого арсенала мыслей и понятий. Такое заимствование превращается в опасную игру ума, — если только еще остается делом честного заблуждения. Но, к сожалению, чаще бывает иначе: не наука сбивает с толку мировоззрение, а само мировоззрение, тайно поменявшись, оставив Живого Бога и поклонившись мертвому, приспособливается под себя и науку, и, что гораздо хуже, религиозную жизнь.

ТАЙНОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ЧУЖДОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Итак, мировоззрений существует только два: Божие и чуждое. Первое направлено к Царствию Божию, второе — к царству человеческому, а если вещи хотя бы под конец назвать своими именами, — к царству сатанинскому, преисподнему.

Прелюбодейное поклонение *богу чуждому* постоянно и незаметно проникает в человеческую мысль, конечно же, не иначе как через грехолюбивое, блудливое сердце. Так еще в глубокой древности от религии Истинного Бога отпали иудаизм, а затем ислам. Моррис объясняет это так:

«Хотя ортодоксальный иудаизм (т. е. не прямой каббализм — *с. Т.*) и ислам тоже монотеистические религии, они не признают, что Бог, создавший все — Единственный, Кто может быть истинным Спасителем всего через Свое воплощение и искупительную смерть».

Иными словами, не видят глобального закона тления, равно как и того, что введено оно в мир человеком, а потому может быть выведено только искуплением рода человеческого.

«И евреи, и мусульмане продолжают верить в спасение человеческими делами, а не верою в единственно возможное дело искупления — смерть и воскресение Единого Истинного Бога Творца — Господа Иисуса Христа. Таким образом, в конечном счете они также ста-

новятся религиозными гуманистами, полагаясь на способность людей спастись самим. А значит, только истинное библейское христианство может быть настоящей монотеистической креационной верой, сконцентрированной всецело на личности и деле Единого Истинного Бога, Творца и Спасителя через Иисуса Христа».

Добавим, что глубокие историки и мыслители, такие как Л. А. Тихомиров, Ф. Бренье и другие, ясно указывают, что иудаизм еще до Рождества Христова, со времен вавилонского плена тайно начал перенимать пантеистическое мировоззрение халдеев, заложив еще тогда основы Каббалы. Было ли христубийство причиной или следствием этого тайного поворота духовной ориентации — остается только гадать.

Но сатанинская идеология вползла не только в Моисееву религию, она многократно и многообразно пленяла и христиан, причем практически во всех конфессиях: и в Православии, и в католичестве, и в протестантском многообразии. Об этом историческом процессе на множестве конкретных примеров и повествуем нам труд Тихомирова.

Он прослеживает возникновение чуждой веры внутри самого христианства с первых веков его истории. До нас дошли сведения об истории гностиков, манихеев, альбигойцев, богомилов, тамплиеров, «русских жидовствующих» и последующих более респектабельных гуманистических учений под масонскими вывесками.

Мы не станем пересказывать историю всех известных таких движений, для этого нам пришлось бы существенно увеличить объем написанного. Но надеемся, что читатель в этой области уже имеет минимум знаний, которые следует лишь привести в систему.

Когда говорят о названных лжеучениях, то обычно перечисляют их общие черты: отрицание Троицы, отрицание Божества Иисуса Христа, отрицание Страшного Суда, отмена всех церковных таинств, обычаев и обрядов.

Но общий корень всей этой идеологии может ускользнуть от нашего внимания. А заключается он в замене Личного Бога на безличное порождающее начало, а процесса творения на некое эволюционное преобразование. Из этого уже логично, как мы здесь рассмотрели, вытекает все прочее.

В итоге в корне всего оказываются вопросы натуральной апологетики и не в последнюю очередь — креационной науки!

Можно ли после этого оправдать презрительное равнодушие к этим вопросам?!

Иными словами, существуют две больших религии и одна из них потихоньку заменяется на другую, причем этот процесс совершается ступенчато. Для ослабевших в вере и нравственно поползнувшихся христиан предлагаются перетолкования и поправки к Писанию, должествующие «углубить» наше понимание, «возвысить» его до тайного аллегорического смысла Библии. Эта «высшая» философия начинает представлять Бога Писания каким-то низшим личным проявлением более высшего безличного божества — как в Каббале. (Впрочем, видимо, никогда тайная религия не входила в христианство самостоятельно, без каббалистического содействия.)

Более посвященные переходили уже полностью на пантеистическую философию, а самые «продвинутые» тайно служили настоящие черные мессы, молитвенно обращаясь ко злу, а то и просто к козлу. Эти козломольцы, конечно, хранили себя в строгой тайне от профанов, они всегда были спрятаны в темноте своих подземелий, но их философия, предлагаемая широким массам, всегда была удивительно однообразной.

Итак, никогда не следует забывать, что саму идею эволюции предложили отнюдь не Лайель с Дарвиным. Эта идея по древности почти современна человечеству. В раю человеку и было предложено пойти эволюционным путем — самостоятельно, наперекор Творцу, развиться до бога. С тех пор эта змеиная философия мертвой хваткой вцепилась в человеческую мысль и

грешное сердце. Диалектика, эволюция, прогресс, гуманизм — все эти ядовитые плоды висят на одном и том же древе познания, древе, которое должно быть полностью запрещенным для тех, кто вкусил плоды падения наших прародителей, видит их в своей душе и милостию Христоваго желает избавиться от них.

Современное экуменическое движение целиком и полностью стоит на этой сатанинской философии, а козлогласования и козломоления регулярно совершаются на каждом солидном сборище. Экуменический вопрос давно уже не является конфессиональным. Этот вопрос глубже. Уже не в том беда, что православный член ВСЦ может стать под конец протестантом. На самом деле оба этих бывших христианина, пропитавшись экуменическим духом, становятся отступниками от любой формы христианства — и верной, и искаженной. Оба они — уже потенциальные козломольцы, если не сказать — реальные.

Мы охотно допускаем, что читатель не поверит обозначенным нами параллелям с современностью, что ему не захочется охотиться на ведьм. Тем не менее тайные отступники, которые днем на вид священники *Бога Живаго*, а ночью — *бога чуждаго*, это исторический факт, точнее серия фактов, от которых невозможно отмахнуться. И они всегда проникали во главу любой поместной Церкви, которую пытались прибрать к рукам. Со времен Пилатовых Христа распинает не чернь, а народно-религиозные лжедуховные вожди, которые по сути своей — чада дьявола. В конце XV века один из таких — митрополит Зосима был и во главе Русской Церкви. В наше время ничему не удивишься, если еще три тысячи лет назад было сказано: *нет ничего нового под солнцем, что делалось, то и будет делаться* (Еккл. 1, 9).

Экуменическое рвение современных официально-православных лидеров общеизвестно. Другой штрих к картине, на первый взгляд не имеющий к ней отношения, — засилие в нашей современной православной апологетике идей теистической эволюции и явное проти-

воборство апологетике креационистской под лукавым предлогом, что это якобы «протестанство».

Обратим внимание, что церковные либералы и экуменисты в ряде случаев являются прямыми и сознательными проводниками эволюционных идей в богословии. Достаточно назвать имена протоиерея Александра Меня и епископа Василия (Родзянко). Именно на основе примирения Бога с эволюцией они и смогли завоевать благосклонность интеллигентного, развращенного прямым гуманизмом читателя.

Большинство православных не видят в таком примиренчестве реальной опасности, они просто избегают разговоров на эти темы, видимо боясь спасовать перед безбожной наукою. И потому рады бывают удовлетвориться теистической эволюцией, лишь бы она Бога не отрицала. И в голову не приходит, что Бога можно не только отрицать — Его можно подменить.

Для наглядности приведем пример подобного рода космогонии епископа Василия (Родзянко) [24]. В двух словах она сводится к следующему. Вначале где-то не в здешнем пространстве создан некий нематериальный рай, человек и вся Церковь, предсуществующие по отношению к своим земным формам. Затем в том мире происходит грехопадение человека, за которым следует «большой взрыв», порождающий современную Вселенную, после чего эволюционным образом за миллиарды лет строится весь нынешний мир. Надо полагать (хотя это не сказано прямо), и тело человека каким-то образом вновь формируется из обезьяньего.

Несмотря на обильное цитирование святых Отцов, не относящееся к делу, мы четко видим здесь сатанинскую космогонию. Богу отведено что-то сотворить лишь не в этом мире. Этот мир есть эманация «большого взрыва». Материя этого мира, не будучи никогда организована хорошо, оказывается присноносящей некое злое начало тления. Адам не является исторической личностью в этом мире, и естественно, тление этого мира никоим образом невозможно объяснить грехом

исторического земного человека — ведь если люди и грешили, то лишь «по ту сторону».

Вот такая получается библейско-манихейская солянка, в которой к тому же ясные сатанинские выводы не высказаны прямо, а предоставлены читателю. Таким же путем всегда ходил и о. Александр Мень, у которого, впрочем, своя, практически дарвинистская космогония. У любого другого «православного эволюциониста» вы найдете другую, но не менее вредную смесь Библии с пантеизмом или манихейством.

Какие бы книги на тему натуральной апологетики ни взял бы читатель в современном православном магазине, мало шансов, что у него под конец появится ясность и определенность: где свое мировоззрение, где чужое, где наука, где философия, где факты, а где вымыслы. Он вряд ли догадается, что есть круг идей и методов мышления, для христианина абсолютно неприемлемый. И виною тому будет не что иное, как наше безразличие к вопросам вероисповедания и апологетики. Моррис пишет по этому поводу так:

«Самый разочаровывающий аспект современной ситуации — не откровенная оппозиция гуманистов и религиозных либералов (этого следовало ожидать), а повсеместная общая апатия верующих в Библию христиан».

К нам это относится еще в большей мере, чем к американским протестантам. Стыд и позор для нас поддаваться столь многим искушениям эволюционных теорий и умственных винегретов из Моисея и Дарвина, — нам, достаточно много знающим об истории и учении гуманизма, о его воплощении в масонстве и революционных движениях, о его связи с идеей мирового правительства и прочее, и прочее.

Креационисты типа Морриса вряд ли знакомы с трудами Тихомирова и Леонтьева, с трудами таких богопросвещенных святителей, как архиепископ Иоанн (Максимович) и архиепископ Серафим (Соболев), разоблачивших софианскую ересь. И при этом опасность гуманистического мировоззрения, ведущего прямо к антихристу-человекобогу, они сознают порой лучше нас,

имеющих такое великое и дивное наследие по-настоящему глубоких мыслителей. Нам ли презрительно отзыватья о натуральной апологетике, позволяя себе при этом верить всяким синкретическим эволюционно-библейским выдумкам!

С протестантскими креационистами нас разделяет конфессия — их «наследные» протестантские заблуждения. Может быть, есть надежда, хотя слабая, что они их пересмотрят. Слаба же эта надежда потому, что если они и взглянут на современное Православие, на учение Меня и Родзянко, они за голову схватятся и скажут: извините, можете еще называть это Православием — по обряду, но по сущности это уже не христианство, это другая из двух религий, о которых мы говорили.

Еще раз подчеркнем, что замена Бога Творца на бога чуждаго происходит в сердце прежде, чем в философии. Хранение верности Истинному Богу требует аскетических усилий, требует ограничения полета мысли, то есть вольнодумства, требует нравственного очищения. Бог же пантеистов — мертвый бог, верующий в него человек живет вполне автономно от него. Бог Библии жив и близок человеку. Дела Его не выброшены, не рассеяны по миллиардам лет — они стоят на преемственной живой памяти человечества. У Живого Бога нет ни ошибок, ни игры в промышленность, ни вообще каких-либо действий, которые не несли бы нравственного смысла и значения. И это касается любой природы — и разумной, и живой, и неживой. Вся она несет отпечаток не только Премудрости Божией, не только признаки всепревосходящего ума, но и свидетельствует о святости, о любви Божией, о всепревосходящем Божественном нравственном чувстве.

Пора уже нам, православным, твердо стать на ноги в вопросе мировоззрения, исключив всякие сделки с религией вражией. Пора осознать цену таких компромиссов и опасность со стороны этой тайной коварной лже-религии, окончательные плоды которой слишком хорошо известны нашему веку революций и социальных потрясений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. — Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. Репринт: М., «Паломник», [1993].
2. Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Римлянам. — Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. IX. Кн. 2. СПб., Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1903. Репринт: Издательский отдел Московского Патриархата, «Посад», 1994.
3. Св. Ефрем Сирин. Толкование на Книгу Бытия. — Святой Ефрем Сирин. Творения. Т. 6. М., «Отчий дом», 1995. Репринтное воспроизведение книги: Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. Ч. 6. Сергиев Посад, Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1901.
4. Св. Ефрем Сирин. Поучительные слова к Египетским монахам. Слово на пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристова. — Святой Ефрем Сирин. Творения. Т. 2. Репринтное издание. М., Издательский отдел Московского Патриархата, «Посад», 1993.
5. Точное изложение православной веры. Творение св. Иоанна Дамаскина. СПб., Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1894.
6. Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послание и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. Репринт: М., Московский Сретенский монастырь, «Правило веры», 1998.
7. Иеромонах Серафим (Роуз). Православный взгляд на эволюцию. Пер. с англ. диакона Виктора Щурова. Российское Отделение Валаамского Общества Америки. СПб., «Светослов», 1997.

8. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. Париж, YMCA-PRESS, 1950. Репринт: М., «Паломник», 1996.
9. Протоиерей Стефан Ляшевский. Опыт согласования современных научных данных с библейским повествованием в свете новейших раскопок и исследований. В. А. Губанов. Возможна ли эволюция без Бога? В кн.: Библия и наука. М., Издание православного братства во имя иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», 1996 и 1998.
10. В. Н. Тростников. Мысли перед рассветом. Paris, YMCA-PRESS, 1980.
11. Дэвид Роузвер. Наука о сотворении мира, доказывающая правоту Библии. Пер. с англ. Е. Канищева. Симферополь, Крымское общество креационной науки, 1995.
12. С. Л. Головин. Всемирный потоп. Миф, легенда или реальность? Симферополь, Крымское общество креационной науки, 1994.
13. Иеромонах Дамаскин (Христенсен). Не от мира сего. Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского. Пер. с англ. И. Багрова, Е. Кирьянова, О. Шкуро и др. Братство Преподобного Германа Аляскинского, Платина, Калифорния. Российское Отделение Валаамского Общества Америки. М., «Русский Паломник», 1995.
14. Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1987.
15. Протоиерей Александр Мень. Радостная весть. М., «Вита-центр», 1991.
16. Протоиерей Сергей Антиминсов. Протоиерей Александр Мень как комментатор Священного Писания. В кн.: О богословии протоиерея Александра Мень. М., «Правило веры» при содействии редакции газеты «Град Китеж», 1993.
17. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. III. Аскетические опыты. СПб., Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1905.
18. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. IV. Аскетическая проповедь. СПб., Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1905.

19. Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского. Издание Келлии Благовещенской старца Парфения на Афоне, 1912. Репринт: СПб., «Воскресение», «Паломник», 1996.
20. «Роль Ватикана в современном межрелигиозном движении и великое падение православных экуменистов». Видеокассета. 3-е собрание православного просвещения. Неделя Православия 12 марта 1995. Афины, Греция. Организатор: священный монастырь святых Киприана и Иустины (Фили, Атика, Греция).
21. Иеромонах Серафим (Роуз). Православное святоотеческое понимание Книги Бытия. Пер. с англ. С. Ерлыкова. Братство Преподобного Германа Аляскинского, Платина, Калифорния. Российское Отделение Валаамского Общества Америки. М., 1998.
22. Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М., Редакция журнала «Москва», 1997 и 1998.
23. Генри Моррис. Сотворение и современный христианин. Пер. с англ. М., «Протестант», 1993.
24. Епископ Василий (Родзянко). Теория распада Вселенной и вера отцов. М., «Паломник», Издательский Дом «Грааль», 1996.
25. О. Д. Хвольсон, заслуженный профессор Петроградского университета. Знание и вера в физике. Вступительная лекция, прочитанная в начале осеннего семестра 1915 г. Петроград, Издание Ф. К. Феттерлейна, 1916.
26. Блаженный Августин. Исповедь. Пер. с лат. М. В. Сергеенко. М., «Гендальф», 1992.
27. Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Книгу Бытия. — Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. IV. Кн. 1–2. СПб., Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1898. Репринт: Издательский отдел Московского Патриархата, «Посад», 1993.
28. Бен Хобринк. Эволюция: яйцо без курицы. Пер. с англ. И. З. Дьяковой. М., «Мартис», 1993. Репринт: Христианский взгляд на происхождение жизни. Киев, Издательский отдел УПЦ, 1994.

Содержание

Предисловие	3
ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ТЛЕНИЕ?	7
Введение	9
ГЛАВА 1. О ПРАВДОПОДОБНОМ И ФАНТАСТИЧЕСКОМ	14
Миллиарды лет?	15
Возможны ли превращения видов?	20
Первобытный мир	21
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИИ НЕ БЫЛО	27
ГЛАВА 3. МЕЖДУ ТЛЕНИЕМ И НЕТЛЕНИЕМ	48
ГЛАВА 4. СТУПЕНИ ТЛЕНИЯ	64
Заключение	86

ДВЕ КОСМОГОНИИ

Введение	91
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАТУРАЛЬНОЙ АПОЛОГЕТИКИ И ЕЕ ВАЖНЕЙШИЕ ВЫВОДЫ	
Проблемы научного креационизма	97
Факт — теория — закон природы	101
Общие законы природы и их частные выражения	105
Следствия из законов сохранения и законов энтропийных	110
Божие Откровение и критерий нетривиальности	115
ГЛАВА 2. КОСМОГОНИЯ БИБЛЕЙСКАЯ И ЯЗЫЧЕСКАЯ	
Об остаточном первоведении Адамовом	119
Сотворение или порождение?	120
О личности Творца	123
Идея развития	126
Принцип иерархии в тварном мире	130
Иерархическая система конструктивных идей и ее происхождение	132
Идея иерархии в общем космогоническом плане	140
Тленность и несовершенство мира	143
Мировая перспектива	144
Две религии	147
Тайное проникновение чуждой религиозности	149
Литература	156

**Священник Тимофей
ДВЕ КОСМОГОНИИ**

**Эволюционная теория
в свете святоотеческого учения
и аргументов креационной науки**

**Под редакцией
члена Российского физического общества
*Евгения Лукьянова***

**Директор издательства:
*Павел Роговой***

**Оформление:
*Елена Калинина***

**Оригинал-макет:
*Дмитрий Зилин***

ЛР 064733 от 27.08.96.

Издательство «ПАЛОМНИК»

при участии редакции газеты «Град Китеж»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

АО «Молодая гвардия»

Печать офсетная. Формат 84x108¹/₃₂. Объем 5 п.л. Тир. 7000 экз.

Подписано в печать 21.02.99. Зак. № 99249.

Адрес издательства: 103030, Москва, Суцеская, 21.

Адрес АО «Молодая гвардия»: 103030, Москва, Суцеская, 21.

Качество воспроизведения соответствует
качеству предоставленных оригиналов.